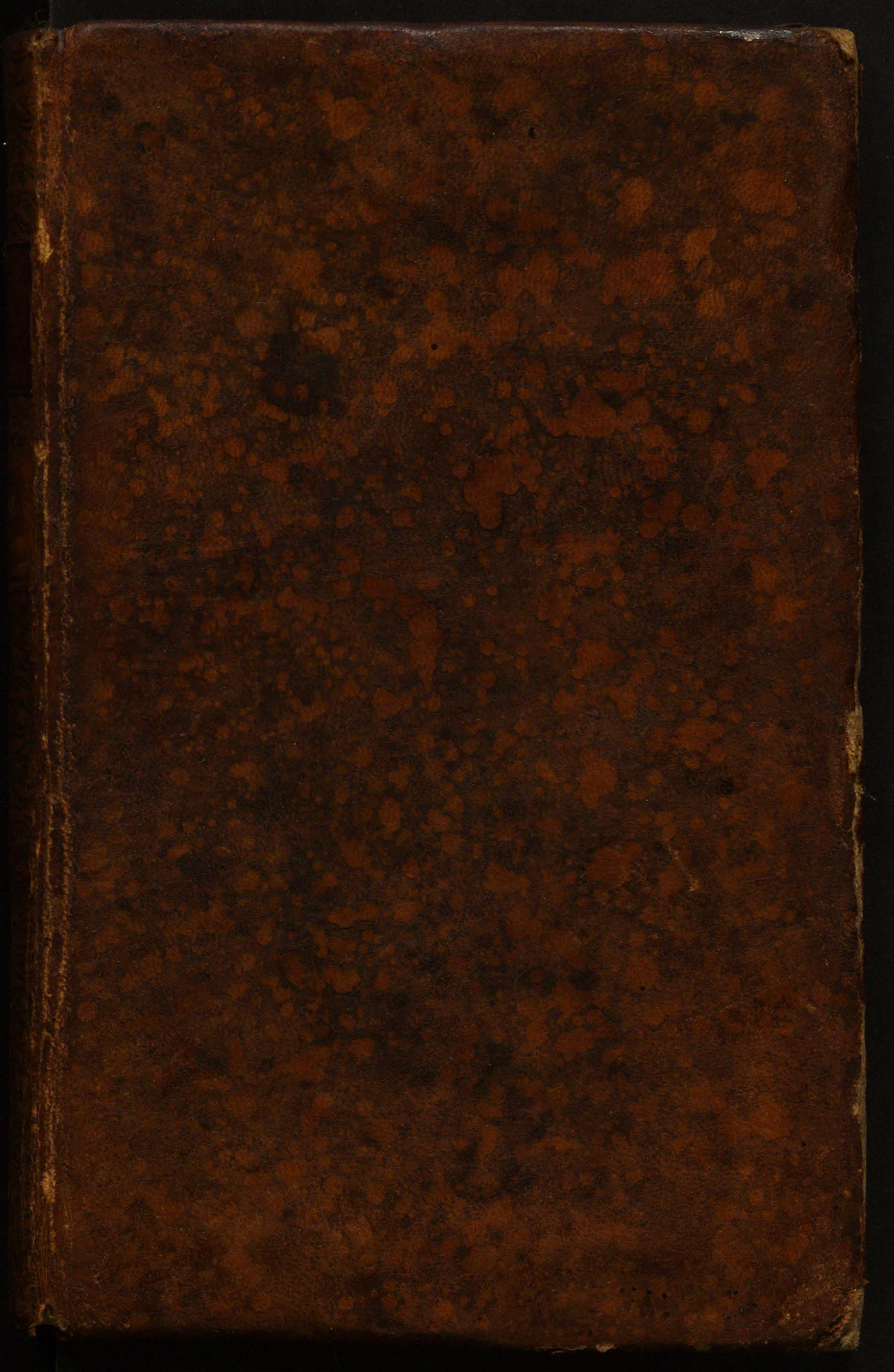

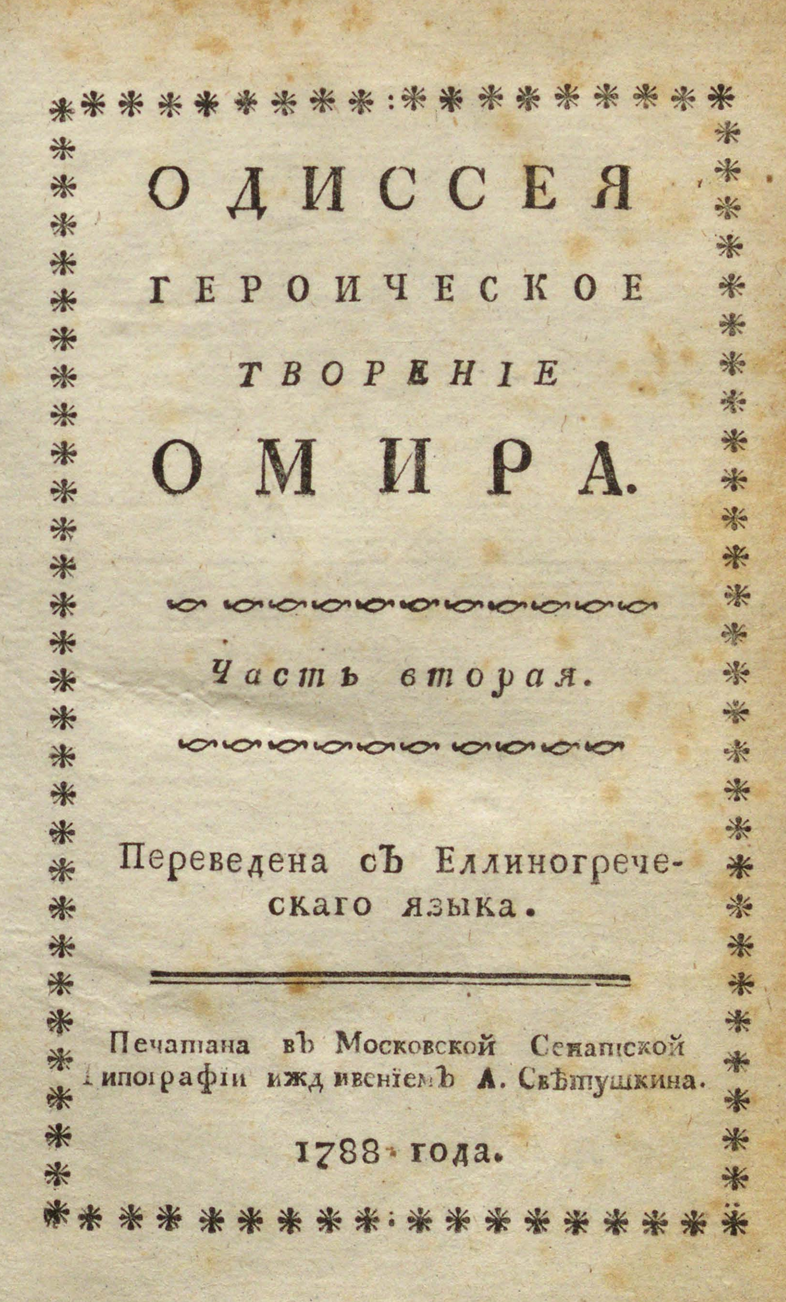

ОДИССЕЯ
ГЕРОИЧЕСКОЕ
ТВОРЕНІЕ
ОМИРА.

Часть вторая.

Переведена съ Еллиногреческаго языка.

Печатана въ Московской Сенатской Типографіи иждивеніемъ А. Свѣтушкина.

1788 года.

С одобренія определенныхъ Цензоровъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ НАДЕСЯТЬ.

Ни.

*

* *

Тако Одиссей скончалъ свое повѣствованіе; и слушающіе всѣ пребывали въ глубокомъ молчаніи. Тогда Алкиной начинаетъ тако: Великій Одиссей! Когда боги привели тебя въ домъ нашъ; не мню, дабы ты заблуждалъ по морю, но прямымъ путемъ пріидеши въ

домЪ твой. ВамЪ же, О знаменитые Феакїане, кои всегда вЪ моемЪ дому пиршествуете, пїя со изобилїемЪ сладкое вино и слушая пѣвца, повелѣваю тако! Се дары ваши, одежды драгоцѣнныя, разнообразное злато, и инныя многїя сокровица лежатЪ уже вЪ ковчегѣ! ДадимЪ убо нынѣ ему каждый изЪ насЪ по единому треногу и по единому конобу; все сїе послѣ соберемЪ отЪ общества народнаго; ибо трудно есть единому толикое даянїе сотворити.

Тако рекЪ Алкиной; и всѣмЪ угодно было слово его. Всѣ отходятЪ вЪ домы насладитися сномЪ. По возшествїи же денницы, несутся конобы и треноги, кои самЪ царь Алкиной положилЪ подЪ сѣдалищами вЪ караблѣ тако, дабы ни единому мужу не препятствовали простирати весла. По семЪ всѣ пришедЪ вЪ домЪ АлкиноевЪ, помышляли о пиршествѣ. СамЪ Ал-

Алкиной заклавъ вола принесъ въ жертву всѣми обладующему Кронову сыну Дїю. Потомъ и всѣ приступили съ веселїемъ къ пиршеству, воспѣвающу между ими Димодоку. Великодушный Одиссей многажды обращалъ взоръ свой на солнце, желая скораго отшествїя въ домъ свой. Аки мужъ земледѣлецъ вращая рало волами на новомъ полѣ, съ радостїю взираетъ на заходящее солнце; зане желаетъ вечеряти; и идущу ему прегибаются колѣна; тако Одиссей увидѣлъ сокрывшїйся свѣтъ солнца, и вскорѣ начинаетъ Феакїанамъ, паче же всѣхъ молитъ Алкиноя: Царю Алкиной, и всѣ знаменитые Феакїйскїе градоначальники! Молю васъ, отпустите меня отсюду въ домъ мой, сами же радуйтеся; зане уже совершилося, чего желало сердце мое; се готово препровожденїе и знаменитые дары; что все невредимо да сохранятъ боги, да

узрю такожде жену мою и всѣхъ друговъ здравыхъ. Вы пребывайте здѣсь утѣшая женъ, дщерей и сыновъ вашихъ; и боги да подадутъ вамъ вся благая, и да ни едино зло не прикоснется къ народу вашему.

Тако рекъ Одиссей; и всѣ положили совѣтъ отпустити его. Тогда Алкиной ко провозвѣстнику вѣщаетъ: Понтоной! наполни чашу виномъ, и подаждь всѣмъ, да сотворивъ моленїе великому Дїю, отпустимъ сего страннопришельца во отечество его.

Тако рекъ; Понтоной, исполняя повелѣнїе царя, подалъ чашу съ виномъ; и когда всѣ вкусили, тогда Одиссей подалъ чашу царицѣ Аритѣ, тако вѣщая къ ней: Радуйся царице! во вся дни, доколѣ прїидетъ старость и смерть, не минуемыя человѣческїя приключенїя. Се нынѣ отхожду отъ васъ, ты же пребывая въ дому твоемъ радуйся о Алкиноѣ царѣ, о сынахъ и

о

о народѣ. Тако рекши Одиссей возпрïемлетъ путь къ кораблю. Тогда Алкиной предпослалъ провозвѣстника на брегъ моря; Арита же послала рабынь, изъ коихъ едина несла чистую одежду, вторая ковчегъ, третïя хлѣбъ и красное вино. Все сïе мореплаватели положили въ караблѣ; Одиссею уготовали постелю; кой вшедъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Сопутники его отрѣшивъ корабль начали разсѣкати морскïя воды веслами. Тогда на Одиссея падаетъ сладкïй, крѣпкïй и подобный смерти сонъ. Корабль же несущïй храбраго мужа летѣлъ аки быстрѣйшая птица. Когда явилася возвѣщающая пришествïе солнца денница; тогда легкïй корабль Феакïйскïй приближался ко острову Иѳакѣ. Одиссей забывъ всѣ напасти спалъ аки мертвый. Есть тамо морскаго старца Форкина пристанище: двѣ страны брега аки изсѣчен

ченныя простерлися въ море, и аки руками объемлющія; тамо не прикасается вѣтръ, ниже колеблются отъ волнъ корабли; но стоятъ аки привязанные. На верху сего пристанища стоитъ сѣнно лиственное масличное древо; не далече отъ сего узриши пещеру темную но веселую, гдѣ обитаютъ священныя нимфы, нарицаемыя Наяды; внутрь коея стоятъ каменныя чаши и водоносы; тамо гнѣздятся пчелы; тамо нимфы удивленія достойное совершаютъ тканіе; тамо обрящеши два студенца вѣчныя воды; тамо двои суть двери, едины на востокъ, другія на западъ: въ первыя входятъ токмо безмертные боги, а вторыя отверзсты суть для входу человѣковъ. Здѣ Феакійскіе мореплаватели корабль постановили, и Одиссея изнесши со всею постелею положили на пескѣ отягченнаго крѣпкимъ сномъ. Дары же, дан-

ныя

ныя отъ Феакїанъ, положили при корени масличнаго древа, далече отъ пути; дабы кто отъ мимоходящихъ людей, доколѣ Одиссей возпрянетъ отъ сна, не похитилъ; сами же паки возвращаются во свою отчизну.

Тогда Посидонъ возпомянувъ прещенїя свои, коими угрожалъ Одиссею, тако начинаетъ ко отцу боговъ: Отче Дїй! Уже я отнынѣ не зрю между безсмертными почтенїя, когда и смертные Феакїане не почитаютъ меня, имѣя произхожденїе отъ моего рода; ибо я тако положилъ въ души моей, дабы Одиссей по претерпѣнїи великихъ напастей и въ крайней нищетѣ пришелъ въ домъ свой; возвращенїя его никогда не хотѣлъ я отъяти; ибо ты тако благоизволилъ и сотворилъ обѣщанїе. Нынѣ же Феакїане препроводили его во отечество, и спящаго положили на брегѣ, обогативъ не исчетными дарами;

рами: златомъ, мѣдїю и великолѣпными одеждами, сколько никогда бы не принесъ отъ корыстей Троянскихъ, хотя бы и не вредимъ возвратился. Молнїеносный Дїй отвѣщалъ ему: О колеблющїй морскїя бездны Посидонъ! Какое слово изшло днесь изъ устъ твоихъ? Како могутъ боги презирати тя, древнѣйшаго и могущественнѣйшаго царя? Когда кто отъ человѣкъ, уповая на свои силы, не воздастъ тебѣ почтенїя, твори съ нимъ елико хощеши, и что сердцу твоему угодно зрится.

Посидонъ отвѣщалъ ему: Давно бы я сотворилъ мщенїе; но тебя страшуся и почитаю: нынѣ хощу погубити на морѣ корабль Феакїйскїй, да воздержатся отъ препровожденїя людей; предъ градомъ же ихъ воздвигну высокую гору. Громомещущїй Дїй отвѣщалъ ему: Отче глубины морскїя! Сердцу моему за лучшее зрится, когда весь на-

народъ отъ града узритъ приближившейся корабль къ земли; тогда превратиши его въ великїй камень, подобный во всемъ кораблю, да вси взирая на него удивляются; предъ градомъ же воздвигни возвышенную гору.

Посидонъ слышавъ сїе отходитъ къ Феакїанамъ, гдѣ узрѣвъ приближившейся оный корабль, абїе превращаетъ его въ камень, и самъ отходитъ. — Тогда видѣвшїе сїе удивлялися; и тако совѣщевали: Что сїе зримъ? Како корабль нашъ, приставшей уже ко брегу, неключимъ пребываетъ на морѣ?

Тогда Алкиной отвѣщалъ имъ: Други мои! воистинну древнїя отца моего совершаются днесь прореченїя. Онъ возвѣстилъ, что нѣкогда Посидонъ прогнѣвается на Феакїанъ за провожденїе страннопришельцевъ, и что корабль погубивъ на морѣ, предъ градомъ воздвигнетъ великую гору. Все сїе

нынѣ

нынѣ сбывается надъ нами. Повинитеся убо словамъ моимъ; оставимъ отнынѣ препровожденіе людей сѣмо приходящихъ: Посидону же принесемъ въ жертву дванадесять овновъ, дабы помиловалъ насъ, и не заградилъ бы нашего града каменною горою.

Тако рекъ Алкиной; и всѣ отъ страха уготовали овновъ, и заклавъ принесли въ жертву царю Посидону.

Тѣмъ временемъ возпрянулъ отъ сна великодушный Одиссей, лежа на отечественной землѣ, отъ коея многое время былъ отлученъ, и не могъ ея познати: да и божественная Паллада оградила его густымъ облакомъ, дабы все отъ очей его сокрыти, и дабы не познала его жена, ниже иный кто во градѣ, доколѣ не сотворитъ отмщеніе женихамъ, нестерпимыя досажденія ему сотворившимъ. Все Одиссею зрѣлося превратно: пути,

при-

пристанища, горы и вертограды. По томъ возставъ взираетъ на отечественную землю; послѣ проливъ слезы ударяетъ въ перси, и тако вѣщаетъ: Увы мнѣ! Въ какую землю паки принесенъ я? Не вѣмъ, праведные ли и благотворительны обитаютъ здѣсь мужи, или обидливы и дѣлающїе насилїе? Кому несу вещи сїи? Гдѣ я самъ заблуждаю? О когда бы все сїе осталося у Феакїанъ! а меня препроводили бы ко иному царю, кой возлюбивъ мя привелъ бы въ мою отчизну. Теперь же не знаю, куда сокрою сїи сокровища; и боюся здѣ оставити, да некако въ корысть другимъ оныя будутъ. О населяющїе небеса! Тако ли Феакїане суть праведны, разумны и о всѣхъ попечительны? Они дали обѣщанїе препроводити меня въ отечество мое Иѳаку; но сего не исполнивъ отвезли мя въ чуждую землю. О милосердый отче Дїй! Ты на всѣхъ

зем-

земнородныхъ призираеши, и всѣхъ предъ тобою согрѣшающихъ наказуеши; накажи убо днесь и Феакіанъ меня обидѣвшихъ. Но изочту днесь вещи мои, и узрю всѣ ли сохранны? Или что либо похитивъ отъ оныхъ сокрылися мои путеводители?

Сице рекши исчисляетъ злато, мѣдь, одежды, треноги и конобы. Все сіе зритъ въ цѣлости, и ходя по брегу моря проливаетъ токи слезъ о своемъ отечествѣ. И се Паллада пріявъ на себя образъ младаго и украшеннаго доброзрачіемъ пастыря овецъ, на раменахъ своихъ имѣющаго двоякую тончайшую одежду, на ногахъ красные сапоги, и держащаго въ рукахъ копіе, предстала ему. Одиссей узрѣвъ возрадовался, идетъ во срѣтеніе, и тако вѣщаетъ: Любезный другъ! Се перваго обрѣтаю тебя на мѣстѣ семъ: радуйся убо; и срѣтеніе твое да будетъ мнѣ благимъ

гимъ предзнаменованіемъ. Молю тя, сохрани сіи мои сокровища, соблюди и меня самаго; къ тебѣ бо прибѣгаю аки къ благодѣтелю, и твои колѣна объемлю, моля да повѣдаеши мнѣ истинну, какая есть сія земля? Какій народъ сей? И какіе суть мужи? Островъ ли есть? Или твердая плодоносная земля, брегами касающаяся моря?

Аѳинская Паллада отвѣщала ему: Несмысленъ еси странниче, или отдалече пришелъ еси? Како вопрошаеши о земли сей, которая многимъ свѣдома, какъ обитающимъ на востокѣ, такъ на полудни и на западѣ? Воистинну сія земля есть твердая, не зѣло плодоносная, не пространная и немогущая питати коней; но пшеницу и вино раждаетъ со изобиліемъ; зане всегда дождь и роса окропляютъ оную на пажить козамъ и воламъ; обрѣтается здѣсь и лѣсъ раз-

разнаго рода, для коего обильныя и всегдашнія напоенія хранятся. И такъ имя Иѳакійскія земли извѣстно есть и востранѣ Троянской, которая, какъ повѣдаютъ, зѣло далече отстоитъ отъ Ахаіи.

Одиссей услышавъ о отечественной землѣ своей, зѣло возрадовался, и тако рекъ въ умѣ своемъ: ниже сей повѣдалъ мнѣ истинну. Потомъ съ хитростію вращая свои помышленія, тако начинаетъ: Воистинну слышалъ я о Иѳакѣ, бывъ во отдаленномъ отсюду и пространномъ островѣ Критѣ: нынѣ и самъ пришелъ съ симъ стяжаніемъ, толико же оставя сыномъ своимъ, и заблуждаю въ чужихъ странахъ; ибо убилъ я Идоменеева сына быстротекущаго Орсилоха, кой легкостію ногъ своихъ побѣждалъ всѣхъ Критскихъ мужей въ бѣганіи. Сего умертвилъ я остріемъ оружія; зане хотѣлъ лишити мя всея корысти Троянскія,

скія, за которую понесъ я неизчетныя на сердцѣ моемъ болѣзни, проходя жестокія брани мужей и морскія пагубныя воды: не за отца моего былъ я во странѣ Троянской, но самъ повелѣвалъ надъ воинствомъ. Тако убилъ я Орсилоха остріемъ копія на селѣ, присѣдя въ тайномъ ловительствѣ со другомъ моимъ. Тогда нощь была зѣло темная, и никто отъ человѣкъ не могъ узрити насъ; онъже позналъ мя, когда я исторгалъ уже душу отъ тѣла его. Содѣлавъ убійство сіе, вскорѣ пришелъ я на Финикійскій корабль, и тамо мореплавателямъ обѣщавъ довольную мзду, молилъ ихъ, дабы препроводили меня во страну Илидскую, гдѣ владычествуютъ Епіяне, или во островъ Пилъ; но ихъ свирѣпыя волны и сильные вѣтры отгнали оттуду и не хотящихъ. Тако мы нощію заблуждая по морю, со многимъ трудомъ пришли въ сіе пристанище,

 хотя

хотя и зѣло были гладны; зане ни мало не помышляли о вечери; но изшедъ отъ корабля повергли- ся веси на земли: тогда зѣло слад- кій и крѣпкій утружденнаго мя объялъ сонъ. Сопутники изнесши отъ корабля всѣ мои сокровища, положили ихъ на пескѣ, гдѣ я и самъ лежалъ, отрѣшивъ корабль, и единаго меня оставивъ, направи- ли путь во страну Сидонскую.

Тако рекшу ему; премудрая Паллада паки пріявъ на себя образъ жены доброзрачныя, величествен- ныя и знающія дѣла рукъ жен- скихъ, вѣщаетъ къ нему: Во- истинну нѣсть подобнаго тебѣ, злокозненный Одиссей, лжесоплета- теля. Еще ли ты не доволенъ сво- ими ухищреніями. Находяся во отечественной землѣ уже, но не хощеши престати отъ лжи твоея. Но оставимъ сіе; зане ты и я со- вершенно вѣдаемъ всякія ухищре- нія: ты всѣхъ смертныхъ превос-

ходиши краснорѣчїемъ и лестными словами; а я всѣхъ смертныхъ боговъ могу побѣдити премудростїю и совѣтами. Однако ты не познала мя быти Палладу Аѳинскую, дщерь Дїеву, которая всегда во всѣхъ трудахъ твоихъ не отступно предстоитъ и сохраняетъ тебя, какъ не давно предъ всѣми Феакїанами сотворила тя любезна. Нынѣ паки пришла къ тебѣ сѣмо подати совѣтъ, како соблюдеши сокровища, данныя тебѣ по вдохновенїю моего разума отъ Феакїанъ: повѣмъ, коликїя подобаетъ тебѣ въ дому своемъ понести болѣзни, кои претерпиши и по нехотѣнїю: ниже отъ мужей, ниже отъ женъ кому повѣдай о пришествїи твоемъ; но съ молчанїемъ пренеси всѣ обиды, тебѣ творимыя. Мудрый Одиссей отвѣщалъ ей: О великая богиия! воистинну никто отъ смертныхъ не можетъ познати тя удобно;

зане всякій образъ на себя пріемлеши; вѣдаю совершенно и то, что ты неизреченное являла мнѣ прежде благоволеніе, когда сыны Ахейскіе воздвизали брань во странѣ Троянской, когда разрушили градъ царя Пріама, и когда оттуду пріяли путь на корабляхъ въ домы свои; но Богъ разсыпалъ всѣхъ Ахеянъ: оттолѣ не видѣлъ я тебя, О дщи Діева! ниже позналъ восходящую на корабль, дабы отвратити отъ меня злоключеніе; но всегда имѣя сокрушенное печалію сердце, собственнымъ своимъ разумомъ преодолѣвалъ всѣ напасти, доколѣ боги не положили инаго о мнѣ совѣта. Нынѣ заклинаю тя отцемъ твоимъ, и молю, да повѣдаеши мнѣ истинну, уже ли я обрѣлъ отечественную мою землю; ибо не мню себя быти во Иѳакѣ, но обращатися въ чуждей землѣ; ты же вѣщаеши сицевая, да разумъ мой обольстиши.

Аѳинская богиня Паллада рекла ему: Всегда ты имѣеши въ сердцѣ твоемъ не удобовѣроятныя помышленія; сего ради не попущу тя быти злополучнымъ; ибо вельми одаренъ премудростію, разумомъ и краснословіемъ: другій мужъ по толикомъ отсутствіи, пришедъ въ домъ, зѣло желалъ бы узрѣти жену и чадъ своихъ; но твое сердце не жаждетъ того, доколѣ не испытаеши вѣрность супружницы твоея, которая всегда пребываетъ въ дому своемъ, дни и нощи въ непрестанныхъ слезахъ провождая. Я всегда знала и уповала, что ты лишився всѣхъ своихъ сопутниковъ, непремѣнно въ домъ свой возвратишися; но не хотѣла противитися царю Посидону, кой зѣло гнѣвался на тя, что возлюбленнаго его сына лишилъ зрѣнія. Но внуши, я покажу тебѣ предмѣстіе града, да вѣру имѣши словамъ моимъ: се пристанище

морскаго старца Форкина, на верху коего стоитъ масличное древо; се и пещера священныхъ нимфъ Наядъ, идѣже ты многократно приносилъ сточисленныя жертвы; се и великая гора, огражденная густымъ лѣсомъ. Сїе рекши Паллада прогнала отъ очей его темный облакъ; и абїе земля явилася.

Одиссей узрѣвъ отечественную страну возрадовался, и облобызавъ землю, яко питательницу, разпростертыми руками молитъ нимфъ тако: Божественныя дѣвы Наяды, дщери великаго Дїя! Прежде никогда не уповалъ я васъ узрѣти; но днесь великимъ гласомъ взываю къ вамъ: радуйтеся; воистинну принесу вамъ дары какъ и прежде, ежели токмо дщерь Дїева Паллада благоволитъ жити мнѣ, и сподобитъ увидѣти возлюбленнаго моего сына.

Паллада отвѣщала ему: Дерзай, мужественный Одиссей! Имѣй на-

надежду вѣ сердцѣ твоемѣ: нынѣ же потщимся сокрыти стяжанїе сїе внутрь пещеры, да пребудетѣ не вредимо; и положивѣ между собою совѣты, дабы все во благое споспѣшествовало.

Сице рекши предшествуетѣ ему богиня направляя стопы кѣ пещерѣ, дабы обрѣсти тамо сокровенное мѣсто. Одиссей внесши внутрь оныя всѣ вещи, злато, мѣдь и другїя Феакїйскїя одѣянїя, положилѣ тамо, и заградилѣ камнемѣ устїе пещерное. По семѣ сѣдши оба подѣ древомѣ масличнымѣ разсуждали, како неистовымѣ женихамѣ нанести пагубу; и богиня начинаетѣ тако: Мудрый Одиссей! помышляй нынѣ, како вознести крѣпкїя твои мышцы на безстудныхѣ жениховѣ, кои три года уже владычествуютѣ вѣ дому твоемѣ, желая склонить великими дарами возлюбленную супружницу твою Пинелопу вѣ жену се-

бѣ; но она всегда сокрушаетъ сердце печалїю, ожидая твоего пришествїя; всѣхъ ободряетъ надеждою, и каждому творитъ обѣщанїе; но сердце ея отстоитъ отъ того далече.

Одиссей отвѣщалъ ей: Воистинну погибъ бы я злою смертїю въ чертогахъ царя Агамемнона; но ты заступленїемъ своимъ спасла меня; подаждь убо и днесь совѣтъ твой, и научи, како накажу оныхъ наглыхъ юношей; молю такожде тебя, пребуди неотступно со мною, ободряя сердце мое мужествомъ, какъ при разрушенїи Троянскихъ твердыней. Когда будеши предстояти мнѣ, О всесильная богиня! воистинну не отрекуся противоборствовати тремъ стамъ крѣпкихъ мужей; зане мышца твоя заступитъ мя.

Аѳинская Паллада рекла ему: Имѣй надежду, всегда пребуду съ тобою,

тобою, и нигдѣ не оставлю тя. Когда устроимъ тако, мню, что омочится помостъ дому твоего кровїю и мозгомъ нѣкоего мужа отъ жениховъ оныхъ, кои истощаютъ твои стяжанїя нынѣ. Но прежде сотворю тя предъ всѣми людьми не знаемымъ; изсушу кожу на всѣхъ членахъ твоихъ; низпадутъ и власы отъ главы твоея; облеку тебя въ раздранное рубище, на кое всякъ воззрѣвъ отвратитъ отъ тебя очи свои; превращу также и лице твое въ лице безобразное. Тако явишися предъ всѣми женихами, предъ своею супружницею и сыномъ, младенцемъ въ дому твоемъ оставленнымъ. Теперь вопервыхъ иди къ пастырю своему, свиней стрегущему, и всякаго блага тебѣ желающему; любящему Тилемаха сына твоего, и почитающему царицу Пинелопу, коего обрящеши сѣдящаго при свинїяхъ, пасомыхъ при Врановомъ

камнѣ и при источникѣ Ариѳусѣ: тамо пребуди у него, и вопрошай о всемъ подробно. Я же отхожду въ Спарту женами красную извести оттуду возлюбленнаго сына твоего, кой отшелъ изъ дому своего къ Менелаю, желая испытати славу о тебѣ, еще ли ты въ живыхъ обрѣтаешися.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ ей: Почто убо не открыла ему возвращенія моего; или желала ты, дабы онъ такожде, заблуждая по морю, претерпѣвалъ напасти; а стяжаніе мое отъ чуждыхъ мужей было расхищаемо?

Премудрая богиня рекла ему; Не имѣй попеченія о немъ; мнѣ угодно было послати его туда, да приобрящетъ о себѣ благую славу; не претерпитъ ни какія напасти; но спокоенъ пребываетъ въ дому царя Менелая, имѣя все

предъ

предъ собою со изобиліемъ. Хотя и присѣдятъ нѣгдѣ съ коробдемъ въ ловительствѣ многія юноши, желая погубити его при возвращеніи во Иѳаку; но сіе не исполнится; и паче сами погибнутъ, снизшедъ въ сѣни смертныя, яко не праведные мужи, стяжанія твоя пожирающіе.

Сіе рекши премудрая Паллада касается его жезломъ; и абіе на всѣхъ членахъ кожа его изсушается, низпадаютъ отъ главы власы, лице и всѣ черты превращаются во образъ глубокою старостію сляченнаго старца; очи его аки гнусною слѣпотою помраченные быти зрятся; по семъ облекаетъ въ ветхое рубище, на рамена возлагаетъ голую еленью кожу, вручаетъ жезлъ и диравую кошницу. --- Тако положивъ совѣты разлучились: и богиня удаляется въ Лакедемонъ къ его сыну.

ОМИ-

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Кси.

Добродѣтельный Одиссей, оставя пристанище, течетъ по многотрудному пути чрезъ непроходныя дебри и чрезъ хребты холмовъ туда, гдѣ богиня Паллада показала ему обрѣсти пастуха, кой о всѣхъ его стяжанїяхъ имѣлъ великое попеченїе; обрѣтаетъ его сѣдящаго при домѣ на высокой стражницѣ, которую самъ во отсутствїе царя, не свѣдущей Пинелопѣ и престарѣлому Лаэрту, соорудилъ отъ великихъ камней, оградивъ ее тернїемъ, утвердивъ отъ обѣихъ странъ многими и крѣпкими дубовыми столпами, и создавъ тамо дванадесять вертеповъ, и стойла свинїямъ, гдѣ въ каждомъ содержались по пятидесяти; вепри же лежали внѣ ограды, и были зѣло

зѣло въ меньшемъ количествѣ; ибо каждой день пастухъ посылалъ по единому тучному и избранному отъ всѣхъ на снѣденіе женихамъ. Всѣхъ же было триста шестьдесятъ вепровъ. При вратахъ всегда лежали четыре пса, подобные неукротимымъ звѣрямъ, самимъ пастухомъ воспитанные. Тогда уготовлялъ онъ себѣ сапоги, разрѣзывая на части кожу вола; прочіе же отлучились въ разные мѣста: трое пошли на паству свиней, четвертаго послалъ онъ ко граду, по нехотѣнію отвести вепря на пищу гордымъ женихамъ. Псы узрѣвъ идущаго Одиссея мещутся на него съ яростію и ревомъ. Одиссей хитростно сѣлъ, и аки отъ страха повергъ свой посохъ на землю. Но пастырь притекши спѣшно ко вратамъ, каменіемъ прогоняетъ по разнымъ мѣстамъ псовъ, и тако вѣщаетъ къ Одиссею: О старче! воистинну внезапно тебя растер-

терзали бы псы сіи; и тѣмъ бы содѣлалъ ты мнѣ укоризну и поношеніе, не взирая на то, что боги и кромѣ сего послали болѣзни и воздыханія; ибо о возлюбленномъ моемъ царѣ всегда сокрушаюся и плачу, свиней сихъ питая для худаго чрева; а онъ, кто вѣсть? Еда не таетъ ли гладомъ заблуждая въ чуждыхъ народахъ и въ отдаленныхъ странахъ; ежели еще живъ, и наслаждается солнечнымъ сіяніемъ? Слѣдуй старче по мнѣ, да укрѣпишися питіемъ и пищею, и послѣ повѣдаеши, откуду пришелъ сѣмо, и какія терпиши напасти? Тако рекши предшествуетъ, и введши въ покои посадилъ на мягкой кожѣ дикія серны. Тогда Одиссей возрадовался, что возпріятъ былъ отъ своего раба, и сице рекъ къ нему: Странопріимче! да подадутъ тебѣ безсмертные боги все, что желаеши, когда толь милостиво возпріялъ меня.

Па-

Пастухъ Эвмей отвѣщалъ ему: Хотя бы кто и паче бѣднѣйшій пришелъ сѣмо, воистинну не презрѣлъ бы я; зане вси мы богатые и убогіе отъ единаго есмы Дія; даръ же нашъ сей хотя и малъ, но отъ сердца произходитъ. Сія есть должность рабовъ, боящихся своихъ царей и обладателей. Но я воистинну не узрю возвращенія моего царя, кой весьма меня любилъ, и далъ мнѣ обильное стяжаніе, аки милосердый царь даетъ возлюбленному своему; домъ, жребій земли, и вожделѣнную жену: и яко Дій всѣ дѣла по трудамъ умножаетъ; тако и мои труды зѣло умножаются. Воистинну не малую бы узрѣлъ я отраду, когда бы владыко мой здѣсь состарѣлся; но вижду что онъ погибъ. О когда бы тако весь родъ Елены изчезъ со всемъ коренемъ! Ибо многихъ мужей крѣпость ради ея сокрушилася; такъ какъ и возлюблен-

ленный царь мой за честь Агамемнона пошелъ на брань противу мужей Троянскихъ.

Сїе рекши препоясался, и идетъ ко стояламъ, гдѣ содержалися вепри, приводитъ оттуду двоихъ, закалаетъ ихъ, и разсѣкши мяса на части возгнѣщаетъ огнь, и на рожны оныя вонзаетъ. Когда изжарились, то посыпавъ чистою мукою предлагаетъ предъ Одиссея, и подаетъ чашу съ виномъ. Потомъ самъ, ставъ на странѣ, рекъ Одиссею: Яждь нынѣ, странниче! что ядятъ рабы; ибо тучныхъ вепрей ядятъ безстудные женихи безъ всякаго пощадѣнїя. боги хотя не любятъ злыхъ дѣлъ, и почитаютъ истинну и добродѣтели человѣческiя; но Дiй и не праведныхъ мужей милуетъ и сущимъ въ чуждей земли посылаетъ пропитанїе; они же наполнивъ корабли сокровищами оходятъ въ

домы

домы свои; однако страхъ, мучащій сердца ихъ, всюду слѣдуетъ за ними. Женихи же царицы моея Пинелопы воистинну, какъ мню, знаютъ о совершившейся смерти царя моего; ибо не хотятъ надлежащимъ образомъ требовати ее, ниже итти во свои домы; но съ молчаніемъ разточаютъ вся благая, не имѣя ни малѣйшія жалости; зане каждый день и каждую нощь не по единой и не по двѣ, но многія купно закалаютъ жертвы; и вино піютъ безъ всякаго пощадѣнія. Воистинну многія имѣлъ онъ стяжанія, колико ни единъ отъ знаменитыхъ мужей на всей землѣ, и въ самой Иѳакѣ, ниже двадесять мужей толико имѣли богатства; внуши, я тебѣ исчислю: двадесять стадъ было воловъ, толико же овецъ, свиней и козъ; пастыри были иные наемные, иные царя моего; тамо при концѣ поля пасутся десять и едино стадо козъ

подъ смотрѣніемъ вѣрныхъ служителей, изъ коихъ каждый день всякъ приноситъ по единой тучной и избранной козѣ къ женихамъ, а я посылаю къ нимъ лучшаго отъ вепрей. Тако глаголалъ Евмей: Одиссей же съ жадностію поядалъ мяса и пилъ вино, терзаяся сердцемъ о нанесеніи пагубы женихамъ.

Окончавъ вечерю и укрѣпився пищею, по томъ пріявъ наполненную виномъ чашу отъ рукъ Евмеевыхъ, тако къ нему вѣщаетъ: Возлюбленный мой другъ! повѣдай мнѣ имя купившаго тебя отъ стяжаній своихъ, толь богатаго и сильнаго мужа, и зачесть царя Агамемнона, какъ ты рекъ, погибшаго; ибо Дій и прочіе безсмертные боги помогутъ, да возвѣщу тебѣ, ежели я его видѣлъ; ибо зѣло много странствовалъ.

Евмей отвѣщалъ: Ни единъ изъ странныхъ мужей, приходившихъ во Иѳаку, не повѣдалъ истинны су-

супружницѣ его Пинелопѣ и возлюбленному сыну Тилемаху; но всѣ желая снискати милостивое угощенїе, безстудно ложь соплетали, отнюдь истинны не зная. Всякїй странникъ пришедъ сѣмо старается владычицу мою обольстить хитрыми обманами; она же всему емля вѣру, угощаетъ дружелюбно, испытуя о немъ и лїя слезы непрестанно. Се должность жены, когда супругъ ея скончалъ животъ во странѣ чуждей. Тако и тебя, старче! зрю готовящагося соплести нѣкую ложь, да дадутъ тебѣ одѣянїе. Я самъ вѣдаю, что давно уже можетъ быть птицы хищныя разтерзали плоть его; а душа обитаетъ во адѣ; или рыбы пожрали въ морѣ, а кости лежатъ набрегѣ, многимъ пескомъ покровенныя. Тако погибъ царь мой, оставя всѣмъ другамъ своимъ нестерпимую болѣзнь и тугу, паче всѣхъ мнѣ; ибо камо ни пойду, не обрѣ-

 ту

ту инаго толь милосердаго и кроткаго царя; аще взыду въ домъ ко отцу и матери моей, гдѣ рожденъ и воспитанъ есмь, не толико возплачу, хотя и желаю узрѣти ихъ, колико сѣтую о смерти царя моего Одиссея. О имени сего, О странниче! и въ отсутствіи сущаго, со страхомъ я воспоминаю; ибо вельми любилъ и почиталъ мя сердечно.

Храбрый Одиссей отвѣщалъ: Другъ мой! хотя ты и тщишися утверждать, что не пріидетъ сѣмо Одиссей; но я со клятвою увѣряю тебя, что уже возвращается царь твой, и когда онъ совершенно возвратится, тогда за мое предсказаніе даръ мнѣ да воздашь, и да облечешь въ цѣлыя и новыя одежды; прежде же, хотя и зѣльною убѣждаемъ буду нуждою, ничего не возпріиму; зане паче вратъ адовыхъ противенъ мнѣ есть той, кто нищетою угнѣтаемый творитъ

ритЪ ложныя возвѣщенія. Да будетЪ свидѣтель убо нынѣ всесильный Дій, страннопріемный столЪ сей и домЪ Одиссея, кЪ коему тогда пріиду, что вся сія, какЪ я рекЪ, скоро сбудутся. Сего самаго года прибудетЪ вЪ отечество Одиссей, во изходѣ сего текущаго мѣсяца, или вЪ началѣ слѣдующаго, пришедЪ вЪ домЪ свой накажетЪ всѣхЪ творящихЪ поношеніе женѣ его и сыну.

Евмей отвѣщалЪ: Старче! ниже я воздамЪ тебѣ дарЪ за радость сію, ниже Одиссей пріидетЪ вЪ домЪ свой. Но ты вкушай вино сЪ молчаніемЪ; сіе же остави и не воспоминай болѣе; ибо воистинну сердце мое снѣдается печалію, когда кто воспоминаетЪ о благоутробномЪ царѣ моемЪ. Остави мнѣ священную клятву; Одиссей же да пріидетЪ, чего я, престарѣлый ЛаэртЪ и мудрая Пинелопа сЪ мужественнымЪ ТилемахомЪ вель-

ми желаемъ. Но я паки начинаю плакати о исчадіи, кое рождено Одиссеемъ, кое богами воспитано аки младое насажденіе древа, и о коемъ я мнилъ, что оно между мужами будетъ ничимъ же меншее отца, какъ совѣтами, такъ и чудными дѣлами; но нынѣ вижду, нѣкто отъ боговъ, или отъ человѣкъ совратилъ разумъ его отъ истинны; ибо не свѣдущей и самой матерѣ, отшелъ во островъ Пилъ, дабы извѣститися о отцѣ своемъ; теперь назираютъ неистовые женихи, да убіютъ его въ домъ возвращающагося; да все сѣмя славнаго Аркисія во Иѳакѣ изтребится. Но оставимъ и о немъ воспоминати, убіенъ ли будетъ, или спасется, токмо да покрыетъ его всесильный Дій своею рукою. Нынѣ повѣдай мнѣ о своихъ злоключеніяхъ, и открой самую истинну: кто ты? Отъ какихъ странъ пришелъ? Кій градъ твой? И кто

твои родители? Въ какомъ корабле прибылъ на островъ сей, и какіе мореплаватели нарицаются привезшіе тебя? Ибо знаю, что ты не пѣшій пришелъ сѣмо.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ: Повѣдаю тебѣ истинну, токмо да будетъ на долгое время пища и вино, дабы мы пребывая въ семъ виталищѣ, спокойно могли насыщатися; прочіе же да исполняютъ дѣла свои: мало бы было цѣлаго года для окончанія повѣсти о моихъ злоключеніяхъ, каковыя изволеніемъ боговъ понесъ я на сердцѣ моемъ; внимай: родъ мой есть отъ знаменитаго острова Крита; отецъ мой былъ мужъ зѣло богатый; у него и инные многіе сыны суть, рожденные отъ законныя жены, кромѣ меня единаго, прижитаго отъ купленныя наложницы, однако равно какъ и прочіе, ему любезнаго; имя его было Касторъ, сынъ Илаковъ; онъ Критянами, ради богат-

ства и честныхъ чадъ, аки благодѣтель нѣкій былъ почитаемъ; но смерть, яко разрушительница всего, низвела его въ сѣни смертныя; тогда прочіе сыны раздѣлили его стяжаніе по жребію; мнѣ же зѣло мало дали, удѣливъ отъ собственнаго по части; я поялъ жену зѣло отъ знаменитыхъ и богатыхъ родителей за свое мужество; ибо былъ я не лѣностенъ, ниже убѣгалъ отъ брани: но нынѣ все сіе оскудѣло, и я уповаю, что ты взирая на меня, можеши познати о моей доблести; зане воистинну Арей и Афинская Паллада не устрашимымъ дерзновеніемъ и крѣпостію силъ одарили меня, паче же когда избиралъ я на подсаду мужей сильныхъ, устрояя противнымъ пагубу; тогда мужественное мое сердце ни мало не представляло очамъ смерти; но первый изходя остріемъ копія поражалъ мужей сопротивныхъ. Таковъ

ковъ я былъ во брани. Но домашніе труды, дѣла и воспитаніе чадъ были мнѣ противны; ибо всегда я помышлялъ о мореплаваніи, о брани, о стрѣлахъ и копіяхъ; и все, что другимъ страшно, было мнѣ пріятно. Тако Дій устроилъ мое сердце. Инный увеселяется трудами; на противъ того я, доколѣ сыны Ахейскіе стопы свои положили во Троянской странѣ, владычествовалъ надъ девятію народами и надъ кораблями, противу чуждыхъ людей ополчаяся. Тогда всего имѣлъ я обильно, чего сердце мое ни желало; много пріобрѣталъ и послѣ. И тако вскорѣ домъ прославился богатствомъ; а самъ я честію и почтеніемъ превознесенъ былъ отъ Критянъ. Когда же великій Дій предназначилъ мнѣ не пріятный путь, въ коемъ многіе погибли крѣпкіе мужи; тогда повелѣно мнѣ и знаменитому Идоменею вести корабли во

Трою. ОтЪ сего отрещися не имѣлЪ я ни какія праведныя вины, а притомЪ боялся и безславія. И тако девять лѣтЪ мы ратовали противу ТроянЪ; а вЪ десятый годЪ опровергнувЪ царство Пріамово, паки на корабляхЪ ялися пути вЪ домы свои. Но Дій разсыпалЪ всѣхЪ АхеанЪ. Великій Дій мнѣ предЪустроилЪ другія напасти; ибо единЪ токмо мѣсяцЪ пребылЪ я вЪ домѣ моемЪ, утѣшаяся чадами, младою супругою и стяжаніемЪ. Послѣ сего возжелалЪ я видѣти ЕгипетЪ, уготовалЪ девять кораблей, собралЪ мореплавателей и сопутниковЪ. Шесть дней сЪ веселіемЪ пиршествовали мои избранные: а я вЪ то время многія приносилЪ богамЪ жертвы. ВЪ седьмый день оставя КритЪ, емлемся плаванію, споспѣшествующу вѣтру ворею, яко ни единЪ корабль не былЪ поврежденЪ; но всѣ благополучно текли управляемы вѣтры

и

и кормчими. Въ пятый день нашего плаванія узрѣли мы водоорошаемый Египетъ. Тогда повелѣлъ я сопутникамъ своимъ, поставя корабли въ рѣкѣ Египетской, извести ихъ на сушу, и самимъ пребывати тамо. Посемъ послалъ я нѣсколько мужей для соглядання земли сея: но они отъ невоздержанія, и уповая на силу свою, начали опустошати поля, похищати женъ и младенцевъ, и ихъ умерщвляти. Абіе пронеслася о семъ во градъ слава. Египтяне услышавъ о семъ, текутъ купно съ возходящею зарею: все поле наполнилося пѣшими и конниками. Тогда отецъ боговъ Дій вложилъ въ серце сопутниковъ моихъ страхъ и бѣгство, и ниже единъ отъ нихъ возмогъ стати противу Египтянъ; ибо отвсюду обстояла ихъ смерть. Многіе поражены были остріемъ оружія, иные живые въ плѣнъ отведены; а мнѣ Дій иное въ серд-

це

це вложилъ помышленіе. [О когда бы тамо я умеръ! Ибо новая печаль по семъ меня объяла] Скоро низложилъ я отъ главы моей шлемъ, отъ раменъ щитъ, и копіе повергъ на землю; и по томъ изшедъ во срѣтеніе царю, объемлю и лобызаю его колѣна. Онъ же явивъ милосердіе, спаслъ мя отъ смерти, посадилъ на колесницу свою и привезъ въ домъ плачуща. Тогда воистинну многіе отъ Египтянъ, устремляя противъ меня копіи свои, убити желали; но царь соблюлъ животъ мой, бояся гнѣва Дія, кой злыхъ дѣлъ терпѣти не можетъ. Тамо препроводилъ я седьмь лѣтъ, и собралъ множество злата; ибо тогда давали мнѣ оное.

Когда насталъ осьмый годъ; тогда нѣкто Финикіанинъ мужъ, наставникъ всякія лжи, и древній льстецъ, кой многое уже зло содѣлалъ людямъ, пришедъ ко мнѣ, прельстилъ меня своими совѣтами

итти

итти въ Финикїю, гдѣ домъ его и все имѣнїе обрѣталося. Тамо пребылъ я у него цѣлое лѣто, по прошествїи коего паки взялъ меня онъ съ собою плыти на кораблѣ въ Ливїю, аки для отнесенїя нѣкоего бремени, въ самой же вещи продати мя вознамѣрился, и получити великую мзду. Хотя я и подозрѣвалъ его, но слѣдовалъ по нехотѣнїю. Корабль нашъ совершалъ путь свой при благополучномъ дыханїи вѣтра; и уже былъ противу острова Крита, какъ Дїю угодно было внезапно устроити мнѣ пагубу. По прешествїи Крита ни откуду неможно было узрѣти земли; тогда Кроновъ сынъ воздвигъ надъ кораблемъ нашимъ темный облакъ; помрачилося предъ нами море; страшно возгремѣлъ отецъ боговъ; метнулъ на корабль молнїю; кой вскорѣ разсыпался; плаватели низринулися въ море, и тако Богъ отъялъ ихъ возвращенїе;

нїе; а мнѣ послалъ въ руки вѣтрильное древо ко избѣжанїю смерти; я объялъ его руками, и держася крѣпко носимъ былъ по морю девять дней, и въ десятую нощь принесли мя волны къ земли Ѳеспротской, гдѣ царевъ сынъ узрѣвъ меня изнемогшаго гладомъ и трудами, привелъ въ домъ ко отцу своему Фидону, кой милостиво меня принявъ облекъ въ чистыя одежды. Тамо слышалъ я о Одиссеѣ, коего угощали страннопрїимствомъ и обѣщались проводити во отечественную землю; показаны были мнѣ и сокровища имъ собранныя, злато, мѣдь, и чистое желѣзо; толико лежитъ богатства его въ дому царя Ѳеспротскаго, что и до десятаго поколенїя обильно онаго будетъ. О самомъ же Одиссеѣ повѣдалъ царь, что онъ отшелъ ко граду Додону услышати тамо отъ дуба Дїева отвѣтъ, како прїити во Иѳаку, тайно или откровенно.

но. Даже самъ царь Фидонъ, пiя въ честь боговъ вино, предо мною клялся, что уже корабль и мореплаватели всѣ готовы для препровожденiя его во отечественную землю. Меня онъ отпустилъ прежде; ибо случился корабль Ѳеспротскiй, идущiй во островъ Дулихiй, на коемъ повелѣлъ меня онъ отвезти со всякимъ тщанiемъ къ царю Акасту. Но сопутники мои умыслили о мнѣ пагубный совѣтъ, дабы еще навести злоключенiе.

Отшедшу кораблю нашему на море, сопричли меня вскорѣ къ рабамъ; совлекли съ меня свѣтлыя одежды, и возложили гнусное и раздранное рубище, кое на мнѣ ты днесь зришь; при захожденiи солнца пришли мы ко Иѳакiйскимъ веселымъ полямъ; тамо связали меня крѣпко ужищемъ; а сами вышедъ на брегъ моря творили вечерю. Но боги разрѣшили меня отъ оковъ оныхъ; и тако покрывъ главу

ву рубищемъ, низпустился я тайно въ море, совершалъ плаванїе напрягая обѣ руки. На конецъ скоро изшелъ на брегъ, и далече отлученъ бывъ отъ враговъ моихъ, лежалъ повергшись подъ густымъ дубомъ. Они не видя меня ниже воздохнули, ниже искати мыслили, и ялися обратному плаванїю. Тако сохранивъ меня боги сподобили быти въ дому мудраго мужа, и солнечное сїянїе еще видѣти.

Евмей рекъ тогда: О злополучный странникъ! воистинну зѣло преклонилъ ты сердце мое къ соболѣзнованїю, возвѣстивъ всѣ твои злосчастїя; но не иму вѣры словамъ твоимъ, какъ повѣдалъ ты о царѣ моемъ. Прилично ли тебѣ въ такихъ крайностяхъ находящемуся лгати? Знаю и самъ я совершенно о Одиссеѣ, что онъ зѣло богамъ есть ненавистенъ, за премудрыя его умышленїя и совѣты, на брани противу Троянъ

имъ

имЪ явленныя, гдѣ когда бы онЪ возпрїялЪ смерть, или бы на рукахЪ ближайшихЪ друговЪ своихЪ скончался; Ахеане воистинну бы соорудили ему великолѣпную гробницу, отЪ чего вЪ предбудущїя времена возрасла бы велїя слава о немЪ; но нынѣ, мню, разтерзали его сЪ безчестїемЪ арпїи. Я всегда отлученЪ пребываю при свинїяхЪ, и не восхожду никогда ко граду, доколѣ не повелитЪ мудрая царица Пинелопа, услышавЪ каковое либо о немЪ возвѣщенїе; ибо всегда и всякаго о немЪ тамо вопрошаютЪ, вездѣ разглагольствуютЪ и сокрушаются печалїю о долговременномЪ царя отлученїи; напротивЪ того неистовые женихи радуются, истощая безЪ наказанїя его стяжанїя. Я сЪ самаго того времени престалЪ вопрошати и испытывати о царѣ своемЪ, какЪ нѣкто Етолїанинъ прельстилЪ меня ложнымЪ извѣщенїемЪ,

сказывая, что онъ убивъ нѣкоего знаменитаго мужа, заблуждалъ отъ наказанія во многихъ странахъ; и наконецъ пришелъ ко мнѣ; я его принялъ дружелюбно; и онъ мнѣ повѣдалъ что видѣлъ Одиссея въ Критѣ у царя Идоменея, возобновляющаго жестокою бурею сокрушенные корабли, и что прїидетъ или лѣтомъ, или осенью со многимъ богатствомъ и съ сопутниками: тако и ты, старче! пришедъ въ домъ мой, не тщися возблагодарить ложью и лестїю; ибо не воздамъ тебѣ за сїе чести, ниже окажу любовь, и милосердствую токмо о тебѣ изъ почтенїя къ страннопрїемлющему Дїю.

Одиссей отвѣщалъ ему: Воистинну сердце твое не преклонно къ вѣроятїю, когда и клятвѣ моей не внемлеши, сотворимъ убо завѣщанїе, и боги, на Олимпѣ обитающїе, да будутъ между нами свидѣтелями: когда возвратится

царь

царь твой въ домъ сей, тогда да облечеши меня въ чистыя одежды, и отпустиши во островъ Дулихій; ежели же не пріидетъ, какъ я тебѣ повѣдалъ, тогда повели мя рабамъ своимъ низринути съ высокія горы въ море, да всякъ нищъ воздержится отъ ложнаго возвѣстія.

Евмей рекъ: Странниче! Какъ нынѣ, такъ и въ предбудущія времена да сохранится во всѣхъ людяхъ благая слава о мнѣ и о моемъ добродѣяніи. Како могу, приведши тебя въ домъ мой, и предложивъ дары угощенія, или бити тебя, или отъяти животъ твой, и послѣ прострѣти руки свои къ моленію Дію, сыну Кронову? Но время уже уготовати вечерю. Се скоро пріидутъ мои сопастыри.

Тако между собою они разглагольствовали: и се пришли пастыри со стадами, и заключили ихъ по обыкновенію во свои стояла. По

семъ Евмей рекъ имъ: Приведите сѣмо лучшаго отъ вепрей, да въ честь сего страннопришельца возвеселимся всѣ вкупѣ; ибо мы многую печаль ради свиней претерпѣваемъ, другіе же труды наши безъ наказанія поядаютъ.

Тако рекши, началъ сѣщи дрова; а прочіе привели тучнаго пятилѣтняго вепря. Тогда Одиссей не забылъ воздати богамъ моленіе, и отрѣзавъ власы отъ главы свиныя, молилъ всѣхъ боговъ о возвращеніи Одиссея въ домъ свой; по семъ ударяетъ вепря во главу дубовою дебелою палицею, и отходитъ прочь; пастыри заклавъ уготовали какъ подобаетъ вечерю. Одиссей раздѣлилъ свинію на седмь частей, едину нимфамъ, другую Ермію, а другія прочимъ богамъ; хозяина же самаго почтилъ цѣлымъ хребтомъ, сказавъ къ нему тако: О дабы ты Евмей тако возлюбленъ былъ отцу боговъ Дію,

како

како почтилъ мя нынѣ въ таковомъ состоянїи сущаго благими своими!

Евмей отвѣщалъ ему: Яждь нынѣ странниче! и насыщайся всемъ, что имѣемъ; Богъ же, какъ всемогущь есть, инное подастъ, а другое оставитъ, яко ему угодно зрится. Рекъ, и начатки вина посвятилъ богамъ безсмертнымъ; по семъ вкусивъ отъ него, подалъ чашу Одиссею близь его сидѣвшему: а ястїе раздѣлилъ всѣмъ Месавлїй, коего купилъ Евмей въ отсутствїе царя своего у Тафїянъ, не свѣдущей Пинелопѣ и престарѣлому Лаэрту. Наконецъ насытився вси питїемъ и пищею, ко сну отходятъ. Нощь тогда была бурная, мрачная и дождливая; а дыханїе вѣтра изходило зефира. Одиссей искушая Евмея, не подастъ ли ему онъ, или единъ отъ пастырей одежды, для защищенїя отъ хлада, тако вѣщаетъ: Внуши Ев-

мей и вы всѣ прочїи пастыри! Повѣмъ вамъ нѣкое слово со превозношенїемъ; ибо вино принуждаетъ всякаго къ безумїю, и многажды премудрыхъ убѣждало пѣти, смѣятися, плясати и нѣкїя нелѣпыя рѣчи глаголати: но когда я началъ предъ вами быти велерѣчивъ, не утаю: О ежели бы тако былъ я младъ, и таковыя же имѣлъ силы, когда на Троянской брани подъ присмотромъ Одиссея, яко прочихъ наставника, Менелая сына Атреева, и моимъ уготовлялася подсада, когда пришедъ мы ко граду и къ высокой его твердынѣ, лежали сокровенно во оружїи между блатомъ и тростїемъ! Нощь тогда была вельми тягостна ради бурнаго дыханїя борея, и снѣга претворившагося въ голоть, и аки кристальны щиты наши содѣлывавшаго; тогда прочїе всѣ имѣли верхнїя одежды, и спали спокойно, покровены бывъ щитами; я же отходя оставилъ

одежду

одежду свою безразсудно; ибо не уповалъ быти толь сильному хладу, и взялъ съ собою единъ токмо щитъ и тонкую одежду. Какъ наступила третія стража нощи, и звѣзды преклонялися; тогда спавъ я близъ Одиссея, толкнулъ его лактемъ, тако вѣщая: Возлюбленный Одиссей! Скоро не буду уже я въ живыхъ; зане хладъ сей погубитъ меня ради недостатка верхнія одежды, кою я по неразумію оставилъ; и тако не обрѣтаю теперь средства ко спасенію.

Рекшу мнѣ тако, отвѣщалъ онъ тихимъ гласомъ: Умолкни нынѣ, да не услышитъ кто о семъ отъ Ахеянъ. По семъ къ прочимъ вѣщаетъ совоинственникамъ: Внушите любезные друзья! Се нѣкоторое сновидѣніе мнѣ нынѣ явилося: отъ кораблей далече мы отстоимъ; да идетъ убо отъ насъ нѣкто, и возвѣститъ царю Агамемно-

мемнону, дабы онъ прислалъ большее число мужей сѣмо.

Тако рекъ; и се вскорѣ возставъ Ѳоантъ, сынъ Андремоновъ, и повергнувъ верхнюю одежду пошелъ къ кораблямъ. Я же восхитивъ оную, спалъ до самаго возхожденія денницы. О когда бы и нынѣ кто отъ васъ далъ мнѣ какую либо одежду, храня дружество и почтеніе ко благому мужу, коего днесь всѣ презираютъ, зря во гнусныя одежды облеченнаго! Евмей отвѣщалъ: Старче! воистинну за премудрыя твои глаголы достоинъ ты хвалы; сего ради ниже одежда, ниже инная кая вещь, приличная странну и убогу мужу, не оскудѣетъ отъ тебя; ибо заутра паки облечешися въ твое одѣяніе; зане всѣ мы имѣемъ токмо по единой. Когда пріидетъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ, той наградитъ тебя свѣтлымъ одѣяніемъ,

нїемъ, и отпуститъ, камо сердце твое желаетъ.

Сїе рекши возстаетъ, и близъ ложа его возгнѣщаетъ огнь; постелю Одиссею устрояетъ изъ мягкихъ козїихъ и овчихъ кожъ, покрываетъ его густошерстною и теплою одеждою, въ которую самъ онъ облекался при возхожденїи хладныя зимы. Тако Одиссей почивалъ: и всѣ съ нимъ прочїе мужи; единъ токмо Евмей не спалъ, и облекшися во оружїе, изшелъ для стреженїя свиней. Одиссей радовался сердцемъ, что мужъ сей толико усерденъ, и хранитъ стяжанїе въ отдаленїи сущаго царя своего; что возложивъ на рамена острый мечь, облекшися во одежду для защищенїя отъ бури, прїявъ въ руки копїе въ помощь псамъ противу злыхъ мужей, бдитъ о безопасности вепрей подъ твердымъ покровомъ лежавшихъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ПЯТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Омикронъ.

Тѣмъ временемъ премудрая Паллада пришла ко Одиссееву сыну, неся ему совѣщанїе о возвращенїи въ домъ, и обрѣтаетъ его съ Пизистратомъ въ чертогахъ царя Менелая почивающаго. Сынъ Несторовъ сладкимъ сномъ покоился; но Тилемахъ не могъ наслаждатися даромъ симъ чрезъ всю нощь, смущаяся попеченїями о отцѣ своемъ. Тогда Аѳинская богиня представъ предъ него вѣщаетъ: Тилемахъ! не благо твориши, что толикое время отлученъ пребываеши отъ дому твоего, оставя все наслѣдїе мужамъ, какъ и самъ знаеши, горделивымъ и стяжанїя твоя истощающимъ: тщетно ты путь сей возпрїималъ. Моли убо скоро Менелая, да отпуститъ

тебя;

тебя; невѣмъ, еда обрящеши матерь твою въ домѣ; зане уже отецъ и братія повелѣваютъ ей быти женою Евримаха, кой всѣхъ прочихъ жениховъ превосходитъ дарами. Блюди убо, да не все наслѣдіе взято будетъ отъ дому. Самъ ты вѣси, какій разумъ имѣютъ жены; всегда тщатся умножити домъ того, кто поиметъ въ супружество; прежднихъ же чадъ и мертваго мужа вовсе забываютъ. И такъ пришедъ въ домъ свой, препоручи все рабынямъ, коихъ самъ усмотришь благо тебѣ желающими, дондеже тебѣ самому пошлютъ боги вожделѣнную жену. Что же повѣдаю тебѣ, сохрани оное на сердцѣ твоемъ: се избранные и сильнѣйшіе юноши стрегутъ въ тѣсномъ мѣстѣ между Иѳакою и Самомъ, желая убити тебя прежде пришествія твоего во отечество; но не уповаю сему сбытися; и прежде сами погибнутъ. И

такъ

такъ потщися ты корабль свой препроводити нощїю, далече устранився отъ островов оныхъ; тогда нѣкто отъ безсмертныхъ, кой всегда хранитъ и спасаетъ тебя, пошлетъ благопоспѣшный вѣтръ. И когда приплывешь ко Иѳакїйскимъ брегамъ, корабль и всѣхъ сопутниковъ отпусти во градъ, а самъ взыди къ пастырю Евмею, кой всякаго блага тебѣ желаетъ, и тамо преупокойся, и посли его во градъ съ возвѣщенїемъ о пришествїи своемъ къ вѣрной Пинелопѣ, что ты здравъ отъ Пила возвратился.

Сїе рекши удалилася богиня на пресвѣтлый Олимпъ. Тилемахъ же возбудивъ отъ сна сына Несторова, вѣщаетъ: Возстани, любезный Пизистратъ! да уготоваемъ кони, и въ путь отъидемъ.

Пизистратъ отвѣщалъ: Тилемахъ! Что тако ускоряешь отшествїемъ своимъ въ нощь мрачную? Се скоро взыдетъ свѣтозарная

ная денница; потерпи убо, доколѣ Менелай возставъ одаритъ тя, и дружелюбно самъ отпуститъ; ибо странники всегда воспоминаютъ о томъ страннопріимцѣ, кой изъявляетъ свое дружество.

Тако рекъ Пизистратъ: и се явилася златовидная утренняя заря. Тогда царь Менелай возставъ отъ одра, на немъже покоился съ прекрасною Еленою, приходитъ къ нимъ. Тилемахъ съ поспѣшеніемъ облекшися во одежды, изходитъ къ нему во срѣтеніе, и тако вѣщаетъ: Великоименитый царю! молю тя, отпусти мя нынѣ во отечество мое; ибо великое желаніе обемлетъ меня видѣти домъ свой. Царь Менелай отвѣщалъ: Любезный Тилемахъ! воистинну не долго тебя буду здѣсь удерживати противу твоего желанія; ибо и самому мнѣ противенъ такій страннопріемникъ, кой пришедшаго къ нему иногда много любитъ, иногда

много

много досаждаетъ; средняго убо держаться должно. Равное зло бываетъ, кто не хотящаго странника изгоняетъ, и кто желающему отъити возпротивляется. Человѣка страннаго любити довлѣетъ, доколѣ хощетъ въ дому обитати, желающаго же отпущенія, не удерживати. И такъ пребуди ты здѣсь краткое время, доколѣ уготоваю тебѣ дары, и доколѣ представятъ намъ избранныя яствы; ибо полезнѣе будетъ укрѣпившися пищею въ толь далекій путь пускатися: и ежели желаеши видѣти Елладу и средину Арга, воистинну не отрекуся самъ слѣдовати съ тобою, скоро повелю уготовати колесницу и кони, и поведу тебя по градамъ знаменитыхъ мужей, гдѣ никто не отпуститъ безъ даровъ, но каждый дастъ или мѣдяный треногъ, или конобъ, или двухъ ословъ, или златую чашу.

Му-

Мудрый Тилемахъ отвѣщалъ: Царю Менелай! воистинну зѣло уже хощу отъити во отечество мое; ибо никакого стража я не поставилъ надъ домомъ своимъ и надъ имѣнiемъ; сего для страшуся, дабы испытуя о отцѣ своемъ, самому не погибнути; и тогда все мое стяжанiе будетъ расхищено. ---- Въ то время возсталъ отъ ложа Етеоней, сынъ Воиѳiевъ, не далече отъ дому царскаго обитавшей, коему царь повелѣлъ уготовати огнь, и мяса изжарити. Самъ же съ царицею Еленою и съ Мегапенфомъ входитъ въ чертогъ, гдѣ хранилися его сокровища, тамо взявъ сребряную чашу, вручаетъ оную сыну своему, а Елена изъ ковчега簡 вземлетъ едину великую, испещренную и сiяющую аки свѣтъ одежду, входятъ всѣ паки въ чертогъ; и Менелай тако вѣщаетъ къ Одиссееву сыну: Тилемахъ! Великiй Дiй, супругъ божествен-

ныя

ныя Иры, да совершитъ путь твой по желанїю твоему! Прїими убо отъ меня драгоцѣнную сїю сребряную чашу, коея края суть отъ чистаго злата, и дѣло рукъ Ифестовыхъ; кою подарилъ мнѣ Сидонскїй царь, когда я возвращаяся со брани, въ дому его виталъ. Рекши сїе повелѣлъ подати Мегапенѳу чашу, и вручилъ оную Тилемаху. По семъ приступила царица Елена, имѣя въ рукахъ одежду, и тако глаголя: Возлюбленное чадо Тилемахъ! Се и я тебѣ даръ сотворити тщуся; прїими его въ воспоминанїе отъ рукъ царицы Елены, и соблюди его женѣ твоей до времени супружества; нынѣ же отдаждь въ соблюденїе матери своей; и такъ отъиди съ радостїю въ домъ твой, да узриши въ веселїи отчизну. Тако рекши, вручаетъ одежду Тилемаху. Все сїе Пизистратъ заключилъ во влагалище. Послѣ Менелай введши всѣхъ въ

дру-

другїй чертогъ, посадилъ на сѣдалища. Рабыня принесла въ златой умывальницѣ воду со сребряною лоханїю для измовенїя рукъ, и поставила столъ; домостроительница предложила хлѣбъ и многїя яствы, радуяся о угощенїи царевомъ. Тогда Етеоней началъ раздѣляти мяса на части, а Мегапенѳъ раздавалъ оныя: абїе всѣ руки простираютъ къ яденїю. Насытився же пищею, возстаютъ отъ стола. Тогда Тилемахъ и Пизистратъ уготовавъ коней, возходятъ на колесницу и оставляютъ домъ; Менелай имъ предшествуетъ, имѣя въ десницѣ златую чашу виномъ наполненную, дабы воздавъ благодаренїе богамъ отшли въ путь; по томъ ставъ предъ конями ихъ, вѣщаетъ тако: Радуйтеся знаменитые юноши! возвѣстите наше желанїе здравїя и царю Нестору, начальнику народовъ; ибо воистинну, доколѣ продолжалась брань во

странѣ Троянской, былъ ко мнѣ онъ кротокъ и искрененъ, аки милосердый отецъ.

Тилемахъ отвѣщалъ: Всеконечно все сїе по повелѣнїю твоему пришедъ въ домъ, возвѣстимъ ему. О дабы и я пришедъ во Иѳаку возвѣстилъ тако отцу моему Одиссею, колико милостиваго отъ тебя удостоился я дружества, и коликїя несу съ собою сокровища. Тако ему вѣщающу, прилетѣлъ отъ десныя страны орелъ, неся въ кохтяхъ домоводнаго гуся, за коимъ жены и мужи текли съ воплемъ; и приближився къ нимъ мещется отъ десныя страны предъ коньми: вси зря сїе возрадовалися сердцемъ. Пизистратъ же начинаетъ тако: Помысли, царю Менелай! и разсуди, намъ ли сїе предзнаменованїе послалъ Богъ? Или тебѣ самому? Храбрый Менелай долго помышлялъ, какъ бы отвѣщати на сїе: но царица Елена предваривъ рекла;

ла: Внушите мнѣ! Я буду гадательствовати сїе предвѣщанїе, какъ боги полагаютъ на сердцѣ моемъ, и уповаю, что тако сбудется. Какъ орелъ, родившейся въ горахъ, и тамо имѣющей чадъ своихъ, пришелъ оттуду сѣмо, и возхитилъ гуся, въ дому воспитаннаго; тако Одиссей по многомъ странствованїи и попретерпѣнїи великихъ напастей прїидетъ въ домъ, и накажетъ за неистовство нечестивыхъ жениховъ, или уже и нынѣ сокрываяся тамо, предустрояетъ пагубу.

Мудрый Тилемахъ рекъ: О дабы все тобою реченное совершилъ всесильный Дїй! Воистинну принесъ бы тогда тебѣ благодаренїе, аки богинѣ. Рекъ, и абїе ударяетъ коней бичемъ, побуждая къ скорѣйшему теченїю. И тако Тилемахъ съ Пизистратомъ чрезъ цѣлый день совершали путешествїе. Когда солнце уже сокрылося, и

затмилися всѣ пути; тогда они пришли въ домъ Діоклея, сына Орсилохова, родившагося отъ Алфея. Тамо угощены бывъ дружелюбно, опочили нощь спокойно. Явившейся же денницѣ, уготовавъ коней, паки емлются пути. Скоро по семъ достигли пространнаго града Пила.

Тогда Тилемахъ Пизистрату вѣщаетъ тако: Возлюбленный другъ! Молю тя, исполни нынѣ свое обѣщаніе; остави нынѣ помышленіе о угощеніи меня. Ежели отцы наши связаны были неразрывнымъ союзомъ; то кольми паче мы равнолѣтны будучи, потщимся соблюсти оное. И дабы вящше утвердити взаимное согласіе, не отлучай мя отъ корабля моего, но остави здѣсь; зане боюся, да не како противу желанія моего престарѣлый отецъ твой удержитъ въ домѣ своемъ, желая изъявити дружелюбіе свое ко мнѣ; ибо мнѣ вельми нужно скорѣе въ домъ свой отъити.

Тако

Тако рекъ Тилемахъ: Пизистратъ же помышлялъ, како по достоянїю исполнити предъ нимъ обѣщанїе свое. И тако за лучшее признаетъ: обративъ коней ко брегу моря, вшедъ въ корабль, и внесши въ оной дары Менелаевы, полагаетъ ихъ со тщанїемъ; по семъ къ Тилемаху вѣщаетъ тако: Скоро взыди нынѣ на корабль твой, и повели сопутникамъ готовымъ быти къ отшествїю, доколѣ я прїиду въ домъ мой, и возвѣщу о тебѣ отцу моему; ибо совершенно вѣдаю безпримѣрное его сердце; не отпуститъ тя отсюду, но самъ прїидетъ, и поведетъ тебя въ домъ свой, откуду не изыдеши тщетно; вопреки же сего вельми огорченъ будетъ. Сїе рекши, понуждаетъ коней къ бѣжанїю во градъ Пилъ, и вскорѣ приходитъ въ домъ свой.

Тѣмъ временемъ Тилемахъ, возбуждая своихъ сопутниковъ,

вопіетЪ кЪ нимЪ: Други мои! Скоро уготовите корабль, да взыдемЪ немедленно сами, и начнемЪ плаваніе. Тако рекЪ; и абіе повелѣніе его скоро исполнивЪ на корабль возходятЪ.

Когда ТилемахЪ приносилЪ моленіе Палладѣ; тогда пришелЪ внезапно нѣкто странный мужЪ, избѣгающій отЪ Аргивскія страны за убіеніе нѣкоего благознаменитаго мужа, и прорицателемЪ нарицающійся. РодЪ его былЪ отЪ колѣна Меламппода, обитавшаго нѣкогда во градѣ Пилѣ, и имѣвшаго тамо домЪ зѣло богатый, кой тогда у чуждыхЪ народовЪ обращался, убѣгая знаменитаго царя Нилея, кой все его стяжаніе взявЪ насильственно, повелѣлЪ его award оковати тяжкими узами, и блюсти во градѣ Филакѣ, за содѣянное имЪ дщери его великое студодѣяніе, которое вложила вЪ сердце его лютая богиня Еринніа.

Но онъ спасшися отъ смерти, и отгнавъ стада воловъ изъ Филака во градъ Пилъ, совершилъ не приличное дѣло, приведъ въ домъ Нилея и жену брата его. Но Нилей отшелъ къ другому народу во пространный Аргъ, гдѣ судьбою ему опредѣлено было владычествовати надъ многими людьми. Тамо онъ создавъ себѣ домъ, поялъ жену, отъ коея родилъ сыновъ Антифата и Мантїя; Антифатъ же родилъ Иклея, а Иклей Амфїарая, коего отецъ боговъ Дїй и Аполлонъ отъ всего сердца любили; но онъ не достигнувъ старости, погибъ во градѣ Ѳивахъ: Отъ него родилися Алкмаонъ и Амфилохъ: Мантїй же паки родилъ Полифидея и Клита; но сего послѣдняго за красоту его возхитила златосїянная богиня Ноя, да между безсмертными обращается, а Полифидея по смерти Амфїараевой Аполлонъ содѣлалъ великимъ

 жре-

жрецомъ. Сего тогда сынъ Θеоклименъ пришелъ къ Тилемаху, жертву близъ корабля приносящему, кой ставъ предъ нимъ вѣщаетъ: Возлюбленный другъ! Когда я обрѣлъ тебя жертву приносящаго; сею жертвою, твоею главою и твоими спутниками заклинаю тя, повѣдай мнѣ истинну: кто ты? Отъ какія страны? Кій градъ твой? И кто твои родители?

Тилемахъ отвѣщалъ: Странниче! Повѣмъ тебѣ подробно: Родъ мой есть островъ Иθака, отецъ Одиссей нарицался, но днесь онъ погибъ не извѣстною смертію: сего ради я съ сими спутниками, желая услышати о немъ, всюду странствую.

Θеоклименъ рекъ: Тако и я бѣгу изъ отечества моего, убивъ знаменитаго нѣкоего мужа; у меня суть многіе братія и други во странѣ Аргивской; однако опредѣлено

лено мнѣ днесь судьбою заблуждати въ чуждыхъ странахъ; воспріими убо меня на корабль твой, и не отрини моего прошенія, да не убіютъ мя гонящіеся за мною. Тилемахъ отвѣщалъ: Не изжену тебя отъ корабля моего; слѣдуй за мною, и пріимеши отъ меня дружеское угощеніе.

Тако рекши Тилемахъ, пріялъ копіе Ѳеоклименово, и положилъ его на караблѣ; по томъ введши и самаго прорицателя, посадилъ близь себя, и повелѣлъ сопутникамъ корабль отвалити. Они поставивъ щеглу и утвердивъ райну разпустили вѣтрила и ялися плаванію. Божественная Аѳина послала имъ созади сильный вѣтръ, дабы скорѣйше могли совершити свое плаваніе. Сокрывшуся солнцу достигли они во Елидской странѣ града Фиры, гдѣ обитаютъ Епіане. Отсюду паки стараются пребѣщи встрѣчавшіеся острова, бо-

ася, да неуловятъ стрегущіе, и
и не нанесутъ внезапной пагубы.

Тѣмъ временемъ Одиссей и Евмей со другими пастухами вечеряли. Когда же насытилися пищею и питіемъ; тогда Одиссей, искушая старшаго изъ нихъ, вѣщаетъ: Внушите любезные други! Заутра рано хощу итти въ градъ просити подаянія, да не буду во отягощеніе тебѣ и прочимъ твоимъ товарищамъ; подаждь убо мнѣ наставленіе, и посли добраго путеводителя, да проводитъ мя туду, гдѣ я самъ буду скитатися, еда никто не подастъ милостыни. Пришедъ во градъ, принесу возвѣщеніе мудрой Пинелопѣ; вниду въ собраніе жениховъ, кои многія имѣя яствы и мнѣ подадутъ; а я имъ потщуся оказывати по желанію ихъ услуженія при помощи Ермія, кой всѣ человѣческіе труды награждаетъ милостію и славою; легкою же моею скоростію ни

единъ

единъ человѣкъ не превзыдетъ мя; возжещи ли огнь, или сѣщи дрова сухїя; подати ли чашу, или жарити мяса и наливати вино, все готовъ исполнити, что творятъ худородные для знаменитыхъ.

Тако рекъ Одиссей: Евмей отвѣщалъ ему со гнѣвомъ: Злополучный странниче! Откуду низпало таковое помышленїе въ твое сердце? Воистинну желаеши тамо погибнути, когда стремишися внити во множество жениховъ, коихъ насильствїе и обиды возходятъ даже до небесъ. Не таковы тамо суть ихъ слуги, каковъ ты нынѣ зришися; но юноши облеченные въ драгїя одежды, всегда украшены, и лицемъ благообразные; а полы всегда зѣло чистые, наполненные хлѣбомъ, мясами и виномъ. Лучше убо пребуди здѣсь; ибо никто присутствїемъ твоимъ не отягощается, ниже я, ниже инный кто

отъ

отъ сопастырей моихъ. Когда же пріидетъ сынъ Одиссеевъ; онъ облечетъ тебя въ одежды приличныя, и отпуститъ камо сердце твое желаетъ. Одиссей отвѣщалъ ему: Дабудеши ты тако любезенъ отцу боговъ Дію, какъ и мнѣ, когда ты спаслъ мя нынѣ отъ излишняго труда и печали; ибо ничто есть тако не удоботерпимо, какъ влачитися по чужимъ странамъ; но угождая пагубному нашему чреву предпріемлемъ злыя совѣты, отъ коихъ предаемся странствованію, а отъ странствованія раждаются вредоносныя печали и не стерпимыя труды. Нынѣ, когда повелѣваеши здѣсь мнѣ пребывати, молю тя, повѣдай мнѣ о матери Одиссея и отцѣ его, котораго онъ оставилъ при отшествіи своемъ во глубокой старости, еще ли они наслаждаются солнечнымъ сіяніемъ? Или уже умерли и снизшли въ домы ада? Евмей отвѣ-

вѣщалъ ему: Лаэртъ еще и до нынѣ живъ; но всегда молитъ Дія, дабы отъялъ душу его отъ тѣла; ибо нестерпимо болѣзнуетъ о сынѣ своемъ Одиссеѣ, и о женѣ, которую поялъ зѣло младую, и которая смертію своею содѣлала ему великую печаль, и низринула во многотрудную старость, какъ и сама отъ великія печали о сынѣ скончала животъ свой. Тако всякъ благотворительный и честный мужъ да не умретъ подобною смертію. Доколѣ она была въ живыхъ, хотя и печалилася; однако дотолѣ пріятно мнѣ было вопрошати ю о всемъ, и все отъ нея испытовати; ибо сама она воспитала меня, купно со дщеріею своею Ктименою, которую мало чимъ больше меня почитала. Когда пришли мы оба въ совершенный возрастъ; тогда Ктимену отдали въ супружество во островъ Самъ; а меня облекши въ избранныя одежды, послали

слали на село; и тогда любила она меня отъ всего сердца. Нынѣ же я и самъ требую всего, и труды мои день отъ дня умножаютъ блаженные боги, на коихъ я уповаю; отъ нихъ я всю имѣю пищу и питїе. Отъ царицы же моея ничего прїятнаго не можно слышати, ниже слова, ниже дѣла; зане великое постигло зло домъ ея: мужи высокомѣрные и слуги ищутъ съ нею разглагольствовати и вопрошати о всемъ; требуютъ пищи и питїя и всего потребнаго на село, что можетъ веселити сердце служащихъ.

Одиссей отвѣщалъ ему: О како малъ бывъ, отлучился ты отъ отечества твоего и родителей! Но повѣдай мнѣ градъ оный, въ коемъ обитаютъ отецъ твой и матерь, отъ сопротивныхъ ли мужей разоренъ бранїю? Или единаго тебя, оставленнаго при стадахъ, похитили мужи неправедные на корабли

бли свои, и отдали здѣсь въ домъ сей, пріявъ достойную мзду.

Евмей отвѣщалъ ему: Внуши, нынѣ съ молчаніемъ вкушай вино и насыщайся онымъ: нощи же сіи велики суть, есть время и спати, есть время и разглагольствовати; сего ради тебѣ прежде времени не подобаетъ спати; зане и сонъ излишній приводитъ человѣка въ болѣзнь. Пусть прочіе мои сопастыри, когда желаютъ, отъидутъ ко сну; ибо заутра, когда укрѣпятся пищею, съ возшедшею зарею погонятъ свиней на паству; а мы здѣсь пребудемъ ядя и пія и взаимнымъ о нашихъ печальныхъ злоключеніяхъ повѣствованіемъ услаждаяся. Ибо многажды печали претерпѣнныя увеселяютъ сердце человѣка. Внуши убо о чемъ вопрошаеши меня: Есть островъ нарицаемый Сирія, лежащій выше Ортигіи, гдѣ солнце премѣняетъ свое теченіе. Хотя онъ и не вельми великъ, но

зѣло

зѣло способенъ къ паствѣ всякагѡ скота и овецъ, гобзующъ всякимъ хлѣбомъ и обиленъ виномъ; не бываетъ тамо никогда глада, ниже инныя какія вредоносныя тамо раждаются болѣзни. Но когда состарѣются во ономъ люди, тогда стрѣломещущій Аполлонъ и Артемида пришедъ убиваютъ оныхъ своими легкими стрѣлами. Тамо суть два града; надъ обоими же ими владычествовалъ отецъ мой Ктисій, сынъ Орменовъ. Тамо нѣкогда на корабляхъ пришли знаменитые Финикійскіе мужи, имѣя съ собою многія удивительныя вещи. Тогда была въ дому отца моего нѣкая жена родомъ Финикіанка, коя красотою, возрастомъ и искусствомъ рукодѣлія всѣмъ тамо была извѣстна. Сію тогда пришедшіе Финикіане узрѣвъ моющуюся прельстили; ибо нѣкто отъ нихъ въараблѣ познакомился съ нею; тогда онъ вопрошалъ сію же-

жену, кто она есть и откуду родомъ? Она вскорѣ показавъ домъ отца моего, отвѣщала: Родомъ я отъ града Сидона, дщерь есмь зѣло богатаго мужа Ариванта; но разбойники Тафїйскїе похитивъ мя идущую съ поля, и приведъ сѣмо продали сему мужу, прїявъ достойное награжденїе.

Финикїанинъ оный рекъ ей: Когда желаеши, слѣдуй съ нами въ кораблѣ нашемъ, да узриши родителей твоихъ; ибо они и донынѣ еще живы суть, и имѣютъ зѣло великое богатство. Жена отвѣщала ему: Да будетъ тако, когда желаете мнѣ блага; токмо сотворите клятву, что безвредную меня въ домъ мой привезете. Тако рекла; они же всѣ клялися ей по хотѣнїю. По семъ оная жена вѣщаетъ имъ паки: Молчите нынѣ, и да никто со мною ниже на пути, ниже при источникѣ разглагольствуетъ, дабы кто узрѣвъ не по-

вѣдалъ о семъ владыкѣ моему, кой познавъ о семъ, предастъ меня въ тяжкія оковы, а вамъ предустроитъ смерть. И тако сокройте слово мое во умѣ вашемъ: ускорите купити все потребное къ напутію вашему, и когда будетъ корабль вашъ наполненъ пищею; тогда скоро да пріидетъ въ домъ мой нѣкто отъ васъ съ возвѣщеніемъ; я же взявъ злато и инныя драгія вещи, какія нести возможно, пріиду къ вамъ и съ сыномъ мужа сего, уже бѣгати могущаго, за коего вы обрящете зѣло великую цѣну, въ какія ни пріидете страны. Скончавъ сіе отходитъ въ домъ свой.

Финикіане цѣлый годъ пребывая у насъ, зѣло много прибыточествовали: и когда корабль свой наполнили многими товарами; тогда прислали единаго мужа съ возвѣщеніемъ къ женѣ оной. Финикіанинъ пришедъ въ домъ отца моего, имѣя съ собою златое ожере-

релїе, украшенное многими илектрами, на кое матерь моя съ своими рабынями долго взирала, удивляяся великому его блистанїю, далъ тайный знакъ матери моей помаванїемъ, и отходитъ къ кораблю своему. Тогда она взявъ меня за руки изходитъ вонъ; въ единомъ чертогѣ обрѣтши сребряныя чаши и столы пиршествовавшихъ мужей, кои купно съ отцемъ моимъ въ то время изшли на сонмъ, похитила три чаши, и сокрывъ въ лонѣ своемъ изнесла съ собою. Я же слѣдовалъ ей по неразумїю моему. Когда солнце сокрылося и настала нощь; мы пришли ко пристанищу, гдѣ скоро обрѣли корабль оный. Финикїане прїявъ насъ къ себѣ, скоро предалися плаванїю, дышущу благопоспѣшну вѣтру. Шесть дней, толико же нощей совершали мы путь нашъ; а въ седьмый день Артемида пришедъ убила матерь мою стрѣлами, и низ-

вергла во дно корабля. Финикїане извлекши ее оттуду, низринули въ море на снѣденїе рыбамъ. Тогда я остался єдинъ, и печаль терзала сердце мое. Финикїане повинуяся вѣтру и волнамъ, принесены были къ сему острову Иѳакѣ, гдѣ престарѣлый Лаэртъ купилъ меня на свое стяжанїе; и тако узрѣлъ я землю сїю.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ ему: Воистинну зѣло подвиглъ ты сердце мое къ соболѣзнованїю, повѣдая твои напасти. Однако милосердый Дїй положилъ тебѣ за оныя мздовоздаянїе; ибо по сихъ злоключенїяхъ пришелъ ты въ домъ царя кроткаго и щедраго, кой даетъ тебѣ пищу и питїе невозбранно, и провождаеши жизнь твою безмятежно; напротивъ того я въ чуждыхъ странахъ заблуждая, паки пришелъ сѣмо въ не свѣдомую землю.

Тако они разглагольствовавъ почили сномъ не малое время; ибо

вскорѣ явилася утренняя заря. Тѣмъ временемъ Тилемахъ возвратился въ отечественную страну: сопутники его собравъ вѣтрила, и снявъ древо, на коемъ оныя привязываются, корабль вовлекли веслами въ пристанище, ввергли котвы въ море и привязали крѣпкими ужами; сами же изшедъ на брегъ моря, уготовляли вечерю. Когда насытилися всѣ пищею и питїемъ, Тилемахъ вѣщаетъ къ нимъ: Вы нынѣ на кораблѣ идите во градъ; я же взыду на село, да узрю труды и дѣла пастуховъ моихъ; заутра предложу вамъ веселое пиршество со обильною пищею и питїемъ. Тогда Ѳеоклименъ вѣщаетъ къ нему: Возлюбленное чадо! Я въ какїй домъ прїиду во Иѳакѣ? Или прямымъ путемъ повелиши внити въ домъ твой?

Тилемахъ отвѣщалъ ему: Не тако я тебѣ совѣтую сотворити; не входи въ домъ мой, не для того,

что не будеши угощенъ тамо, но сего ради, что многїя досады сотворятъ тебѣ во время моего неприсутствїя; а притомъ не узритъ тебя и матерь моя; зане мало является въ дому предъ женихами; паче же всегда во отдаленной горницѣ пребывая упражняется въ тканїи. Я покажу тебѣ инаго мужа, къ коему въ домъ внидеши: обрящеши во градѣ знаменитаго Евримаха, сына Поливїева, коего Иѳакїане почитаютъ; ибо паче всѣхъ честнѣйшее имѣетъ обращенїе, и отъ всего сердца желаетъ пояти матерь мою въ жену себѣ, и имѣти честь отца моего Одиссея. Сїе все предустроилъ обитающїй на пресвѣтломъ Олимпѣ; но я уповаю что прежде брака постигнетъ ихъ день пагубный.

Тако имъ разглагольствовавшимъ, се прилетѣла отъ десныя страны птица ястребъ, скорый вѣстникъ Аполлоновъ, держа въ

ког-

когтяхъ голубя, и терзая онаго металъ перїе посредѣ корабля и самаго Тилемаха. Тогда Ѳеоклименъ призвавъ сопутниковъ, и взявъ Тилемаха за руку вѣщаетъ: Возлюбленный другъ! Не безъ Божїя промысла прилетѣла сїя птица отъ десныя страны; ибо я отъ далече узрѣлъ оную; и тако реку, вашего рода ничто же есть знаменитѣйшее во всей Иѳакѣ; но вы всегда надъ оною будете владычествовати.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: О дабы слово твое, странниче, совершили присносущные боги! Воистинну скоро познаалъ бы ты дружество наше, и узрѣлъ бы многими дарами обогащеннаго тебя тако, что всякъ нарекъ бы тебя благополучнымъ!

По семъ обратився Тилемахъ къ Пирею, тако ему вѣщаетъ: Вѣрный другъ мой Пирей! ты паче

всѣхъ спутниковъ моихъ былъ мнѣ послушенъ; исполни убо паче всего и нынѣ хотѣнїе мое; странника сего введи въ домъ твой, угощай со тщанїемъ и воздавай честь, доколѣ я не возвращуся.

Пирей отвѣщалъ ему: Возлюбленный Тилемахъ! хотя ты многое время пребудеши на селѣ, однако воистинну о страникѣ семъ не отрекуся всякое имѣти попеченїе, и всемъ, что ни имѣю, угощати его со тщанїемъ буду.

Тако рекши Пирей возходитъ на корабль, и повелѣваетъ спутникамъ отрѣшити ужи корабельные, и плыти ко граду. Тилемахъ же подвязавъ подъ ноги сапоги, и взявъ отъ корабля копїе свое, идетъ на село, гдѣ обиталъ пастухъ Евмей усердствующїй и всякаго блага желающїй владыкамъ своимъ.

ОМИ-

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Пи.

Когда златозарная заря явилася, неся свѣтъ земнороднымъ; тогда Одиссей со Евмеемъ возжегши огнь уготовали пищу пастухамъ, кои насытився, скоро пошли со стадами на паству. Тѣмъ временемъ Тилемахъ пришелъ на село свое. Псы узрѣвъ его идущаго не лаяли, но токмо притекши къ нему помавали ошибами: тогда ко Евмею Одиссей вѣщаетъ: Любезный другъ Евмей! воистинну грядетъ нѣкто сѣмо или отъ друговъ твоихъ, или отъ инныхъ кто свѣдомыхъ тобою? Зане псы не лаютъ на него, но токмо ошибами ласкаются къ нему; я слышу уже здѣ топотъ ногъ идущаго человѣка.

Едва рекъ сїе Одиссей; абїе Тилемахъ сталъ въ преддверїи. Евмей

мей узрѣвъ его, мещется со трепетомъ, падаетъ изъ рукъ чаша, въ коей разтворялъ вино; и притекши къ царю лобзаетъ главу его, очи и руки, проливая радостныя слезы. Аки нѣкоторый отецъ, находяся въ глубокой старости, и имѣя единороднаго сына, коего судьба отвлечетъ въ далечайшія страны, и по десятилѣтнемъ разлученіи узрѣвъ его возвратившагося въ домъ свой, объемлетъ съ неизреченною радостію; тако объемлетъ Евмей Тилемаха, и со слезами вѣщаетъ къ нему: Пришелъ ты, дражайшій Тилемахъ! сладкій свѣтъ очей моихъ! Могъ ли я уповати, что узрю тебя возвратившагося отъ Пила? Но вниди любезное чадо! да наслаждуся зрѣніемъ твоимъ: ибо зѣло мало приходиши на село къ намъ; но всегда пребываеши во градѣ; тако бо угодно есть гордымъ женихамъ, предустрояющимъ тебѣ пагубу.

Му-

Мудрый Тилемахъ отвѣщалъ: Внидемъ совокупно, любезный другъ, во твое виталище; ибо тебя я ради пришелъ сѣмо, да узрю тя, и услышу нѣкое слово. Повѣдай мнѣ, еще ли матерь моя пребываетъ въ дому своемъ? Или уже нѣкто отъ мужей оныхъ поялъ себѣ въ жену? Одиссево же ложе, не имѣя на себѣ возлежащихъ, осквернено есть паучинами.

Евмей отвѣщалъ ему: Воистинну еще матерь твоя великодушнымъ сердцемъ пребываетъ въ дому своемъ, дни и нощи провождая въ слезахъ и печали. По семъ прiявъ отъ него копiе, ввелъ внутрь виталища. Тогда Одиссей возставъ уступилъ Тилемаху мѣсто; но онъ его удержавъ рекъ: Сиди возлюбленный странниче! мы же обрящемъ себѣ инное мѣсто; и есть человѣкъ, кой все уготоваетъ. Тогда Одиссей паки сѣлъ на своемъ сѣдалищи. Евмей настлавъ зеле-

ной травы, покрылЪ оную мягкою кожею, и посадилЪ тамо Тилемаха, сына Одиссеева; по семЪ принесЪ сосуды сЪ жареными мясами, кои осталися отЪ прошедшаго дня; и предложивЪ хлѣбЪ вЪ кошницахЪ, поставилЪ и чашу сЪ виномЪ. И такЪ ТилемахЪ садится противу отца своего Одиссея, и наконецЪ всѣ простираютЪ руки кЪ пищѣ. ТилемахЪ насытився оною, вопрошаетЪ Евмея: Повѣдай другЪ мой! откуду пришелЪ странный сей? Какїе корабли принесли его во Иѳаку? Ибо мню, что не пѣшїй пришелЪ онЪ сѣмо.

Евмей отвѣщалЪ ему: Возвѣщу тебѣ, возлюбленное чадо! ОнЪ повѣдалЪ мнѣ, что родомЪ отЪ острова Крита, и странствовалЪ во многихЪ народахЪ, тако судившу Богу; на село же мое пришелЪ, тайно ушедЪ отЪ Феспротскаго корабля. Се нынѣ вручаю его тебѣ,

тво-

твори съ нимъ что хощеши; зане онъ ищетъ отъ тебя милосердія.

Тилемахъ рекъ Евмею: Воистинну печальное слово сказалъ ты мнѣ: како могу я воспріяти въ домъ мой сего пришельца? Самъ младъ есмь, и не имѣю толико силъ, дабы могъ прогнати мужей творящихъ мнѣ обиды; а матерь моя двоякимъ мятется помышленіемъ; пребывати ли въ дому своемъ и блюсти стяжаніе, почитая ложе мужа своего, моего же отца, и сохраняя славу народа? Или быти кому отъ Ахеянъ женою, кто лутче всѣхъ есть, и кто большіе дастъ дары? Страннаго убо сего, когда пришелъ онъ въ домъ твой, облеку во одежды добрыя, дамъ ему обоюдный мечь и сапоги, и отпущу куда сердце его желаетъ. Когда же тебѣ угодно, содержи его въ твоемъ дому, а я отъ дому моего буду присылати сѣмо всякую пищу и хлѣбъ обиль-

обильно, да ястъ невозбранно, и да не будетъ тебѣ и прочимъ твоимъ сопастырямъ въ тяжесть. Но во градъ никако не отпущу его; ибо въ дому моемъ обитаютъ мужи зѣло насильственны; боюся, да не сотворятъ ему обиды; и тогда сердцу моему будетъ нестерпимая печаль; зане сотворити мщенїе никако не возмогу, единъ обрѣтаяся между толикимъ множествомъ сильныхъ юношей.

Великодушный Одиссей отвѣщалъ ему: Возлюбленный другъ! и мнѣ возможно нынѣ глаголати: воистинну и мое сердце зѣло раздирается досадою, когда слышу, что неистовые женихи толикїя творятъ насильствїя въ дому твоемъ противу твоея воли. Но повѣдай мнѣ, по твоему ли изволенїю сїя страждеши? Или возненавидѣлъ тебя народъ, слушая гласа Божїя? Или вину сїю возлагаеши на сродниковъ твоихъ, коимъ

отъ

отъ сопротивныя страны возпящается подати тебѣ помощь, хотя бы и великая отъ того родилася вражда? О когда бы я въ сихъ напастяхъ толико былъ младъ, или былъ бы я сынъ Одиссеевъ, или и самъ Одиссей возвратился отъ многаго странствованія! Воистинну далъ бы сію главу мою на отсѣченіе странному мужу, когда бы я пришедъ въ домъ Одиссеевъ, не воздалъ мщенія мужамъ симъ. Но ежели бы они побѣдили меня своимъ множествомъ; воистинну желалъ бы я паче убіенъ быти въ дому моемъ, нежели толь вредоносныя видѣти дѣла; въ поношеніе страждущихъ пришельцовъ, вино безъ пощадѣнія истощаемое и пищи поядаемыя непрестанно со всякимъ безстудствомъ.

Тилемахъ отвѣщалъ ему! Нѣсть ни единыя отъ сихъ винъ, о коихъ ты мя вопросилъ; но тако великій Дій устроилъ надъ нашимъ

шимъ родомъ; ибо Аркисій родилъ единаго Лаэрта, Лаэртъ же родилъ единаго Одиссея, Одиссей же родилъ единаго меня; сего ради другія помощи нѣсть ни единыя, и тако зѣло многія нынѣ враги обитаютъ въ моемъ домѣ; ибо коликіе суть знаменитые мужи въ Дулихіѣ, въ Самѣ, въ Закинѳѣ и во всей Ифакѣ, всѣ сіи требуютъ матери моея въ супружество; но она ниже отрекается отъ сего брака, ниже конца можетъ содѣлати, между тѣмъ безстудные женихи истощаютъ домъ мой безъ милосердія; въ скоромъ времени и самаго меня, мню, погубятъ. Но все сіе во власти боговъ состоитъ. Ты же, любезный другъ Евмей! иди скоро къ возлюбленной матери моей Пинелопѣ, и возвѣсти ей, что я здравъ обрѣтаюся на селѣ, и отъ Пила возвратился благополучно; между тѣмъ я пребуду здѣсь. Но блюдися, да никто

кто о мнѣ не услышитъ отъ прочихъ Ахеанъ; ибо всѣ они совѣщаютъ мнѣ пагубу; токмо матерь моя да будетъ о мнѣ свѣдома.

Евмей отвѣщалъ ему: Довольно сїе разумѣю; но скажи мнѣ, еда съ симъ возвѣщенїемъ прїиду и къ злополучному Лаэрту, кой хотя и зѣло печалился о Одиссеѣ; но всѣ дѣла съ рабынями купно наблюдалъ въ своемъ домѣ, ялъ и пилъ, колико сердце его желало; но нынѣ, когда ты, возлюбленное чадо! отшелъ во островъ Пилъ, повѣдаютъ, что ничего ни ястъ, ни пїетъ, ниже дѣланазираетъ; но непрестанно воздыхаетъ, плачетъ и печалїю терзается.

Тилемахъ отвѣщалъ ему: Печально и сїе; но оставимъ до времени Лаэрта; ибо когда бы все по своему хотѣнїю можно было познати смертнымъ, воистинну и мы ожидалибы возвращенїя Одиссеева.

И такъ иди, и возвѣсти о семъ токмо матери моей, не совращаяся съ пути къ Лаэрту; ибо знаю, что Пинелопа скоро пошлетъ рабыню повѣдати ему омнѣ. Вскорѣ по семъ Евмей уготовався въ путь отходитъ.

Тѣмъ временемъ Паллада, прїявъ на себя образъ величественныя и благолѣпныя жены, стала отъ страны входа въ домъ Евмеевъ, единому явяся Одиссею; Тилемахъ же немогъ ее видѣти, ниже разумѣти, [ибо не всѣмъ боги являются видимы] сотворила ему помаванїе, кое скоро познавъ Одиссей, изходитъ внѣ ограды и является предъ нею; тогда Аѳинская богиня вѣщаетъ тако: Любезный Одиссей! откройся уже нынѣ предъ сыномъ твоимъ, да положивъ совѣщанїе о убивствѣ жениховъ отъидете во градъ Иѳаку; я же всегда буду готова васъ защищати.

Рекши

Рекши сїе касается жезломъ Одиссея; и абїе гнусное его рубище претворяетъ въ свѣтлыя одежды, возрастила тѣло и возвратила ему младость; наполнилися ланиты, и власы отъ главы и отъ брады простерлися долгїе и черные. Сїе содѣлавъ отходитъ на Олимпъ; а Одиссей паки входитъ въ храмину. Тилемахъ узрѣвъ его устрашился, мещетъ отвсюду на него взоръ свой, помышляя, не отъ боговъ ли кто является предъ нимъ тако; и абїе вѣщаетъ къ нему: Что есть сїе странниче? Се зрю тя во инный образъ превращеннаго; зрю и одежды твои премѣненныя, и все тѣло иное; воистинну нѣкто отъ боговъ, обитающихъ на Олимпѣ, низшелъ ты къ намъ на землю. Но умилосердися, да сотворимъ тебѣ жертву и принесемъ златые дары.

Одиссей отвѣщалъ ему: Не богъ я есмь; почто мя уподобляеши

безсмертнымъ? Но отецъ твой, о коемъ ты всегда воздыхаеши, претерпѣвая отъ злыхъ людей великія обиды.

Тако рекши облобызалъ сына своего, и пролилъ на землю многія слезы, кои никогда прежде не являлися на очахъ его. Тилемахъ же недоумѣвая отвѣщалъ ему: Неиму вѣры, како сїе можетъ быти? Воистинну нѣкїй богъ прельщаетъ мя, и къ вящшему приводитъ воздыханїю. Никогда смертный человѣкъ своимъ разумомъ не можетъ содѣлати стараго младымъ, ежели не самъ богъ пришедъ сотворитъ сїе: недавно я зрѣлъ тебя сляченнаго старостїю, и гнусно облеченнаго, но нынѣ паки зрю подобнаго богамъ обитающимъ въ небесахъ.

Одиссей рекъ ему: Возлюбленный Тилемахъ! неудивляйся зѣло, ниже недоумѣвай видя возлюбленнаго отца твоего, съ тобою купно

но пребывающа и разглагольствующа; ибо не пріидетъ уже отъ нынѣ сѣмо другій Одиссей; но я есмь оный, кой претерпѣвъ многія напасти, паки по двадесятилѣтнемъ странствованіи пришелъ во отечественную землю; превращеніе же сіе есть дѣло богини Паллады, которая все творитъ тако, како хощетъ: иногда младаго, и въ добрыя одежды облеченнаго юношу претворяетъ въ нищаго старца; иногда же вопреки сему содѣваетъ; ибо безъ всякаго труда могутъ боги и прославити смертнаго человѣка, и паки его уничижити.

Тако рекъ Одиссей; Тилемахъ мещется на выю любезнаго своего родителя и проливаетъ слезы. Паки возобновляется неутѣшное рыданіе, въ коемъ воистинну застигла бы ихъ темная нощь, когда бы Тилемахъ предваривъ отца не рекъ къ нему тако:

 Дра-

Дражайшій отче! Какіе мореплаватели, и въ какомъ кораблѣ привезли тебя во Иѳаку? Ибо мню, что не пѣшій пришелъ ты сѣмо. Одиссей отвѣщалъ ему: Возлюбленный сыне мой! повѣдаю тебѣ истинну: Знаменитые Феакіане привезли меня во отечество мое, кои и иныхъ странныхъ людей приходящихъ къ нимъ препровождаютъ всюду. Они привезши меня сѣмо спящаго положили на брегѣ; данные же отъ нихъ знаменитые дары лежатъ въ пещерѣ сокровенны помощію боговъ. Въ домъ сей пришелъ я по совѣту богини Аѳинскія, дабы помыслити намъ вкупѣ о отмщеніи за обиды жениховъ. Ты изчисли мнѣ всѣхъ ихъ, да положу совѣщаніе во умѣ моемъ, возможемъ ли мы едины стати противу ихъ, или другія помощи потребно будетъ искати?

Тилемахъ отвѣщалъ ему: Возлюб-

любленный мой отче! Многажды слышалъ я славу о великомъ твоемъ мужествѣ и о премудрыхъ совѣтахъ; но нѣчто превыше всѣхъ человѣческихъ дѣянїй вѣщаеши нынѣ; недоумѣнїе обдержитъ мя; возможно ли двумъ мужамъ сражатися съ великимъ числомъ. Ибо жениховъ не десять и не двадесять, но много больше. Се изочту ихъ предъ тобою: Отъ острова Дулихїя пятдесятъ два, отъ острова Сама двадесять четыре, отъ Закинфа двадесять, отъ Иѳаки дванадесять; кромѣ сего шесть рабовъ, единъ провозвѣстникъ Медонтъ, и единъ пѣвецъ, два раба изученные уготовляти сладкїя пищи. Со всѣми сими когда сразимся мы, вижды, да не прїимемъ сами горькую смерть. Но ты, когда можеши, призови въ помощь, кого заблагоразсудиши; ибо кто отречется готовымъ сердцемъ насъ защищати.

Одиссей рекъ: Повѣмъ тебѣ нѣчто; ты внуши и разсуждай: довольно ли намъ будетъ помощниковъ всесильнаго Дія и Аѳинскія богини Паллады? Или еще кого взыщемъ въ помощь?

Тилемахъ отвѣщалъ: Непреодолимы суть сіи помощники, кои сѣдятъ превыше облаковъ, и владычествуютъ надъ всѣми смертными и безсмертными богами.

Вскоре они, Одиссей рекъ, явятся къ намъ на помощь, когда брань и мщеніе Ареево противу жениховъ воздвигнемъ. Ты заутра съ возхожденіемъ зари взыди въ домъ свой, и тамо дерзновенно разглагольствуй съ оными жестоковыйными мужами; меня же послѣ приведетъ Евмей во образѣ нищаго старца. Когда они будутъ мнѣ творити посмѣянія, претерпи все мужественнымъ сердцемъ; ежели и презъ домъ повлекутъ мя за ноги, или пріиму и ударенія, все сноси вели-

великодушно, и увѣщевай ихъ мягкими словами престати отъ безумія; ибо я знаю, что они не послушаютъ твоихъ совѣтовъ; зане приближается уже день пагубы ихъ и мщенія. Что же реку тебѣ нынѣ, соблюди на сердцѣ своемъ: когда премудрая Паллада воздвигнетъ духъ мой ко брани; тогда сотворю тебѣ главою своею помаваніе; и ты уразумѣвъ оное, войди въ горній мой чертогъ, и тамо собравъ все мое ратное оружіе, постанови тщательно во особливой храминѣ. Ежели узрятъ женихи творящаго тебя сіе, и вопросятъ, отвѣщай имъ, что отъ дыму сохраняя сіе твориши; зане все отца моего оружіе не такое нынѣ зрится, какое онъ оставилъ при отшествіи своемъ во Трою; но отъ огня и дыму все потемнѣло и снѣдается ржею. Рцы и сіе: боюся притомъ и того, да нѣкогда отягчены бывъ виномъ, воздвигнете распрю; и тогда уязвите

вите другъ друга, и осквернитe пиршество и брачныя приуготовленія; зане желѣзо само влечетъ къ себѣ мужа. По семъ постави намъ два меча, два копія и два щита. И тако послѣ мы притекши воспріимемъ все уготованное; а Дій и Паллада помрачатъ ихъ разумы. Реку тебѣ и сіе: когда ты сынъ мой еси, и отъ нашея рожденъ крови, вижд, да никто не познаетъ, что я обрѣтаюся въ дому своемъ, ниже Лаэртъ, ниже Евмей, ниже отъ домашнихъ кто, ниже самая Пинелопа; но токмо ты и я познаемъ правоту рабынь нашихъ, искусимъ также и рабовъ твоихъ, кто почитаетъ насъ и боится; кто презираетъ и не воздаетъ тебѣ почтенія, въ такихъ лѣтахъ сущему.

Тилемахъ отвѣщалъ: Отче! воистинну познаеши духъ мой и неустрашимое дерзновеніе; но сіе, мню, не будетъ намъ полезно, ко-

гда

гда начнемъ изпытывати нравы рабовъ нашихъ, взирая на дѣла ихъ; можемъ бо познати и послѣ; зане они расточаютъ токмо домъ безъ всякаго пощадѣнія; о рабыняхъ же воистинну совѣтую тебѣ учинити назираніе, кои не почитаютъ тебя, и суть безстудны.

Тако Тилемахъ и Одиссей разглагольствовали. Тѣмъ временемъ корабль, привезшей Тилемаха изъ Пила, во градъ прибылъ; мореплаватели ввели его въ пристанище; по семъ вскорѣ послали въ домъ Одиссеевъ провозвѣстника съ возвѣщеніемъ Пинелопѣ о благополучномъ Тилемаха отъ путешествія возвращеніи, что онъ обрѣтается на селѣ, дабы царица не проливала вотще слезъ о своемъ сынѣ. Провозвѣстникъ и Евмей, несущіе едино возвѣщеніе, другъ со другомъ срѣтаются; и первый предварительно притекши предъ царицу, тако вѣщаетъ: Пинелопа!

Сынъ

Сынъ твой возвратился здравъ отъ острова Пила. По семъ Евмей приближився повѣдалъ все, что ни повелѣлъ Тилемахъ. Исполнивъ сїе, скоро отходитъ паки на село. Женихи услышавъ о семъ, зѣло вознегодовали; и изшедши изъ дому, сѣли близь ограды при вратахъ. Тамо Евримахъ начинаетъ тако: Други мои! мы уповали, что Тилемахъ путешествїе не совершитъ благополучно; нынѣ же содѣлалося вопреки нашимъ желанїямъ. Потщимся убо послати вѣстниковъ къ стрегущимъ его, да скоро оттуду возвратятся. Амфиномъ абїе узрѣвъ корабль вшедшїй въ пристанище, и соглядатаевъ вѣтрила собирающихъ, тако къ женихамъ вѣщаетъ: Или сами они узрѣвъ корабль Тилемаховъ мимошедшей не могли обрѣсти его. Тако рекъ: пловцы же возставъ отъ мѣстъ и изшедъ на брегъ моря, извлекли корабль на сушу. Оружїе отнесе-

но

но въ домы рабами ихъ; а сами они пошли всѣ во едино сонмище, гдѣ Антиной, сынъ Евпиѳеевъ, начинаетъ тако: Когда Тилемахъ спасся нынѣ отъ смерти, воистинну сами боги о немъ промышляли; ибо по захожденіи солнца чрезъ всю нощь мы бодрствовали, разъѣзжая по морю до самыя зари, и назирая Тилемаховъ корабль, дабы убити въ немъ его. Но нѣкто, мню, отъ боговъ провелъ его безвредна. И такъ положимъ совѣты, дабы убити его здѣсь, и дабы никако отъ рукъ нашихъ не спасся; ибо не уповаю живу ему сущу исполнитися желанію нашему; зане и самъ разумомъ и совѣтами предъ-многими преуспѣваетъ; да и народъ не совсѣмъ намъ благопріятствуетъ. Потщимся убо предварити, доколѣ не соберетъ онъ Ахеянъ на сонмище, [ибо не оставитъ, мню, сего;] и тамо весь народъ на гнѣвъ не подвигнетъ, повѣдавъ

предъ

предъ всѣми, что мы совѣщевали ему смертоносную пагубу, но не возмогли оныя свершити. Тогда услышавъ о таковыхъ дѣлахъ нашихъ, вознегодуютъ на насъ; и мы послѣ должны страшиться, дабы не постигло какое зло насъ; или дабы не изгнали насъ отъ земли сея; и тогда будемъ скитатися въ чуждыхъ народахъ. Предускоримъ сїе, отъявъ животъ его, или на полѣ далече отъ града, или на пути; наслѣдїе же его раздѣлимъ между собою, какъ подобаетъ; домашнїя стяжанїя оставимъ матерѣ его и тому, кто въ жену ее себѣ пойметъ. Но ежели сей мой совѣтъ является предъ вами не полезенъ, и хощете, дабы онъ живъ былъ и обладалъ отеческимъ наслѣдїемъ; то совѣтую не расточати больше его имѣнїя, и отшедъ въ домы свои, требовати Пинелопу въ жену себѣ посредствомъ множайшихъ даровъ, и уповати, кому

судьба

судьба благоволитъ обладати ею. Тако рекъ; и всѣ пребывали въ глубокомъ молчанiи. По семъ Амфиномъ, сынъ знаменитаго царя Аритiя, родомъ изъ острова Дулихiя, кой всѣмъ женихамъ былъ предводитель, и Пинелопѣ за кроткiй нравъ и здравыя разсужденiя прiятенъ, тако рекъ: Други мои! не хощу я убiйства Тилемаху; ибо царская пролiянная кровь не останется безъ отмщенiя. Первѣе убо испытаемъ отвѣта боговъ. Когда на сiе будетъ великаго Дiя изволенiе; тогда я не токмо подамъ совѣтъ прочимъ; но и самъ исполню: ежели же намѣренiе наше противно богамъ, престати лучше мню отъ сего злаго дѣла.

Тако рекъ Амфиномъ; и всѣмъ угодно явилося слово его. Вскорѣ по семъ возставъ, пошли въ домъ Одиссеевъ. Тогда мудрая Пинелопа, изшедъ отъ своего чертога съ двумя рабынями, стала въ дверяхъ дому,

дому, гдѣ пребывали женихи, и имѣя на главѣ покрывало, вѣщаетъ къ нимъ: Антиной! Како ты нарицаешися между знаменитѣйшими Иѳакїанами превосходнѣйшимъ во всѣхъ совѣтахъ и разглагольствїяхъ? Злокозненный! Почто Тилемаху устрояеши убїйство и смерть, ниже взираеши на невинность, коея самъ великїй Дїй есть свидѣтель? Или не знаешь, како отецъ твой пришелъ сѣмо, убѣгая отъ раздраженнаго народа? Ибо постигая Тафїйскихъ разбойниковъ, вельми огорчилъ Ѳеспротянъ, кои были дружелюбны, но его хотѣли убити, и все великое стяжанїе разсыпати. Однако Одиссей возпрепятствовалъ и удержалъ вредное ихъ стремленїе; ты же нынѣ домъ твоего благотворителя безстудно расточаеши; и желая пояти меня въ жену, сына моего убити тщишися? Совѣтую убо тебѣ отложити сїе злое намѣренїе, да

и всѣмъ твоимъ единомышленникамъ о томъ же напоминаю.

Евримахъ, сынъ Поливїевъ, отвѣщалъ на сїе: Премудрая Пинелопа, дщи Икарїева! Да не смущается сердце твое таковыми помышленїями! Нѣсть здѣсь мужъ, ниже былъ, ниже будетъ, кой бы на сына твоего Тилемаха могъ вознести руки, доколѣ я живъ обрѣтаюся, и вижу свѣтъ солнечный. Что реку, то и будетъ: вскорѣ обагрится сїе копїе кровїю того, кто помыслитъ пагубу на Тилемаха; ибо помню я, како градоразрушитель Одиссей многажды малолѣтна сущa мя держалъ на своихъ колѣнахъ, подавалъ мнѣ жареныя мяса и поилъ сладкимъ виномъ. Сего ради Тилемахъ паче всѣхъ мнѣ есть любезенъ. Повелѣваю убо ему не боятися нападенїя жениховъ и смерти; отъ Бога же не возможно есть убѣжати.

Тако рекъ утѣшая; въ самой же вещи первый былъ виновникъ совѣщанія ему пагубы. Пинелопа возшедъ въ горній чертогъ, паки предается рыданію о возлюбленномъ своемъ супругѣ Одиссеѣ, доколѣ Аѳинская богиня сладкій сонъ на вѣжди ея не излила. Тѣмъ временемъ уже преклоншуся дню къ вечеру, Евмей пришелъ обратно къ Одиссею и Тилемаху, кои тогда уготовляли вечерю заклавъ единолѣтнаго вепря. Божественная Паллада приближився къ Одиссею, паки касается ему жезломъ, и паки претворяетъ въ нищаго старца, дабы Евмей познавъ не возвѣстилъ Пинелопѣ.

Тогда Тилемахъ первый вѣщаетъ къ нему: Повѣдай, любезный мой Евмей! Какій слухъ носится во градѣ, уже ли возвратилися женихи отъ ловительства? Или еще стрегутъ въ домъ моего возвращенія?

Во-

Вопрошенный рекъ: Не имѣлъ я попеченія вопрошати и испытывати о семъ; ибо пришедъ во градъ и возвѣстивъ повелѣнное матери твоей, паки тщился возвратитися поспѣшно сѣмо; и тогда увидѣлъ я идущаго мнѣ на встрѣчу отъ твоихъ сопутниковъ провозвѣстника, кой первый повѣдалъ о тебѣ твоей матери. Кромѣ сего, бывъ уже на пути, гдѣ четвероугольная зрится могила, видѣлъ я вшедшей корабль въ пристаннище; многіе мужи были на ономъ; многіе блещали щиты и копія. Сихъ мню быти пагубоносныхъ твоихъ соглядатаевъ: а болѣе ничего не знаю.

Тилемахъ слышавъ сіе возэрѣлъ на отца, и тайно отъ Евмея осклабился. По семъ насытився пищею и питіемъ ко сну всѣ отходятъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ НАДЕСЯТЬ.

Ро.

Когда явилася багряновидная денница, тогда ТилемахЪ подвязавЪ подЪ ноги сапоги, пріемлетЪ копіе, рукамЪ его способное, готовится ити во градЪ, и тако вѣщаетЪ ко Евмею: Любезный другЪ! Се я отхожду во градЪ, да узритЪ меня матерь моя; ибо мню, что не престанетЪ отЪ слезЪ и воздыханій, доколѣ не увидитЪ мя своими очами. Тебѣ же повелѣваю отвести сего страннаго мужа во градЪ; тамо всякЪ подастЪ ему, кто восхощетЪ, или хлѣбЪ, или чашу вина; ибо мнѣ, имѣющему на сердцѣ толикія скорби, невозможно всѣхЪ странныхЪ питати. Хотя онЪ и прогнѣвается на меня, не взираю; зане всегда люблю открывати истинну.

Одис-

Одиссей отвѣщалъ на сїе: Возлюбленный мой другъ! Не хощу и самъ болѣе здѣсь жити; ибо нищему полезнѣе обитати во градѣ, нежели на селѣ. Иди убо, любезное чадо! Меня же по повелѣнїю твоему отведетъ сей мужъ, когда согрѣюся и взыдутъ теплоносные солнечные лучи; ибо одежда сїя малое подаетъ мнѣ защищенїе отъ студени. Напротивъ того градъ, какъ вы сами повѣдали, далече отстоитъ отсюду.

Тако рекъ Одиссей: Тилемахъ же стремится въ путь ко граду, совѣщевая женихамъ пагубу. По пришествїи въ домъ, копїе поставилъ при столпѣ, по томъ входитъ въ чертоги, гдѣ первая узрѣла его питательница Евриклея со прочими рабынями; и притекши къ нему со слезами, лобызаютъ главу и рамена. Пинелопа услышавъ о пришествїи сына, изходитъ отъ чертога аки Артемида,

или златовидная Афродита, и приближився къ нему, емлетъ его во свои объятія, лобзаетъ главу и очи, и проливая слезы вѣщаетъ: Возлюбленный Тилемахъ! Пришелъ ты, сладчайшій свѣтъ очей моихъ! Моглали я уповати, что узрю тебя, когда отшелъ ты тайно во островъ Пилъ извѣститися о отцѣ твоемъ.

Тилемахъ отвѣщалъ ей: Возлюбленная мати! Не приводи меня ко слезамъ, и не возмущай сердца моего, ежели я спасся отъ погибели; но возшедъ въ чертогъ умыйся; и облекшися въ свѣтлыя одежды, обѣщай богамъ принести сточисленную жертву, еда благоволитъ всесильнный Дій воздати отмщеніе? Я же отхожду на сонмъ, да возглашу тамо нѣкоего странника, со мною пришедшаго, коего я предпослалъ на караблѣ въ домъ Пирея, да со тщаніемъ его тамо угощаетъ.

Тако

Тако рекшу, Пинелопа возшедъ въ чертогъ исполнила все по завѣщанїю сына, кой также изшелъ изъ дому, держа въ рукахъ копїе; за нимъ послѣдуютъ псы. Тогда божественная Паллада излила на него благодать свою. Народъ узрѣвъ его идущаго зѣло удивился, и вси женихи собралися окрестъ его, устами желая всякаго блага, въ сердцахъ же совѣщевая пагубу. Онъ изшедъ изъ среды многочисленнаго народа, входитъ въ собранїе; тамо сидѣлъ Менторъ, Антифъ и Алиѳерсъ, древнїе други отца его, кои вопрошали о всемъ его по единому. Тамо явился и Пирей, приведшей помянутаго странника Ѳеоклимена, и тако рекъ къ Тилемаху: Возлюбленный другъ! пошли рабынь своихъ въ домъ мой, да возмутъ оттуду дары, данныя тебѣ Менелаемъ.

Тилемахъ рекъ: Другъ мой!

еще не извѣстно, какое дѣла мои прїимутъ окончанїе; ибо когда гордые женихи убїютъ меня тайно, тогда раздѣлятъ и все мое стяжанїе. Сего ради желаю оными дарами наслаждатися тебѣ паче, нежели отъ нихъ кому. Когда же ихъ послю въ сѣни смертныя, тогда принеси ихъ ко мнѣ въ домъ; я въ то время прїиму съ радостїю.

Сїе рекши, ведетъ въ домъ странника, гдѣ обоихъ рабыни умыли и умастили масломъ. По насыщенїи пищею и питїемъ, царица Пинелопа начинаетъ тако: Любезный Тилемахъ! Нынѣ я взыду въ чертогъ, и почїю на ложѣ, кое вельми меня побуждаетъ къ скорби, и всегда слезами моими орошается, отнелѣже возлюбленный мой Одиссей пошелъ со Атреевыми сынами на брань Троянскую. Но ты не могъ ничего возвѣстити мнѣ о отцѣ твоемъ, доколѣ

коле пріидутъ въ домъ нестерпимые женихи.

Тилемахъ отвѣщалъ: Возлюбленная мати! Повѣдаю тебѣ всю истинну: оставя мы Иѳакійскія брега, направили путь нашъ во островъ Пилъ къ царю народовъ Нестору, кой со всякимъ тщаніемъ воспріявъ меня любилъ аки отецъ сына, но о Одиссеѣ ничего не могъ повѣдати, живъ или мертвъ обрѣтается; и отпустилъ меня къ Менелаю, сыну Атрееву, давъ мнѣ кони и колесницу. Тамо видѣлъ я Аргивскую царицу Елену, за которую многіе Ахеяне и Трояне волею боговъ сокрушили мышцы. Тогда вопросилъ мя Менелай: коея ради вины пришелъ я въ Лакедемонъ? Я ему возвѣстилъ всю истинну; на что рекъ мнѣ онъ: Увы! како безмолвные юноши дерзнули почити на ложѣ толь крѣпкаго и сильнаго мужа? Аки младая лань съ еленемъ возхитивъ дѣтей сильнаго

наго льва, усыпляетъ ихъ на холмѣ въ густой дебри; сами же пасутся въ злачной юдоли: но сей пришедъ, и не видя исчадїя своего, протекаетъ всюду; по семъ обрѣтши еленя съ ланїю, и обоихъ разтерзавъ пожираетъ; тако Одиссей возвратився горкую женихамъ содѣлаетъ пагубу. Отче Дїй, Паллада и Аполлонъ! О когда бы таковъ нынѣ возвратився Одиссей явился предъ гордыми женихами, каковъ былъ въ Лесвѣ, когда сражался съ сыномъ Филомила, коего сокрушивъ низвергъ мужественно; тогда всѣ Ахеане возрадовалися. Тако днесь оные воистинну скоро бы узрѣли конецъ горестнаго своего брака. О чемъ же вопрошаеши и испытуеши, ничего не сокрыю, но возвѣщу тебѣ все, елико повѣдалъ мнѣ морскїй старецъ, любящїй истинну.

Возвѣстилъ онъ мнѣ, что видѣлъ его снѣдаема печалїю, обитаю-

тающаго въ домѣ богини Калипсы, которая по нехотѣнїю держитъ его во своемъ островѣ; зане онъ не имѣя корабля, ни сопутниковъ, не можетъ оттуду прїити во отечественную землю. Сїе токмо повѣдалъ мнѣ Менелай; а я услышавъ сїе отшелъ отъ него; и боги поспѣшный вѣтръ пославъ, благоволили увидѣти паки отечество.

Тако рекши, возбудилъ сердце матери своея къ вящшему сѣтованїю. Тогда Ѳеоклименъ начинаетъ рѣчь свою сице: Почтенная царице! Воистинну Менелай ничтоже вѣсть; но внуши мои глаголы, кои я хощу рещи предъ тобою: да будутъ днесь свидѣтелями отецъ боговъ Дїй, страннопрїемный столъ и домъ сей, въ коемъ теперь обрѣтаюся, что воистинну Одиссей уже пришелъ въ отечественную страну, и нѣгдѣ сокровенно пребывая испытуетъ о дѣлахъ неистовыхъ жениховъ, и имъ совѣ-

ще-

щеваетъ пагубу. Сїе позналъ я бывъ еще въ кораблѣ, и потомъ открылъ Тилемаху.

Пинелопа рекла ему: О когда бы совершилося слово твое, воистинну позналъ бы ты мое дружество, и получилъ бы дары такъ, что всякъ узрѣвъ воздмездїе, нарекъ бы тебя блаженнымъ!

Тако Пинелопа, Тилемахъ и Ѳеоклименъ разглагольствовали. Тѣмъ временемъ женихи предъ домомъ Одиссеевымъ на помостѣ разными играми утѣшалися. Когда же приближилося время вечеряти, и уже приведены были овцы съ села, тогда Медонтъ вѣщаетъ къ нимъ: Знаменитые юноши! время уже вечеряти. Идите въ домъ, да уготоваемъ пиршество; ибо прїимати пищу во время есть благопотребно.

Тако рекъ: и всѣ возставъ отъ мѣстъ своихъ пришли въ домъ, и уготовавъ вечерю насытилися.

Евмей

Евмей же пребывая на селѣ своемъ, вѣщаетъ къ Одиссею: Странниче! время уже нынѣ ити во градъ, какъ повелѣлъ мнѣ Тилемахъ. Воистинну желалъ бы я поставити тебя стражемъ въ дому семъ; но боюся, да не како прогнѣвается послѣ владыка и царь мой; ибо прещенія вышнихъ неудобь терпимы суть. И такъ пойдемъ теперь; зане день уже много преклонился, и скоро настанетъ хладный вечеръ.

Одиссей отвѣщалъ ему: Я уже готовъ есмь; отъидемъ въ путь; но прежде даждь мнѣ посохъ, да не преткнуся на пути, о коемъ вы повѣдали, что вельми есть поползновенъ.

Рекши тако, положилъ абіе на рамена ветхую диравую суму. Евмей вручилъ ему посохъ; и тако направили въ путь свои стопы. Наконецъ приближилися ко граду, и находилися близъ источника,

содѣла-

содѣланнаго Иѳакомъ, Нирітомъ и Поликторомъ, окрестъ коего была дебрь, въ коемъ вода была приснотекущая отъ высокія каменныя горы, и въ коемъ всѣ граждане почерпали оную; тамо на верху былъ сооруженъ жертвенникъ, гдѣ всѣ путешествующіе приносили нимфамъ моленіе. Тамо срѣтаетъ ихъ Меланѳій, сынъ Долієвъ, ведя на вечерю женихамъ козъ; съ нимъ слѣдовали еще другіе два пастыри. Онъ узрѣвъ Евмея и Одиссея идущихъ, съ гордостію и уничиженіемъ рекъ: Се безумный ведетъ безумнаго! Тако всегда Богъ равнаго къ равному посылаетъ. Несмысленный пастухъ! камо ведеши сего нищаго, тунеядца и досадителя пиршествующихъ? Воистинну многія онъ понесетъ на хребтѣ своемъ ударенія. Даждь убо мнѣ его, да учиню стражемъ и назирателемъ стада моего, и будетъ носити сѣно въ пищу скотамъ.

тамъ. Но вижду, что ему не угодно приступити ко трудамъ; ибо привыкъ къ праздности, и трясяся въ народѣ просити милостыни для ненасытнаго своего чрева. Все что ни реку, исполнится сїе съ нимъ: когда внидетъ онъ въ домъ Одиссеевъ, многїя тамо отъ рукъ мужей полетятъ на главу его подножїя, и многїя на ребрахъ своихъ узритъ раны. Тако вѣщая съ посмѣянїемъ ударяетъ его по бедрѣ пятою. Тогда Одиссей раздраженъ бывъ, помышляетъ: устремитися ли на него, и подъявъ ударити главою о камень? Или претерпѣти? Однако понесъ мужественно на своемъ сердцѣ. Тогда Евмей много поносивъ Меланѳїю, наконецъ прибѣгаетъ къ моленїю: О божественныя нимфы, дщери Дїевы! Ежели когда вамъ Одиссей отъ овновъ или козловъ принесъ въ жертву тучныя бедра, да прїидетъ сѣмо, руководимъ самимъ богомъ!

богомъ! Тогда всѣ твои разсыплются посмѣянія, кои нынѣ неистово твориши скитаяся по граду и оставляя стада, по нерадѣнію пастуховъ, погибающія втунѣ. Меланѳій рекъ: О други мои! какое слово хитрый сей песъ изрекъ нынѣ? Воистинну нѣкогда послю корабль для приобрѣтенія многихъ сокровищъ; Тилемаха же да убіетъ самъ Аполлонъ въ дому его; или да погибнетъ отъ рукъ жениховъ, какъ и день Одиссеева пришествія.

Сіе рекши оставилъ ихъ идущихъ въ молчаніи. Самъ скоро приближився къ дому, и вшедъ внутрь чертога сѣлъ близь Еврімаха, коего паче всѣхъ любилъ. Тамо подали ему многія мяса, а рабыня предложила хлѣбъ. По семъ Фимій началъ играти предъ ними пѣсни на цѣвницѣ. Тогда Одиссей приближився къ дому, и услышавъ гласъ пѣнія, емлетъ за руку Евмея, и тако вѣщаетъ: Другъ мой!

Во-

Воистинну сей есть домъ Одиссеевъ? Удобно можно познати его изъ всѣхъ прочихъ по единому великолѣпному украшенiю, по оградѣ, по вратамъ и по укрѣпленiю. Познаю и то, что многiе тамо обрѣтаются пиршествующiе мужи; ибо воня отъ жаренiя мясъ касается моего обонянiя; слышу и гласъ играющаго на цѣвницѣ, содѣланной богами къ утѣшенiю въ пиршествахъ.

Евмей отвѣщалъ: Тако есть; самъ можеши познати. Но помыслимъ, како будутъ дѣла наши? Или ты прежде вниди въ чертоги, и стани тамо предъ веселящимися женихами, я же остануся здѣсь; или когда хощеши, пребуди здѣсь; но токмо не замедли, да не кто узрѣвъ отъ рабовъ, поразитъ тебя ударенiемъ, или вонъ изженетъ отъ дому; сего совѣтую тебѣ блюстися.

Мудрый Одиссей рекъ: Довольно разумѣю твои совѣты; но иди ты прежде; я же здѣсь остануся: ибо заушенія и раны давно мнѣ суть свѣдомы, а притомъ и сердце имѣю мужественное; зане много претерпѣлъ на моряхъ и на брани съ мужами. Пагубнаго же чрева, кое содѣваетъ много зла людямъ, никто сокрыти не можетъ; ради его и корабли вооружаются, и не укротимое море преплаваютъ, неся смерть сопротивнымъ.

Тако они разглагольствовали. Тамо при вратахъ на гноищи лежалъ песъ, Аргъ зовомый, коего самъ Одиссей воспиталъ, и отходя на брань въ дому оставилъ, коего рабы во отсутствіе царево всегда брали на ловитву сернъ, еленей и зайцовъ, и кой за старость у всѣхъ былъ въ небреженіи. Сей узрѣвъ идущаго Одиссея, и познавъ быти владыку своего, низвѣсилъ уши, и ошибомъ помаваетъ; но приближишися

тися не могъ къ царю отъ ослабѣнія. Одиссей узрѣвъ его изпустилъ слезы, и вопрошаетъ Евмея: Другъ мой! Удивляюся воистинну, видя пса сего въ небреженіи лежащаго на гноищѣ; не знаю, таковъ ли скоръ зрится въ бѣганіи, каковъ зрится тѣломъ? Или онъ есть отъ тѣхъ псовъ, коихъ домовладыки при столахъ всегда воспитываютъ ради утѣшенія?

Евмей отвѣщалъ: Сей песъ есть давно умершаго царя моего. О когда бы таковъ онъ нынѣ былъ тѣломъ и дѣлами, какова оставилъ его Одиссей при отшествіи во Трою, воистинну удивился бы ты быстротѣ его! Ибо какого ни узритъ звѣря, не можетъ не уловити его, хотя бы оной во мрачныхъ лѣсахъ укрывался, но вскорѣ по слѣдамъ его обрѣтаетъ; нынѣ же вовсе презрѣнъ есть: ибо владыка его погибъ далече отъ отечества; рабыни не даютъ ему никакія пищи;

да и рабы, когда не видятъ надъ собою владычествующаго, не исполняютъ своихъ дѣлъ; ибо цѣлую половину мужества и храбрости отъемлетъ Дїй, когда человѣка постигаетъ день ига и рабства.

Сїе рекши входитъ внутрь чертоговъ къ гордымъ женихамъ. Песъ Аргъ, когда узрѣлъ своего царя въ двадесятый годъ, абїе скончалъ дни бытїя своего. Тилемахъ узрѣвъ вшедшаго Евмея, и скоро призвавъ его къ себѣ, повелѣлъ прїяти сѣдалище. Провозвѣстникъ предложилъ ему многїя мяса и хлѣбъ; и абїе онъ сѣлъ противу Тилемаха. Вскорѣ по семъ входитъ и Одиссей во образѣ нищаго старца, имѣя раздранныя рубища, и опираяся о посохъ, и садится при прагѣ на пути. Тилемахъ взявъ отъ кошницы мяса и хлѣбъ, колико руки могли вмѣстити, вѣщаетъ ко Евмею: Прїими сїе, и подаждь сему странному мужу,

и

и скажи, дабы онъ отъ всѣхъ здѣсь пиршествующихъ просилъ пищи; зане стыдъ не приличенъ есть мужу нищу. Тако рекъ; Евмей же прiявъ яству, и пришедъ ко Одиссею вѣщаетъ: Прiими сiе, странниче! Се тебѣ Тилемахъ даетъ, повелѣвая равно и отъ всѣхъ здѣсь сѣдящихъ просити себѣ пищи; зане стыдъ мужу нищему есть не свойственъ.

Одиссей отвѣщалъ ему: Сильный царю Дiй! Сотвори Тилемаха между всѣми мужами блаженнымъ, и исполни всѣ его желанiя, какiя на сердцѣ своемъ онъ имѣетъ. Сiе сказавщи, обѣими руками данную пищу прiемлетъ, и положивъ предъ ногами своими на мѣщцѣ, ястъ во время игранiя пѣвцова.

Тѣмъ временемъ женихи воздвигли ропотъ и мятежъ. Паллада же приближася ко Одиссею, возбудила его отъ всѣхъ жениховъ просити подаянiя, да познаетъ, кто

отъ нихъ есть праведенъ, и кто обидливъ? Дабы ни единъ изъ таковыхъ не избѣгъ пагубы. Возставъ идетъ просити; и стоя предъ каждымъ простираетъ руки, аки многое время въ нищетѣ обрѣтался. Женихи милосердствуя подавали ему, и взирая на него удивлялися, и другъ друга вопрошали: Кто есть сей? И откуду? Меланѳій тако вѣщаетъ: Нищаго сего привелъ сѣмо пастухъ Евмей; откуду же, и кто онъ есть? Не знаю. Тако рекъ. Антиной слышавъ сїе, начинаетъ поносити Евмея: несмысленный пастухъ! Почто привелъ ты къ намъ старца сего? Или мало видимъ мы въ домѣ семъ скитающихся и другихъ многихъ нищихъ, кои токмо разрушаютъ веселыя наши пированїя? Или ни во что вмѣняешь, когда всѣ таковые поядаютъ стяжанїя царя? Но ты и сего привелъ.

Евмей отвѣщалъ: Антиной! Како разуменъ будучи вѣщаеши

не

неправая? Кто когда призываетъ откуду странника? Развѣ отъ таковыхъ, кои суть обучены знанїю каковому либо? Напримѣръ, или врача, или древодѣля, или искуснаго пѣвца? Ибо сїи суть люди на земли знаменитые; нищаго же и пришельца никто не призоветъ. Но ты, Антиной! изъ всѣхъ жениховъ досадителенъ рабамъ дому Одиссеева, паче всѣхъ мнѣ; но я не взираю на тебя, доколѣ царица моя Пинелопа и сынъ ея Тилемахъ въ дому своемъ пребудутъ.

Тилемахъ рекъ ко Евмею: Умолкни и не разпространяй велерѣчїя твоего; ибо Антиной и самъ обыкъ творити распри, прочихъ возмущая. По семъ обратясь ко Антиною, вѣщаетъ: Антиной! Ты равное о мнѣ имѣеши попеченїе, яко отецъ о сынѣ; како убо гордымъ гласомъ страннику сему повелѣваеши изъити изъ дому моего? Да не сотворитъ сего богъ. Подаждь ему,

колико хощеши, не возбраняю, но паче совѣтую. Не взирай въ семъ случаѣ ниже на матерь мою, ниже на прочихъ челядинцевъ Одиссея. Но знаю, что не таковы суть въ сердцѣ твоемъ помышленія; зане самъ паче желаеши насытитися, нежели другаго накормити.

Антиной на сіе рекъ: О велерѣчивый и высоковыйный Тилемахъ! Како вѣщаеши сіе? Когда бы всѣ мы толико же дали ему пищи, воистинну чрезъ три мѣсяца, пребывая неизходно въ дому своемъ, не пожралъ бы. Рекши сіе, возхитилъ абіе поданное, и показалъ ему; прочіе же всѣ наполнили хлѣбомъ и мясами мѣшецъ нищаго, кой вскорѣ имѣлъ явитися истиннымъ Одиссеемъ, и кой отходя на свое мѣсто, и пришедъ ко Антиною тако вѣщаетъ: Друже! Подай мнѣ отъ пищи, елико хощеши; ибо ты зришися мнѣ подобенъ быти царю; сего ради паче прочихъ по-

добаетъ тебѣ удѣлити отъ пищи твоея; я же превознесу имя твое повсюду: ибо и я нѣкогда имѣя между людьми богатый домъ, нарицался благополучимъ; и многажды страннымъ подавалъ отъ всѣхъ вещей, какія токмо имъ были потребны. Имѣлъ я зѣло многихъ рабовъ, и изобиловалъ всякими благими. Но великій Дій все по своему изволенію отъялъ, пославъ меня съ заблуждающими всюду разбойниками во отдаленную Египетскую страну, дабы тамо погибъ. И тако ставши съ кораблями своими въ Египетской рѣкѣ, повелѣлъ сопутникамъ своимъ извлещи ихъ на сушу и пребывати тамо; потомъ избравъ нѣсколько отъ нихъ, послалъ соглядати землю сію. Но они повинуяся безумію своему начали опустошати села и похищати младенцевъ, коихъ убивали. Египтяне услышавъ вопль, скоро о семъ познали, и съ воз-

шедшею зарею притекши, наполнили все поле пѣшими и конными. Но молнїеносный Дїй, не давъ крѣпости сопутникамъ моимъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, и ниже единъ могъ стати противу Египтянъ, отвсюду насъ обышедшихъ. Тогда многїе отъ моихъ избранныхъ сокрушены бывъ остріемъ оружїя, пали бездыханны на землѣ, а иные отведены въ плѣнъ и работу; меня самаго продали Дмитору, сыну Иазїеву, владычествовавшему тогда надъ островомъ Кипромъ, откуду по многихъ напастяхъ пришелъ я наконецъ въ сїю землю.

Антиной отвѣщалъ ему со гнѣвомъ: Какїй богъ привелъ намъ сїе нестерпимое зло, и вмѣстѣ съ онымъ разрушителя нашихъ веселїй? Отъиди, не смысленный старецъ! отъ стола нашего, да не како паки вскорѣ узриши горестный Египетъ и островъ Кипръ; зане дерзновен-

новенно здѣсь предстоиши, и безстудно просиши милостыни; а сїи даютъ тебѣ невозбранно: ибо ни откуду не видятъ запрещенїя, ниже пощадѣнїя разумѣютъ, дая отъ чуждыхъ стяжанїй; обильныя бо предъ всякимъ предлежатъ пищи.

Мудрый Одиссей рекъ: Далече отстоитъ лице твое отъ сердца. Воистинну, когда бы кто пришелъ въ домъ твой просити милостыни, мню, что не подалъ бы ты ему даже ниже самыя малыя части соли, когда сидя за чуждымъ столомъ, и всего довольно имѣя, не хощеши удѣлити не большаго уломка хлѣба.

Слышавъ таковыя слова Антиной, всемъ сердцемъ преогорчился, и воззрѣвъ на него яростнымъ окомъ, тако со гнѣвомъ рекъ: Нынѣ вижду, что не изыдеши отсюду въ цѣлости, когда еще и поношенїя твориши.

Рекъ;

Рекъ; и абїе возхитивъ подножїе, ударяетъ Одиссея въ десное рамо близь хребта; но Одиссей отъ сего пораженїя не поколебимъ пребылъ, и покивавъ главою, совѣщевалъ пагубу. По семъ отшедъ на свое мѣсто, положилъ кошницу мясомъ наполненную, и къ женихамъ вѣщаетъ: Внушите, знаменитые юноши, слова мои! Нѣсть досажденїя, ниже болѣзни, когда человѣкъ бїенъ бываетъ защищая свои стяжанїя, овецъ, воловъ, или инное что; но Антиной поразилъ за враждебное чрево, кое всѣмъ людямъ творитъ напасти. И такъ ежели нищїе имѣютъ своихъ боговъ и дщерей ада, мучительницъ Ериннїевъ; молю ихъ, да обрящетъ Антиноя смерть прежде его брака.

Антиной отвѣщалъ; Яждь досадительный странникъ съ молчанїемъ; или скоро отъиди отсюду, да не извлекутъ тебя насильственно

ственно за руки и за ноги раби, и наложатЪ тебѢ многiя раны. Тако рекЪ: и вси пиршествующiе зѢло вознегодовали на Антиноя, и нѢкто рекЪ ему: Антиной! ПредЪ всѢми ты нестерпимЪ и досадителенЪ зришися. Почто бiешь страннаго сего пришельца? Ежели суть боги на небесахЪ; то они суть всесильны, и многажды во образѢ страннопришельцевЪ обращаются между людьми, назирая злыя и благiя дѢла ихЪ. Тако нѢкто говорилЪ Антиною; но онЪ ни чему не внималЪ, и паче всѢхЪ нанесЪ печаль Тилемаху, кой покивавЪ главою, совѢщалЪ тайно вЪ сердцѢ своемЪ пагубу.

Мудрая Пинелопа услышавЪ бiема странника вЪ дому своемЪ, тако рекла рабынямЪ, ей о семЪ возвѢстившимЪ: Тако да поразитЪ Антиноя стрѢломещущiй АполлонЪ. Домостроительница Евринома отвѢщала ей: Когдабы всѢ наши желанiя

ланїя возпрїимали конецъ свой, воистинну ни единъ бы отъ жениховъ до утрїя цѣлъ не остался. Любезная питательница! Пинелопа рекла ей, хотя и всѣ они противны мнѣ суть за свои злыя совѣщанїя; однако Антиной паче прочихъ видится мнѣ враждебнѣйшимъ и страшнѣйшимъ паче самыя смерти. Злополучный странникъ проситъ въ дому у мужей пищи, которую вси ему подаютъ; а онъ поразилъ его ударенїемъ въ десное рамо. По семъ призвавъ Евмея, вѣщаетъ ему: Иди и призови ко мнѣ странника, да сотворю ему поздравленїе, и вопрошу о всемъ, не видѣлъ ли онъ гдѣ злополучнаго моего Одиссея? Или не слышалъ ли что о немъ?

Евмей отвѣщалъ ей! Воистинну, моя царице! умолкли бы все Ахеяне, когда странный мужъ сей начинаетъ глаголати, и усладилъ бы твое томящееся сердце; ибо

ибо три дни и три нощи держалъ я въ дому своемъ; однако не могъ онъ совершити конца, изчисляя свои напасти. Какъ сладостнаго пѣвца всѣ готовы слушати долгое время, и никто отъ сладкопѣнїя его не отвращаетъ слуха; тако онъ услаждалъ, доколѣ пребывалъ у меня. Тогда онъ мнѣ повѣдалъ, что Одиссей ему издревлѣ другъ, и обитаетъ въ Критѣ, что оттуду по претерпѣнїи многихъ напастей идетъ сѣмо; и слышалъ отъ царя Ѳеспротскаго, что онъ живъ, и что возвращается въ домъ съ великими сокровищами.

Пинелопа паки рекла: Иди и призови его сѣмо, да самъ все возвѣститъ предо мною. Жиниховъ же оставимъ увеселятися тамо, когда ихъ сердца склонны къ ликованїю; ибо стяжанїя ихъ пребываютъ невредимы, токмо нашъ домъ разточается; гдѣ каждый день закалаютъ на пиршества свои воловъ,

ловъ, овецъ и козъ, и пїютъ вино безъ пощаденїя. Зане нѣсть здѣсь мужъ, койбы могъ изгнати ихъ отъ дому, каковъ былъ Одиссей. О когда бы онъ возвратился въ отчизну, вскорѣ бы съ сыномъ своимъ отмстилъ симъ мужамъ за наглость! Тако рекла Пинелопа. Тилемахъ въ сїе время чихнулъ толь сильно, что по всему покою разнесся гласъ его; тогда Пинелопа осклабився говоритъ Евмею: Иди скоро и призови ко мнѣ онаго странника. Или не зриши, что сынъ мой чихнулъ въ самое то время, когда я скончала слова мои? Сего ради уповаю, что непремѣнная пагуба постигнетъ жениховъ моихъ, и никто не избѣгнетъ отъ оныя. Когда же познаю, что онъ возвѣщаетъ мнѣ истинну, облеку его въ новыя одежды.

Евмей пришедъ къ Одиссею вѣщаетъ: Странниче! Матерь Тилема-

лемахова, а моя царица, мудрая Пинелопа глашаетъ тебя, да пріидешь къ ней: ибо хощетъ нѣчто отъ тебя испытати о мужѣ своемъ; и ежели увидитъ, что вѣщаешь праведно, облечетъ тебя въ новыя одежды; для насыщенія же чрева и въ народѣ можеши обрѣсти прокормленіе.

Одиссей рекъ: Любезный Евмей, всю истинну повѣмъ предъ царицею: ибо совершенно свѣдомъ есмь о Одиссеѣ; зане равныя мы съ нимъ понесли напасти. Но боюся множества гордыхъ жениковъ, коихъ наглости даже до небесъ возходятъ; ибо когда нынѣ мужъ Антиной пришедшаго меня въ домъ сей, и ни едино зло сотворшаго поразилъ жестокимъ пораженіемъ; Тилемахъ же, ниже иной кто отъ возлежащихъ, ни малѣйшаго не подали защищенія. Тогда къ кому прибѣгну, когда женихи узрятъ меня предъ царицею сѣдящаго, и

съ нею разглагольствующаго? Моли убо Пинелопу, да потерпитъ до захожденія солнца; тогда при огнищѣ да вопрошаетъ о мужѣ, елико хощетъ.

Евмей слышавъ сіе отходитъ. Пинелопа увидѣвъ его вѣщаетъ: Почто не ведеши странника онаго? Еда боится обидъ? Или стыдится явитися предо мною? Но странствующимъ стыдъ вельми не пристоенъ.

Евмей рекъ: Нынѣ отрекся пріитти къ тебѣ праведно, что и всякій разумный мужъ сотворилъ бы. Онъ страшится обиды неистовыхъ жениховъ твоихъ; молитъ убо тебя потерпѣти до захожденія солнца; тогда и самой тебѣ, царице моя! удобнѣе будетъ разглагольствовати съ нимъ, и вопрошати о всемъ единой.

Пинелопа рекла: Несмысленъ зрится странникъ сей; ибо нѣсть такова строптивость во всѣхъ земно-

земнородныхъ, какова въ сихъ мужахъ.

Тако рекшей царицѣ, Евмей отходитъ въ собранїе жениховъ, гдѣ узрѣвъ Тилемаха, вѣщаетъ ему сїе тайно: Возлюбленный Тилемахъ! Я отхожу нынѣ паки на село стрещи твое и мое стяжанїе, ты же здѣсь имѣй о всемъ попеченїе. Паче всего блюди самаго себя, и тщательно предусматривай, да не постраждеши зла какого; ибо многїе изъ числа сихъ неистовыхъ соумышляютъ на тебя пагубу. Но да погубитъ ихъ всѣхъ великїй Дїй прежде, нежели какое зло насъ постигнетъ.

Рекши сїе, абїе сѣлъ на сѣдалищѣ; и насытився пищею и питїемъ отходитъ на село, оставляя домъ полный пиршествующими съ веселїемъ; ибо женихи утѣшалися тогда пѣнїемъ и плясанїемъ; зане полдень уже приближился.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ
ПѢСНЬ ОСЬМАЯ НАДЕСЯТЬ.

Сигма.

ВЪ самое сїе время пришелЪ вЪ домЪ ОдиссеевЪ нѣкто общенародный нищїй мужЪ, кой во Иѳакѣ всѣхЪ превосходилЪ алчностїю своею и ненасытнымЪ чревомЪ; ибо ялЪ и пилЪ непрестанно, но крѣпости и мужества не имѣлЪ ни мало; возрастомЪ и лицемЪ былЪ до удивленїя великЪ; имя ему, при рожденїи данное, было Арней, а народЪ нарицалЪ его ИромЪ; ибо отвсюду носилЪ токмо возвѣстїя, когда кто посылалЪ оныя. Сей пришедЪ вЪ домЪ и узрѣвЪ Одиссея, сЪ поношенїемЪ ему вѣщаетЪ: Скоро изЪиди отсюду, несмысленный! Или не видиши, что всѣ сїи мужи повелѣваютЪ мнѣ изгнати тебя отсюду; но я стыждуся. Иди убо скоро, да не како распря произыдетЪ между нашими руками.

Одис-

Одиссей воззрѣвъ на него яростнымъ окомъ, отвѣщалъ: О злополучный! Рекъ ли, или что сотворилъ я тебѣ досадительнаго? И завидую ли кому въ подаянїи пищи? Помостъ сей удобно можетъ помѣстити обоихъ насъ. Почто убо завидуеши въ чуждыхъ благихъ? Зрю, что и ты такїй же гадъ пресмыкающїйся, какъ и я: но боги подаютъ всѣмъ потребное, и о всѣхъ равное имѣютъ попеченїе; не возбуждай убо меня ко гнѣву, да не како старъ будучи, обагрю перси и уста твои; я же обрящу покой, и уповаю, что не прїидеши заутра сѣмо въ домъ Одиссеевъ.

Алчный Иръ отвѣщалъ: Други мои! Видите ли коль много хвалится сей влачащїйся странникъ? Но скоро узритъ отъ сихъ рукъ моихъ наказанїе; сокрушу челюсти его и зубы разсыплю. Препояшися убо нынѣ, да познаютъ здѣсь

всѣ, како возможеши противостати младшему мужу?

Тако сїи два мужа при дверехъ воздвизали распрю съ великимъ запаленїемъ. Антиной зря сїе зѣло радовался, и тако вѣщаетъ къ женихамъ: Други мои! Воистинну не было здѣсь прежде подобнаго зрѣлища, какое нынѣ боги послали намъ во утѣшенїе. Се странникъ и Иръ творятъ взаимно распрю о своемъ мужествѣ; потщимся убо ихъ соединити.

Рекъ сїе; и всѣ стали окрестъ нищихъ тѣхъ. Тогда Антиной паки глаголетъ: Внушите мужественные Ахеяне! Чрева сїи козїи, на огнѣ лежащїя, наполнимъ тукомъ и кровїю, и дадимъ тому, кто явится отъ нихъ побѣдителемъ; той всегда съ нами будетъ пиршествовати; другаго же ни какого нищаго не попустимъ сюды внити.

Тако рекъ Антиной; и всѣмъ угодно было слово его. Одиссей по

семъ

семъ отвѣщалъ: Знаменитые юноши! Хотя совсѣмъ не возможно есть мужу старому, многими напастьми угнѣтенному, со младшимъ сражатися; но къ сему приводитъ меня враждебное для всякаго чрево. Прежде сего сотворите мнѣ священную клятву, да никто отъ васъ не предваритъ меня ударенїемъ и не сотворитъ помощи Иру.

Рекъ сїе Одиссей, и всѣ дали священную клятву.

По семъ Тилемахъ вѣщаетъ: Злополучный странниче! Когда хощеши и надѣешися на свою крѣпость, иждени отсюду тунеядца сего; изъ сихъ же знаменитыхъ Ахейскихъ юношей ни единаго не бойся; зане всякъ прикоснувшейся къ тебѣ узритъ множайшихъ противу себя сражающихся: я владыка дому сего; да повинутся убо мнѣ всѣ князи, Евримахъ и Антиной.

Тако рекъ Тилемахъ. Тогда Одиссей препоясался разданными

рубищами. Паллада абїе представЪ ему содѣлала полнымЪ тѣло его. Женихи узрѣвЪ тучныя бедра, крѣпкїя рамена и широкїя перси его, вельми удивилися, и нѣкто отЪ нихЪ рекЪ тако кЪ ближнему своему: Воистинну скоро нашЪ ИрЪ слячснЪ будетЪ отЪ ударенїя сего странника, коего крѣпкїя и тучныя лядвїи всѣ мы днесь видѣли. ИрЪ слышавЪ сїе содрогнулся всемЪ сердцемЪ. Но рабы и не хотящаго препоясавЪ повели на средину, отЪ чего всѣ уды его возтрепетали. Антиной рекЪ ему: Воистинну лучше бы не быти тебѣ рожденну, нежели толь тщетно превозноситися предЪ сотбенным Ъ старцемЪ, коего днесь толико боишься. Но что скажу тебѣ, все то совершится: когда сей мужЪ, обремененный многими напастьми, явится предЪ нами побѣдителемЪ, пошлю тебя на кораблѣ кЪ жесточайшему изЪ всѣхЪ смертныхЪ звѣроподобному царю

Ехету,

Ехету, кой отсѣчетъ тебѣ уши, носъ и прочїе уды, и псамъ повергнетъ на разтерзанїе.

Сїе глаголющу Антиною, Иръ еще болѣе содрогнулся. По семъ оба изшедъ на средину, разпростираютъ руки. Одиссей между тѣмъ разсуждаетъ, поразить ли его тако, да животъ со удоренїемъ купно отъимется, или токмо едва дышущаго повергнути на землю? Но послѣднее избираетъ за лучшее, да не возложатъ на него вины Ахеяне. И тако оба возносятъ руки: прежде ударяетъ Иръ Одиссея въ десное рамо; по томъ Одиссей поражаетъ Ира въ выю подъ ухо и сокрушаетъ кости и челюсть. Злополучный Иръ абїе изрыгаетъ изъ гортани своея черную кровь, падаетъ на помостъ съ воплемъ, извергаетъ отъ устенъ зубы и бїетъ землю ногами. Женихи зря сїе, воздвигли смѣхъ ужасный. Одиссей же взявъ Ира за ногу, извлекаетъ

отъ чертоговъ на дворъ, и тамо близъ ограды поставивъ его при вратахъ, даетъ въ руки посохъ, тако къ нему вѣщая: Нынѣ здѣсь стой отгоняя отъ дому свиней и псовъ, и не буди господствуя надъ странными и нищими, да не вящшее зло постраждеши. Рекши сїе паки входитъ въ чертогъ, и тамо возложивъ на рамена мѣшецъ свой, сѣлъ на прежднемъ мѣстѣ. Женихи ставъ окрестъ его, утѣшалися многимъ смѣхомъ; и тако нѣкто отъ нихъ говорилъ: Отецъ боговъ Дїй и всѣ безсмертные да подадутъ тебѣ все, что сердце твое желаетъ! Ибо ты единъ сотворилъ, что ненасытный Иръ престанетъ скоро скитатися въ народѣ нашемъ, коего вскорѣ мы послемъ ко царю Ехету.

Одиссей слыша сїе, возрадовался о побѣдѣ надъ Иромъ. Антиной вскорѣ предложилъ ему козїе чрево, тукомъ и кровїю наполнен-

ненное. Амфиномъ взявъ отъ кошницы два хлѣба принесъ ему, и пріявъ чашу съ виномъ, вѣщаетъ: Радуйся странниче! Боги да подадутъ тебѣ обладати богатствомъ, кое стяжалъ ты прежде.

Одиссей рекъ ему: Возлюбленный Амфиномъ! Воистинну зришися быти вельми разуменъ; ибо и отъ такого отца рожденъ еси, о коемъ я слышалъ, что нарицается Нисъ, обитаетъ во островѣ Дулихіи, зѣло богатъ есть и честенъ. Сего ради внуши слова мои: Ничто не есть толь безсильно на земли, какъ человѣкъ, изъ всѣхъ двигающихся и ползающихъ животныхъ; ибо никогда не мнитъ, что постигнетъ его злоключеніе, доколѣ боги подаютъ крѣпость и движутся ноги. Ежели же обрящетъ его день рока; тогда и по нехотѣнію все сноситъ. Таково есть помышленіе человѣческое, какое ежедневно посылаетъ отецъ

боговъ и человѣковъ; зане и я нѣкогда между мужами блаженъ нарицался. Тогда много творилъ неправеднаго и злаго, уповая на крѣпость свою, на отца и братїевъ. Нынѣ воззри, что есмь? Сего ради всякъ неправедный мужъ да не уповаетъ на свое благоденствїе, но съ кротостїю да обладаетъ своими стяжанїями, отъ боговъ дарованными. Видиши днесь сихъ жениховъ, неправая творящихъ. Они чуждое имѣнїе расточаютъ насильственно, и не почитаютъ жену мужа, кой уже не далече отъ отечества своего обрѣтается, и зѣло скоро и незапно здѣсь явится. Сего ради да возхититъ тебя отсюду Богъ, и да отведетъ въ домъ твой; ниже да изыдеши ему во срѣтенїе, когда прїидетъ сѣмо; ибо мню, многихъ жениховъ пролїется кровь отъ руки ищущїя мщенїя.

Тако рекши вкусилъ отъ вина

на; и паки чашу подалЪ Амфиномому, кой отходитЪ вЪ собранїе жениховЪ сЪ сокрушеннымЪ сердцемЪ н поникшею главою; зане оное предвѣщало приближающуюся пагубу, коея и не избѣжалЪ возпятившей Палладѣ; ибо прїялЪ месть отЪ руки мужественнаго Тилемаха.

ТѣмЪ временемЪ богиня Аѳинская вдохнула царицѣ Пинелопѣ, да явится предЪ женихами, дабы вящше возпалити сердца ихЪ кЪ неистовству, и да множайшею славою возвеличена предстанетЪ предЪ сына и мужа, нежели какова была прежде. По сему вѣщаетЪ она своей домостроительницѣ: Евринома! Хотя мнѣ женихи и вельми ненавистны суть; но сердце мое желаетЪ нынѣ явитися предЪ ними, да реку нѣкое полезное слово сыну моему, дабы осторожно обращался между ими; ибо они устами благое глаголютЪ, а вЪ сердцахЪ

цахъ совѣщеваютъ пагубу. Евринома рекла ей: Возлюбленное чадо! Истинно есть вѣщанïе твое; иди убо къ сыну твоему, и возвѣсти все ничего не сокрывая. Но прежде умой тѣло твое и намажи ланиты, да не явится лице твое орошенное слезами, кои всегда проливати неприлично: зане уже имѣеши такого сына, какого наипаче видѣти отъ боговъ просила.

Пинелопа отвѣщала ей: Евринома! Не совѣщевай мнѣ сего, да предстану благолѣпною; ибо всю мою красоту погубили уже боги, отнелѣже возлюбленный мой Одиссей отбылъ на корабляхъ во Трою; но повели прïити сѣмо ко мнѣ Автоноѣ и Ипподамïѣ, да предстоятъ мнѣ въ собранïи жениховъ; зане едина взыти къ мужамъ стыждуся.

Евринома абïе отходитъ возвѣстити рабынямъ. Между тѣмъ божественная Паллада изливаетъ

сонъ

сонъ на очи царицы, которая восклонився на ложѣ почила; и всѣ члены ея ослабѣли. Тогда богиня послала ей безсмертное благолѣпїе, дабы всѣ Ахеане ей удивилися; украсила лице ея небеснымъ доброзрачїемъ, подобно Ксоѳерїйской Афродитѣ, когда она, отходя на веселое ликованїе, умащается; содѣлала ее величественнѣйшею, тучнѣйшею и бѣлѣйшею паче слоновыя кости. Тако сотворивъ, паки на Олимпъ отходитъ. Тогда пришли двѣ рабыни въ чертогъ владычицы своея, которую абїе оставилъ сладкїй сонъ; и возставъ утерла ланиты, и тако глаголетъ: Воистинну томящуюся мя печалїю преклонилъ сладкїй сонъ. О когдабы всечистая Артемида послала мнѣ вскорѣ толь легкую смерть, да не сокрушается долѣе сердце слезами, печалїю и непрестаннымъ желанїемъ видѣти возлюбленнаго супруга!

По семъ изходитъ отъ горняго чертога, последующимъ за нею двумъ рабынямъ. Пришедъ въ чертогъ жениховъ, стала на прагѣ, имѣя покровенное лице тончайшимъ покровомъ, предстоящимъ рабынямъ отъ обѣихъ странъ. Женихи воззрѣвъ на царицу, возхищалися отъ радости и изумленія, и таяли отъ любви сердцемъ.

Царица Пинелопа вѣщаетъ ко своему сыну: Воистинну помышленія твои суть нынѣ не тверды, и сердце не дерзновенно. Когда былъ отрокъ, тогда совѣщевалъ лучшія дѣла; напротивъ того днесь, достигнувъ совершеннаго возраста, не имѣешь основательнаго разума. Какое въ дому нашемъ сего дня совершилося злодѣяніе? Како странный мужъ сей отъ жениховъ понесъ поношеніе и обиду? Какій пришелецъ отнынѣ можетъ внити въ домъ нашъ не пріявъ досажденія? Тебѣже после-

слѣдуетъ отъ того безславіе и поношеніе.

Тилемахъ отвѣщалъ: Возлюбленная мати! Не обвиняю тебя, что гнѣваешися на меня праведно. Однако я въ сердцѣ своемъ разумѣю и благія и злыя дѣла: токмо устрашаютъ меня отвсюду окружающіе Ахеане, и соумышляющіе пагубу; а я не имѣю ни откуду помощи. Распря же между симъ странникомъ и Иромъ содѣлалася не по совѣту жениховъ; но сами собою оную воздвигли; и сей явился побѣдителемъ. Отче Дій, Паллада и Аполлонъ! сотворите, да тако сихъ жениховъ сокрушатся гордыя главы, и вся крѣпость ихъ разсыплется мгновенно, какъ нынѣ Иръ сѣдитъ при вратахъ покивая главою аки пьяный, и уже не можетъ возстати на ноги, ниже отъити въ домъ свой; зане ослабли всѣ его составы.

Тако матерь съ сыномъ раз-

глагольствовали. По семъ Еврнмахъ къ Пинелопѣ рекъ: Премудрая царице, дщи Икарїева! Когда бы всѣ Ахеяне узрѣли тебя нынѣ, воистинну множайшїе женихи собралися бы въ домъ сей на пиршество; ибо ты едина всѣхъ женъ превозходиши красотою, величествомъ и разумомъ.

Еврнмахъ! Пинелопа рекла, воистинну все мое тѣло, красоту и разумъ погубили боги, отнелѣ же Одиссей мой со инными Аргивянами отъѣхалъ подъ Трою. О когда бы онъ возвратився управлялъ жизнїю моею, воистинну вящшую бы приобрѣла я славу; напротивъ того нынѣ едино имѣю сокрушенїе отъ низпосланныхъ богами золъ на меня неисчетныхъ! Съ коликою горестїю воспоминаю я о разлученїи Одиссея со мною, кой бывъ со мною въ Карпѣ, и взявъ меня за десную, тако рекъ: Возлюбленная Пинелопа! Не уповаю я, что бы

всѣ

всѣ Ахеяне возвратилися отъ Трои благополучно и безвредно; ибо повѣдаютъ, что народъ сей вельми мужественъ во брани, искусенъ въ стрѣлометанiи и дерзновенъ въ сраженiи; сего ради не знаю, благоволитъ ли мнѣ Богъ въ домъ свой возвратитися? Или во Троянской странѣ предастъ сопротивнымъ? Для сего все мое стяжанiе предаю твоему попеченiю. Помни отца и не забуди матерь, какъ нынѣ, такъ и въ мое отсутствiе. Когда сынъ прiидетъ въ возрастъ, не возбраняю тебѣ, оставивъ домъ, посягнути иному мужу. Тако онъ завѣщалъ мнѣ. Нынѣ все то сбывается. Явится оная пагубная нощь, когда ненавистный бракъ мой приближится. Боги отъ меня все блаженство отъяли; терзаетъ душу мою и сiе, чего прежде никогда не знала, что требуя благiя и богатыя въ супружество жены, распри между собою воздвизаете, и закалаете на

пиршество чуждыхЪ овецЪ и воловЪ. Но уповаю, что наглость сїя безЪ наказанїя не прейдетЪ.

Одиссей слыша сїе возрадовался, что Пинелопа дары жениховЪ отвергала, сердца ихЪ услаждала прїятными словами; но разумЪ ея совѢщевалЪ иное.

По семЪ Антиной тако начинаетЪ: Премудрая царице! Кто принесетЪ какїе либо дары отЪ АхеянЪ, прїими; ибо не благо есть отвергати даемое. Мы ниже кЪ дѢламЪ нашимЪ приступимЪ, ниже отЪидемЪ вЪ инное мѢсто, доколѢ не посягнеши единому отЪ АхеянЪ, коего паче прочихЪ лучшимЪ изберешь.

Сїе рекЪ Антиной: и всѢмЪ угодно слово его явилося. Каждой посла лЪ вЪ домЪ свой провозвѢстника даровЪ ради. АнтиноевЪ рабЪ принесЪ великую, драгоцѢнную и испещренную верхнюю одежду со двумя надесятїю златыми застежками;

ками; Евримаху провозвѣстникъ подалъ златое ожерелїе, кое отъ илектровъ сїяло аки солнце; Евридаманту принесены были тройственныя златыя усерязи, подобно звѣздамъ сїяющїя; Пизандру, сыну царя Поликтора, драгоцѣнное зарукавїе. И тако каждый разными дарами тщилися почтити царицу Пинелопу, которая абїе уходитъ въ чертогъ свой, и рабыни несутъ за нею дары. По семъ женихи приступили къ плясанїю и пѣнїю, и доколѣ приспѣлъ вечеръ, услаждалися. Тогда зажгли три свѣточа, и возложили на огнь сухїя дрова; а рабыни держали предъ ними горящїя свѣщи. Одиссей вѣщаетъ къ нимъ: Рабыни царя Одиссея! идите въ чертоги къ царицѣ вашей, и тамо утѣшая ее сидите, и упражняйтеся въ тканїи и праденїи волны: а я пребуду здѣсь, свѣтя предъ всѣми, когда восхотятъ, не отрекуся и до утреннїя

 зари;

зари; ибо никакїй меня трудъ не преодолѣетъ.

Тако рекъ: тогда всѣ воздвигли великїй смѣхъ, изъ коихъ первая Меланѳа, дщерь нѣкоего Долїя, которую сама Пинелопа аки дщерь свою воспитала, и всемъ сердцемъ любила; но она не хотѣла утѣшити царицу, въ печали сущую, послушанїемъ; ибо любила Евримаха, отвѣщала Одиссею такъ: Бѣдный странникъ! Воистинну разумъ твой отступилъ отъ тебе, и ко сну ити не хощеши, или въ подобное тебѣ собранїе; но пребывая здѣсь досаждаешь дерзновенно всякому, никого не бояся. Или вино всеконечно объяло разумъ твой, или совсѣмъ несмысленъ еси, что толь далече разширяешь твое велерѣчїе? Или превозносишься тѣмъ, что побѣдилъ нищаго Ира? Блюдися, да не кто обрящется лучшїй тобою побѣжденнаго, кой сокрушитъ главу твою, и изженетъ тебя изъ дому

дому сего, обагривъ многою кровію.

Одиссей воззрѣвъ на нее яростно, рекъ: Безстудная псица! Хощешь ли, да шедъ возвѣщу о семъ Тилемаху, кой всѣ члены твои раздерзаетъ? Тако вѣщая привелъ всѣхъ женъ въ великій страхъ, кои скоро отходятъ во свои мѣста боязливыми ногами. Одиссей же единъ токмо пребывая, держалъ свѣщи, и устремляя взоръ свой на всѣхъ жениховъ, совѣщевалъ имъ непремѣнное убійство, кое вскорѣ и совершится.

Богиня Паллада не допущала ихъ воздержатися отъ творенія несносныхъ досажденій, дабы тѣмъ вящше преогорчивъ сердце Одиссея, побудити его къ отмщенію. Тогда Евримахъ тако начинаетъ раздражати его, вѣщая: Внушите, знаменитые юноши! Не безъ Божіяго изволенія пришелъ сей мужъ въ домъ Одиссеевъ; зрится мнѣ, что

свѣщи сїи горятъ втунѣ; ибо и отъ главы его, на коей нѣтъ ни единаго власа, имѣемъ довольно сїянїя. По семъ обратяся ко Одиссею вѣщаетъ: Странниче! хощеши ли, да воспрїиму тебя на село мое въ работу собирати хврастїе, и древа насаждати? Я дамъ тебѣ довольную мзду, хлѣбъ и пищу; облеку тебя во одежду и въ крѣпкїе сапоги. Но вижду, что труды тебѣ зѣло противны суть, и желаеши лучше для насыщенїя алчнаго своего чрева всюду скитатися?

Не помышляй тако, Евримахъ! рекъ Одиссей, ежели бы мы съ тобою положили завѣтъ во время лѣта, когда бываютъ наипаче должайшїе дни, равными косами и одинаковую траву косити, не вкушая пищи до захожденїя солнечнаго; тогда узрѣлъ бы ты терпѣнїе мое и неудобь-сносимый трудъ рукъ моихъ: или ежели бы возжелалъ ты равно крѣпкими волами, единой

тя-

тяжести ралами, и единой твердости, орати землю; тогда бы испыталЪ ты мои неутомимыя силы: ежели бы также всесильный Дїй воздвигЪ брань, и я имѣлЪбы щитЪ, шлемЪ и два копїя; тогда не нарекЪ бы ты меня боящимся бѣглецомЪ, но узрѣлЪ бы вЪ первыхЪ рядахЪ дерзновенно сражающагося. Не поноси убо безвременно меня алчностїю чрева; ибо зрю, что разумЪ твой не укротимЪ есть, и мнѣ твориши не сносную обиду. Ты днесь зришися великЪ и мужественЪ токмо тѣмЪ, что не во множествѣ людей, какЪ на брани подобаетЪ, обращаешся. Ежели же бы Одиссей пришелЪ сѣмо, скоро бы сїи широкїя врата бѣгущему тебѣ отсюду показалися тѣсными.

ЕвримахЪ гордымЪ окомЪ воззрѣвЪ на него рекЪ: О злополучный! За сїе дерзновенное между толикимЪ множествомЪ знаменитыхЪ мужей твое велерѣчїе скоро

пріимешь отЪ меня наказаніе. Како не обрѣтается вЪ сердцѣ твоемЪ страха? Или разумЪ твой обЪятЪ есть піянствомЪ? Или отЪ безумія таковая вѣщаешь? Или превозносишься побѣдою надЪ ИромЪ? Рекши сіе возхитилЪ подножіе, и мещетЪ на Одиссея, но вЪ него не улучивЪ, [ибо онЪ уклонився сѣлЪ при ногахЪ Амфинома,] поражаетЪ единаго отЪ рабовЪ вЪ десную руку; падаетЪ изЪ рукЪ его умывальница, падаетЪ и самЪ на землю. Прочіе же женихи воздвигли великое смятеніе, и тако нѣкто отЪ нихЪ рекЪ: О когда бы странникЪ сей погибЪ прежде пришествія своего вЪ домЪ нашЪ; воистину не содѣлалЪ бы такого между нами возмущенія! ибо нынѣ воздвизаемЪ распрю сЪ нищимЪ, и нѣсть ни какого увеселенія вЪ нашемЪ пиршествѣ; зане благое злымЪ препобѣждается.

Мудрый ТилемахЪ вѣщаетЪ по семЪ

семъ къ женихамъ: Злополучные! или всѣ безумствуете? Зрю что ни пища ни питїе въ васъ не вмѣщается. Воистинну нѣкто отъ боговъ васъ возмущаетъ. Окончавъ убо съ веселїемъ пиршество, идите въ домы, и тамо, когда хотите, почїйте и сномъ насладитеся; но я никого не изгоняю.

Сїе ему вѣщающу, зѣло всѣ преогорчилися, и единъ на другаго взирая, удивлялися дерзновенїю Тилемахову.

Амфиномъ познавъ огорченїе жениховъ, вѣщаетъ къ нимъ: Други мои! Никто отъ васъ да нераздражается на праведныя слова, ниже да отвѣщаетъ что вопреки. Совѣтую вамъ не прикасатися къ сему страннику, ниже кому либо отъ рабовъ, кои суть въ дому Одиссея. Да подастъ намъ виночерпїй чашу, и вкусивъ отъ нея, колико чье сердце желаетъ, отъидемъ въ домы и почїемъ. Страннаго

го же сего оставимъ попеченїю Тилемаха; зане онъ къ нему въ домъ пришелъ.

Тако рекъ; и всѣмъ угодно было слово его. Мулїй, провозвѣстникъ Дулихїйскїй, растворилъ въ чашѣ вино, кое рабъ Амфиномовъ разнесъ каждому. Вкусивъ всѣ отъ онаго и воздавъ богамъ благодаренїе, насытилися, колико чье сердце желало; по семъ каждый отходитъ во свояси.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ НАДЕСЯТЬ.

Тавъ.

Одиссей пребывая единъ въ дому, совѣщевалъ съ Палладою о убїйствѣ жениховъ, и тогда къ Тилемаху рекъ: Возлюбленный сынъ! Нынѣ приближилося время уготовати намъ оружїе.

Тако

Тако рекшу ему; Тилемахъ повинуяся отцу, и призвавъ Евриклею къ ней вѣщаетъ: Питательница! иди и заключи всѣ двери, гдѣ обитаютъ рабыни, да ни единa отъ нихъ изъидетъ; доколѣ я вшедъ во хранилище, очищу оружїе отца моего, и разположу сохранно; ибо по отшествїи его все до нынѣ лежало въ небреженїи; я же былъ младъ и несмысленнъ.

Евриклея отвѣщала: Возлюбленное чадо! Да подадутъ тебѣ боги смыслъ и разумъ соблюдати домъ, и о всемъ стяжанїи имѣти попеченїе. Но кто предъ тобою держати будетъ свѣтильникъ, когда не хощеши, да ни единa отъ рабынь здѣсь предстоитъ? Тилемахъ рекъ: Странный сей мужъ къ таковомъ случаѣ мнѣ послужитъ; ибо не хощу, дабы онъ втунѣ ялъ пищу, хотя и отдалече пришелъ.

Еври-

Евриклея повинуяся Тилемаху, со тщанїемъ исполнила его повеленїе. Тогда Одиссей и Тилемахъ вшедъ во хранилище уготовали себѣ шлемы, щиты и копїя; а Паллада держала предъ ними свѣтильникъ, отъ коего прекрасное всюду изливалося сїянїе, кое узрѣвъ Тилемахъ, тако вѣщаетъ ко отцу: Отче мой! Воистинну велїе чудо зрю нынѣ: се стѣны, всѣ сѣдалища и всѣ столпы сїяютъ аки отъ великаго пламени огненнаго; всеконечно нѣкто отъ боговъ здѣсь предстоитъ.

Одиссей отвѣщалъ ему: Умолкни, воздержи помышленїя свои и не вопрошай; ибо таковыя суть дѣла боговъ, на Олимпѣ обитающихъ. Тако вѣщая изходятъ отъ хранилища въ прежнїй чертогъ; и Одиссей паки говоритъ Тилемаху: Иди ты и почїй; а я останусь здѣсь, да вящше испытаю рабынь и жену мою Пинелопу,

коя, мню, о всемъ будетъ меня вопрошати.

Тилемахъ отшедъ наслаждался сномъ до утреннія зари. Тѣмъ временемъ Одиссей пребывая единъ, совѣщевалъ вкупѣ съ Палладою женихамъ пагубу. Тогда царица Пинелопа грядетъ отъ чертога своего подобно Артемидѣ, или златообразной Афродитѣ, съ двумя рабынями, кои вскорѣ поставили ей близь огня сѣдалище, сребромъ и слоновою костїю украшенное; по семъ подали подножїе, мягкою кожею покрытое; тамо сѣла царица. Рабыни спѣшно уготовавъ столъ, принесли хлѣбъ со многими яствами, и чашу съ виномъ поставили. Наконецъ угасивъ горящїя свѣщи, зажгли вмѣсто оныхъ сухїя дрова для освѣщенїя.

Меланѳа увидѣвъ Одиссея паки начинаетъ его поносити, тако вѣщая: Злый странникъ! Ты и нощїю пришелъ въ домъ нашъ со-

гля-

глядати женЪ? Скоро изЪиди отсюду, злополучный; или абїе поражу тебя симЪ горящимЪ древомЪ, и тако не хотя изЪидеши.

Одиссей возрѣвЪ на нее свирѣпымЪ окомЪ, отвѣщалЪ: Нещастная! Что тако гнѣвливымЪ сердцемЪ наступаеши на меня? Или что гнусно зрится тебѣ лице мое, и раздранныя видиши на мнѣ одежды? НищЪ есмь, и скитаяся прошу пищи; ибо нужда влечетЪ кЪ сему. Тако всѣ странные и не имущїе творятЪ. ИмѣлЪ нѣкогда и я богатый домЪ, и блаженнымЪ нарицался; многажды подавалЪ страннымЪ, чего отЪ меня ни требовали, и не взиралЪ на лице; имѣлЪ я многихЪ рабовЪ, и изобиловалЪ множайшими благими, кои богатство человѣческое составляютЪ; но днесь изволенїемЪ всесильнаго Дїя всего лишился. Сего ради подобаетЪ и тебѣ, младая жено! блюстися, да не мгновенно

из-

изчезнетъ твоя радость, коею нынѣ паче прочихъ рабынь кичишися. Блюдися, да не како прогнѣванная царица преогорчится на тебя; или самъ Одиссей пришедъ сотворитъ тебѣ наказанїе; ибо есть еще надежда къ его возвращенїю. Ежели же вовсе погибъ онъ; то сынъ его Тилемахъ въ такомъ уже есть возрастѣ, что ни едина отъ рабынь, въ дому семъ безчинствующая, отъ него не утаится.

Пинелопа слышавъ сїе, поноситъ Меланѳу раздраженнымъ сердцемъ: Дерзновенная и безстрашная псица! Мнѣ извѣстны всѣ твои злочинїя, кои своею главою очистиши. Или я тебѣ не рекла, что хощу странника сего о мужѣ моемъ вопрошати, о коемъ толикое время сѣтую? По семъ обратився ко Евриномѣ вѣщаетъ: Подаждь сѣдалище, мягкою кожею покрытое, да сядетъ наономъ странникъ сей, и возвѣститъ мнѣ

все, что вопрошу о мужѣ моемъ. ---- Евринома со тщанїемъ исполнила повелѣнїе царицыно. Сѣдшу Одиссею, Пинелопа тако начинаетъ: Странниче! вопервыхъ повѣдай мнѣ: кто еси ты? Отъ какого народа? Кїй градъ твой? И кто твои родители?

Знаменитая царице! Одиссей рекъ, воистинну никто изъ земнородныхъ не превзыдетъ тебя мудростїю; зане до небесъ благая слава о тебѣ возходитъ, яко о нѣкоемъ премудромъ царѣ, кой богобоязненъ будучи, надъ многими и крѣпкими мужами владычествуетъ сохраняя правду; земля со изобилїемъ ему приноситъ вино и пшеницу; древа стоятъ обременены плодами; скоты раждаютъ благовременно; море изобильно даетъ рыбы; народы подъ его державою живутъ въ веселїи и благоденствїи: но все сїе произходитъ отъ премудраго его управленїя.

Ты

Ты убо блаженная въ женахъ! вопрошай меня о всемъ другомъ; родъ же мой и отечество остави, да не како къ вящшему воздыханїю и сѣтованїю симъ напоминовенїемъ сердце мое возбудиши; и мнѣ въ чуждемъ дому плакати и воздыхати нѣсть пристойно, да не прогнѣваются на меня рабыни, или паче ты сама, и да не помыслятъ что слезы проливаю отягченный виномъ многимъ.

Пинелопа рекла: Странниче! Воистинну безсмертные боги отъяли всю мою крѣпость, красоту и славу, отнелѣ же Одиссей съ прочими Аргивянами во Трою отправился. О когда бы онъ возвратившися разполагалъ моею жизнїю, вящшая бы слава о мнѣ пронеслася! Напротивъ того нынѣ токмо сокрушаюся болѣзнїю, и болѣзнь сїю боги на меня низпослали; ибо колико ни есть знаменитыхъ мужей,

владычествующихъ надъ островами Дулихїемъ, Самомъ, Закинфомъ и въ самой Иѳакѣ, всѣ они не хотящую меня просятъ въ жену себѣ и домъ расточаютъ: сего ради не имѣю попеченїя ниже о странникахъ, ниже о нищихъ, ниже о провозвѣстникахъ, кои для общенародной пользы трудятся; но единаго токмо Одиссея день и нощь желая видѣти, сердцемъ истаеваю. Женихи ускоряютъ бракомъ; но я лесть имъ соплетаю. Въ началѣ вдохнулъ мнѣ нѣкїй богъ соткати тонкую и вельми великую верхнюю одежду. Тогда я женихамъ моимъ рекла: Знаменитые юноши! Когда Одиссей мой умеръ, то потерпите ускоряти бракомъ, доколѣ не совершу одежду на погребенїе престарѣлому Лаэрту, когда неминуемая смерть его постигнетъ, дабы не посмѣялися мнѣ Ахейскїя жены, когда безъ новыя одежды будетъ лежати той, кто пре-

прежде многимЪ обладалЪ стяжанiемЪ.

Сею лестiю преклонила я сердца ихЪ; и тогда что днемЪ сотыкала, нощiю оное паки разрѣшала. ТакимЪ образомЪ три года хитрость сiю сокрывала, увѣряя тѣмЪ юношей. Но когда наступилЪ четвертый годЪ, тогда, по извѣщенiю нѣкоторыхЪ безстудныхЪ рабынь моихЪ, женихи познали коварство мое, и вшедЪ вЪ чертогЪ мой узрѣли одежду, обличили меня вЪ оной и устрашали прещенiемЪ; тогда и нехотя окончила я начатое мною дѣло. Нынѣ же не могу ни избѣжати противнаго мнѣ брака, ниже откуду обрѣсти средство; ибо и родители мои понуждаютЪ меня вступити вЪ супружество, и самЪ уже сынЪ огорчевается, видя истощаемое свое наслѣдiе: видѣлЪ, мню, ты его, коль великЪ возрастомЪ, и способенЪ разумомЪ кЪ сохране-

нїю домостроительства; а Дїй подаетъ ему славу и благонравїе. Повѣдай убо мнѣ, молю тя, о родѣ и отечествѣ твоемъ; ибо не отъ древняго дуба, ниже отъ каменныя горы рожденъ еси.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ: Превознесенная царице, супруга храбраго Одиссея! Како не престаеши вопрошати о родѣ моемъ? Но повѣдаю тебѣ, хотя и множайшїя объимутъ меня скорби. Внуши: Есть на Чермномъ морѣ прекрасный и плодоносный островъ Критъ, въ коемъ безчисленное множество народа обитаетъ: тамо девятьдесять многонаселенныхъ есть градовъ; языки во ономъ суть разные и смѣшенные; тамо пребываютъ Ахеяне, Етеокриты, Кидоны, Трихайскїе Дорїяне и Пеласги; тамо есть великїй и знаменитый градъ Кноссъ, въ коемъ девять лѣтъ царствовалъ собесѣдникъ великаго Дїя, праведный Миной, отецъ великодушна-

душнаго отца моего Девкалїона, кой родилЪ меня и царя Идоменея; но сей бывЪ старшїй возрастомЪ и мужествомЪ храбрѣйшїй, пошелЪ на брань со Атреевыми сынами; а я остался вЪ дому нашемЪ, гдѣ и видѣлЪ царя Одиссея, и далЪ ему дары страннопрїимства. ОнЪ во островЪ КритЪ принесенЪ былЪ силою бурныхЪ вѣтровЪ, идя во Трою и заблуждая отЪ острововЪ Малейскихъ; и едва спасшися отЪ кораблекрушенїя, постановилЪ корабль во многотрудномЪ пристанищѣ при Амнисѣ, гдѣ пещера богини Илиѳїи обрѣтается. Оттуду пришедЪ во градЪ вопрошалЪ о Идоменеѣ, нарицаяся другомЪ и страннопрїемникомЪ его; но Идоменею былЪ единодесятый день, какЪ онЪ вЪ пути находился. Я его введши вЪ домЪ принялЪ дружелюбно, и угостилЪ со всякимЪ тщанїемЪ. Для сопутниковЪ же его отЪ народа собралЪ муку, вино и воловЪ, да

 насыща-

насыщаются. И тако пребыли Ахеяне въ Критѣ дванадесять дней; ибо дыханіе ворея толь было бурноносное, что не возможно стояти человѣку на земли: но въ третій надесять день утихшу вѣтру, возшли они на корабль и ялися плаванію.

Тако повѣствуя сплеталъ ложь подобную истиннѣ; Пинелопа же слушая сіе проливала слезы, аки снѣгъ, отъ тепла растаявшій, съ высокихъ горъ текущій. Одиссей хотя и милосердствовалъ о плачущей женѣ своей; но очи его неподвижны стояли, аки твердые роги, или желѣзо. Пинелопа насытився плачемъ рекла ему: Нынѣ уповаю искусити тебя; когда воистинну ты угощалъ въ дому своемъ мужа моего; повѣдай убо мнѣ, въ какія одежды онъ облеченъ былъ, какій возрастомъ и лицемъ, и какіе были его сопутники?

Одис-

Одиссей рекЪ : Царице! Не удобно есть, прешедшу толику времени, и единожды вЪ двадесять лѣтЪ видѣвшему мужа, повѣдати о семЪ особенно. Но возвѣщу, колико помню: одежду Одиссей имѣлЪ тончайшую, двоякую, багряную; застежки были златыя, на коихЪ изображенЪ былЪ песЪ держащїй вЪ переднихЪ ногахЪ трепещущаго еленя, и желающаго освободитися отЪ смерти. ВидѣлЪ такожде нижнюю одежду, цвѣтомЪ подобную сухому луку, сїяющую аки солнце, на кою взирая многїя жены удивлялися; токмо сего не знаю, вЪ сїи ли облеченЪ былЪ одежды вЪ дому своемЪ, когда на брань отходилЪ? Или кто далЪ ему на пути вЪ знакЪ угощенїя? Ибо многихЪ друговЪ имѣлЪ Одиссей у себя, такЪ какЪ и я, подаривЪ ему мѣдяный мечь и двоякую багряную короткую одежду, отпустилЪ его со всякимЪ тщанїемЪ.

Провозвѣстникъ у него былъ не великъ возрастомъ, горбатъ, тѣломъ чернъ, власами кудрявъ; имя ему было Еврибатъ, коего Одиссей паче всѣхъ почиталъ сопутниковъ.

Сïе вѣщая паче растравилъ сердце царицы, истинну повѣствованïя познавшïя, коя по многомъ сѣтованïи съ воздыханïемъ вѣщаетъ къ Одиссею: Почтенный старче! Прежде я милосердствовала о тебѣ яко о злополучномъ страннике; отнынѣ же будеши мною всегда почитаемъ, и наречешися моимъ другомъ; ибо сама я отъ ковчега своего изъявъ оныя одежды, о коихъ ты мнѣ повѣдалъ, дала ему, и для вящшаго украшенïя златыя застежки возложила. Но я уже не узрю его въ дому семъ, и не воспрïиму во свои объятïя возвратившагося отъ Трои, коя не достойна и воспоминанïя.

Почтенная царице! отвѣщалъ ей Одиссей, престани отнынѣ изсу-

сушати тѣло твое, и не сокрушай печалїю сердца твоего всегдашнимъ плачемъ: но я не осуждаю тебя за сїе; ибо иная жена и чуждаго погубивъ мужа, коему родила дѣтей зазорно, плачетъ и воздыхаетъ; колико вящше тебѣ подобаетъ сѣтовати о Одиссеѣ, кой подобенъ былъ безсмертнымъ. Отри слезы твои, и внуши глаголы мои, я же повѣдаю тебѣ истинну: бывъ я недавно у Ѳеспротскаго царя слышалъ, что Одиссей живъ, и уже готовъ возвратитися во отечество свое, нося многїя съ собою драгоцѣнныя сокровища; токмо погубилъ корабль и всѣхъ сопутниковъ при Ѳриникїйскомъ островѣ; ибо прогнѣвался на него страшный Дїй и всевидящее Солнце, коего тучныхъ кравъ заклавъ, пояли его сопутники; сего ради погибли всѣ въ водахъ морскихъ; а Одиссей спасшися на корабельномъ днищѣ, пришелъ въ землю Феакїйскую, гдѣ его весь на-

народъ почиталъ аки бога, и многія давъ ему стяжанія, хотѣлъ его препроводити въ отечество; и уже давно Одиссей пришелъ сѣмо, ежели неблагоугоднѣе ему явилося, собравъ имѣніе въ чуждой земли, съ онымъ въ домъ прибыти. Тако мнѣ повѣдалъ Ѳеспротскій царь Фидонъ, и клялся, что корабль стоитъ уже на морѣ, и мореплаватели готовы къ его отвезенію во Иѳаку; меня же прежде отпустилъ; ибо прилучился идущій оттуда корабль съ хлѣбомъ во островъ Дулихій. Онъ мнѣ показывалъ и имѣніе, собранное Одиссеемъ, коего и до десятаго колѣна во преизбыточествіи будетъ; повѣдалъ, что онъ отшелъ во градъ Додону услышати Діевъ отвѣтъ отъ дуба, явно или сокровенно во отчизну возвратитися? Когда онъ здравъ нынѣ, воистинну не далече отсюду обрѣтается; въ чемъ сотворю тебѣ и священную клятву:

ву: да будетъ свидѣтелемъ всесильный Дій и домъ мужественнаго Одиссея, въ коемъ нынѣ пребываю, что все сїе исполнится по глаголамъ моимъ; сего самаго года во изходѣ сего мѣсяца, или въ началѣ слѣдующаго Одиссей прїидетъ сѣмо.

Мудрая Пинелопа рекла ему: О когдабы исполнилися слова твои, любезный странниче! воистинну позналъбы ты мое дружество, и многїе воспрїялъбы дары. Но какъ помышляю во умѣ моемъ, тако и будетъ; ниже Одиссей возвратится въ домъ, ниже ты получишь препровожденїе; ибо нѣсть владыка въ дому семъ подобенъ Одиссею, кой бы тако воспрїималъ и отпущалъ странниковъ. Вы же рабыни, умойте сего почтеннаго старца, и уготовите ему ложе и покровъ теплый, да тако почїетъ до возшествїя денницы; заутра паки его умойте и умастите елеемъ, да купно сѣдя съ Тилемахомъ въ чертогѣ, насладится

дится пиршествомъ, дабы ни единъ отъ зловредныхъ оныхъ жениховъ, зря сїе, не дерзнулъ отнынѣ сотворити и малѣйшїя обиды въ дому нашемъ. Ибо можешь ли ты, странниче, познати разумъ и совѣщанїе всѣхъ женъ, когда не имѣя добрыя одежды и облеченъ гнусно, будеши пиршествовати со знаменитыми мужами? Но мы всѣ смертные краткую и скоротекущую жизнь имѣемъ. Кто есть жестокосердъ и неумолимъ, сего всѣ люди злословятъ, наипаче по смерти его; а кто благъ и кротокъ, сего странствующїе мужи пронесутъ имя со славою по всему лицу земному, и возвеличатъ честїю, яко поистиннѣ достойнаго оныя.

Мудрый Одиссей рекъ ей: Превознесенная въ женахъ царице! мягкїя постели, драгїя одѣянїя и богатые покровы воистинну стали мнѣ ненавистны съ того самаго времени, какъ я оставилъ снѣгомъ

покрытыя Критскія горы; и такъ сплю нынѣ, какъ и прежде провождалъ нощи безъ сна на гнусномъ одрѣ, ожидая утренніи зари; не взыдетъ на сердце мое пріятное умовеніе ногъ, ниже которая отъ сихъ женъ прикоснется ко мнѣ, развѣ токмо обрящется резумная и престарѣлая жена, толико же сколько и я печалей понесшая; сія токмо да умыетъ ноги мои.

Пинелопа рекла ему: Удивляюся смиренію и цѣломудрію твоему: есть здѣсь въ дому моемъ престарѣлая и разумная жена, которая со всякимъ тщаніемъ и любовію воспитала царя моего Одиссея, воспріявъ на свои руки при самомъ его рожденіи: сія тебѣ, хотя и согбенна есть древностію, ноги умоетъ. Возстани убо скоро, любезная Евриклея! и умой сего странника, кой руками и ногами подобенъ есть царю твоему Одиссею;

сею; ибо въ злополучїяхъ всякїй человѣкъ можетъ состарѣться.

Тако рекла Пинелопа: Еврiклея же закрывъ руками лице точитъ слезы, и соплачемъ тако говоритъ: Увы! любезное мое чадо Одиссей! Како паче всѣхъ смертныхъ возненавидѣлъ тебя всесильный Дїй, имѣющаго богобоязненное сердце? Никто изъ земнородныхъ толико не сожегъ тучныхъ бедръ, ниже принесъ сточисленныхъ жертвъ ему, колико ты, злощастнѣйшїй мой царю! моля его о достиженїи глубокїя старости и о совершенномъ воспитанїи возлюбленнаго сына; но онъ вовсе отъялъ днесь день твоего возвращенїя. Кто вѣдаетъ? Егда не тако ли и тебѣ, во отдаленїи сущему, творятъ чуждыя жены посмѣянїе, какъ нынѣ сему страннику безстудныя рабыни обиду содѣлали? ---- И тако сихъ неистовыхъ женъ убѣгая посмѣянїя, ты отри-

отринулЪ умовенїе; но я со всякимЪ желанїемЪ исполняя хотѣнїе царицы, умою ноги твои; ибо сердце мое несказанными мятется болѣзньми. Но внуши что реку: многїе злополучные странники приходили вЪ домЪ нашЪ; однако ниединаго отЪ нихЪ не видѣла я толико подобна Одиссею, колико тебя; зане и тѣлосложенїемЪ, и гласомЪ, и ногами зришися ему подобенЪ.

Престарѣлая жено! Одиссей рекЪ ей, всѣ видѣвшїе насЪ тако глаголютЪ, что мы зѣло другЪ другу есмы подобны, какЪ и ты сама днесь вѣщаешь.

РекЪ сїе Одиссей: Евриклея взявЪ умывальницу, вопервыхЪ налила воды студеной, потомЪ теплой. Одиссей сѣдши при огнищѣ, обратился лицемЪ кЪ темному мѣсту, предразсуждая, дабы Евриклея прїявЪ за ногу не узрѣла язву ей свѣдомую, и тѣмЪ все

бы дѣло не открылося. Рабыня начавъ мыти скоро познала мѣсто язвы, кою нѣкогда содѣлалъ вепрь, поразивъ зубомъ идущаго Одиссея ко Автолику дѣду и къ сынамъ его, кой людей снабдевалъ татьбою и клятвою; ибо все то ему низпосылалъ Ермїй, коему онъ многїя приносилъ отъ овновъ и козловъ жертвы. Автоликъ нѣкогда пришедъ во Иѳаку, обрѣлъ новорожденнаго дщерїю своею сына, коего Еврїклея возставъ отъ вечери, и положивъ на свои колѣна, тако вѣщала: Мужественный Автоликъ! самъ ты нынѣ нареки имя сыну дщери твоея; ибо къ вожделѣнїю многихъ онъ родился.

Автоликъ отвѣщалъ: Зять мой и дщерь да нарекутъ имя ему; ибо многимъ мужамъ и женамъ бывъ я на пути давалъ сїе имя: да наречется онъ Одиссей. Когда онъ прїидетъ въ отроческїй возрастъ, тогда да взыдетъ ко мнѣ

въ Парнассъ, гдѣ имѣю я многое стяжанїе, отъ коего дамъ ему всего обильно и отпущу въ домъ радующася. По глаголу его пришелъ Одиссей, дабы прїяти дары. Автоликъ съ сынами своими воспрїялъ его радостно; а жена его Амфиѳея облобызала главу его и очи. Тогда Автоликъ повелѣлъ сынамъ своимъ заклати пятилѣтнаго вола и уготовати вечерю. Тако весь оный день до захожденїя солнца провождали въ пиршествованїи; по томъ ко сну всѣ отшли. Когда утренняя заря явилася, сыны Автоликовы емлютъ Одиссея на ловитву звѣрей со псами. Пришедъ они на гору Парнассъ пустили псовъ, да обонянютъ слѣды звѣрей. Одиссей слѣдуетъ купно съ ними, потрясая острымъ копїемъ, и назирая всѣ глубокїе вертепы. Тамо въ нѣкоторой густой дебри, которую ниже солнечныя лучи своимъ сїянї-

ѣмъ проницали, ниже великїй снѣгъ могъ пройти, токмо великое множество низпадшаго отъ древесъ листвїя всюду зримо было, лежалъ великїй вепрь, кой услышавъ шумъ людей и лаянїе псовъ, изходитъ отъ лѣса, страшно подъявъ твердыя щетины на дебелой своей выѣ, отъ очей мещетъ огненное зрѣнїе, и приближився остановляется противъ ихъ: тогда первый Одиссей на него съ копїемъ своимъ устремляется, желая исторгнути животъ его; но звѣрь предваривъ уязвляетъ его въ ногу выше колѣна, изторгая зубомъ нарочитую часть тѣла, кости повредити невозмогши. Одиссей однако поражаетъ его въ десное рамо, и острїе копїя проходитъ навылетъ; вепрь падаетъ разпростертый на пескѣ, животъ извергая. Послѣ сего сыны Автоликовы приступивъ ко Одиссею, многое тщанїе о немъ имѣли; то нѣкїими шептами старалися удер-

жати

жати текущую кровь, то обвязывали рану. По семъ обратно въ домъ отходятъ, гдѣ Автоликъ употребивъ многїя труды, вскорѣ исцѣлилъ отъ болѣзни Одиссея; наконецъ наградивъ знаменитыми дарами, отпустили въ домъ радующася. Отецъ и матерь узрѣвъ его здраваго возвратившася вельми возвеселилися, и вопрошали о его путешествїи. Одиссей извѣщая ихъ о всемъ по единому, показалъ и язву вепремъ нанесенную, которую тогда Евриклея познавъ, отъ изумленїя опустила ногу, и уклонився на противную страну пролила воду изъ лохани; внезапная радость и страхъ объяли душу ея; онѣмѣлъ языкъ во устахъ; послѣ пришедъ въ себя, тако вѣщаетъ: Тебя ли зрю, любезное чадо Одиссей? Како не могла я познати тебя прежде, доколѣ всего не осязала? По семъ воззрѣвъ на Пинелопу, хотѣла объявити о

присутствіи ея мужа; но царица тогда имѣла умъ и очи обращенныя на другое, по дѣйствію богини Паллады; Одиссей же тѣмъ временемъ возхитивъ Евриклею за гортань, и заградивъ уста ея речетъ: Питательница! или ты хощеши погубити меня, коего сама сосцами твоими воздоила? Не сокрываюся уже предъ тобою; я есмь Одиссей, кой въ двадесятое лѣто, по претерпѣніи многихъ напастей, пришелъ во свою отчизну; и когда открылъ о мнѣ богъ предъ тобою, молчи, да ни единъ человѣкъ услышитъ въ дому семъ. Вопреки же, когда не исполнишь моего повелѣнія, внуши, что сотворю: когда Богъ поможетъ мнѣ воздати месть всѣмъ женихамъ, и когда начну убивати прочихъ безчинствующихъ рабынь моихъ; тогда воистинну и тебя не пощажду, но убію непремѣнно.

Чадо мое! Евриклея отвѣщала, извѣ-

извѣстенъ тебѣ твердый мой разумъ; сохраню все въ молчанїи, и пребуду аки камень или желѣзо. Когда Богъ смиритъ гордыхъ жениховъ твоими руками; тогда возвѣщу тебѣ и о рабыняхъ, кои творятъ дому твоему поношенїе, и суть развращенны.

Одиссей рекъ: Не требую, питательница! твоего извѣщенїя; скоро и самъ познаю и уразумѣю о всѣхъ; ты же токмо храни молчанїе, прочїя дѣла предоставивъ промыслу божескому.

Тако они разглагольствовали. По семъ Евриклея взявъ умывальницу, идетъ отъ чертога излити воду. Одиссей скончавъ умовенїе, и умастився елеемъ, паки сѣлъ при огнищѣ, желая согрѣтися, и язву покрылъ рубищемъ. Тогда Пинелопа приближився къ нему начинаетъ:

Страннниче! уже приближается часъ къ отходу на ложе, занесонъ

сонъ и въ печали сущихъ объемлетъ. Что до меня; то Богъ послалъ на меня толикую напасть, что днемъ услаждаюся, плача, воздыхая, сѣтуя и назирая дѣла своихъ рабынь; а нощїю, когда сонъ всѣхъ преклонитъ, лежу на одрѣ терзаема будучи различными помышленїями. Яко Аидона, дщерь Пиндареева, въ началѣ обновляющїяся весны, сѣдя на зеленыхъ густыхъ древахъ, сладкїй свой гласъ всюду разливаетъ, призывая имя возлюбленнаго своего сына Итила, отъ Зиѳа царя рожденнаго, коего умертвила сама по заблужденїю, объята бывъ яростїю и неистовствомъ: тако и мое сердце сугубымъ мятется помышленїемъ, въ дому ли вкупѣ съ сыномъ пребывати, и хранити стяжанїе, почитая ложе возлюбленнаго супруга, и соблюдая славу народа; или посягнути избранному отъ Ахеянъ, кто множайшїе давъ

да-

дары, восхощетъ пріяти меня въ супружество; ибо доколѣ былъ сынъ мой младъ и несмысленъ, не можно было мнѣ оставити домъ и вступити въ бракъ; нынѣ же достигнувъ онъ совершеннаго возраста и разума, молитъ уже меня оставити домъ, гнѣваяся, что наслѣдіе его расточается женихами. Но оставя сіе, внуши мое сновидѣніе, и разсуди оное: Имѣю я въ дому своемъ двадесять гусей, кои отъ воды ядятъ всегда пшеницу, я же взирая на нихъ увеселяюся; но жду отъ горы летящаго орла, кой мещется съ высъпри, и нападая каждому на выю, всѣхъ по единому убиваетъ, и паки устремляется на воздухъ: я же во снѣ плакала и рыдала, и видѣла собравшихся окрестъ меня многихъ Ахейскихъ женъ ради моего утѣшенія; по семъ видѣла орла на кровѣ дому моего сѣдящаго, и гласъ ко мнѣ тако простираю-

 ща-

щаго: Дерзай, дщи Икаріева! не сновидѣніе есть сіе, но самая истинна, которая сбудется. Подъ образомъ гусей разумѣй ты жениховъ твоихъ; я же, что былъ прежде орелъ, нынѣ есмь пришедшій мужъ твой къ тебѣ. Таковый гласъ былъ орла; и вскорѣ послѣ того сладкій сонъ меня оставилъ. Но воспрянувъ отъ сна зрю въ самой истиннѣ гусей пшеницу ядущихъ.

Одиссей отвѣщалъ: Царице! почто изъяснять сновидѣніе? Когда самъ Одиссей повѣдалъ тебѣ оное, какъ все содѣлаетъ, и како женихамъ приближается день смерти и пагубы ихъ, и что ни единъ отъ нихъ оныя не избудетъ.

Странниче! Пинелопа речетъ ему паки, воистинну бываютъ сновидѣнія, кои предвѣщаютъ правду; и суть сновидѣнія, кои не сбываются; ибо двои суть врата сно-

сновидѣнїй; едины сотворены отъ роговъ; а другїя отъ слоновыя кости. Кои отъ слоновыхъ вратъ изходятъ, сїи прельщаютъ надеждою, и тщетны суть слова ихъ: напротивъ того изходящїе отъ роговыхъ вратъ предвѣщаютъ истинное. Но я мню, что мое сновидѣнїе не сими вратами изходитъ; да будетъ убо мнѣ и сыну моему тищина. Внуши мои слова: Сїя поносная заря пришедъ на вѣки разлучитъ меня отъ дому Одиссеева; зане хощу предложити подвигъ женихамъ, да чрезъ двадесять колецъ напрягши лукъ, стараются пустити стрѣлу; кто окажетъ сїе искусство, въ коемъ Одиссей весьма силенъ былъ, за того выйду въ замужство, и вниду въ его чертоги; сей же домъ, всякимъ стяжанїемъ наполненный, въ коемъ я погубила младость свою, оставлю, и уповаю поне узрѣти его въ сновидѣнїи.

Царице! мудрый Одиссей отвѣщалъ ей, не предлагай нынѣ подвига сего женихамъ; ибо пріидетъ прежде сѣмо Одиссей, доколѣ женихи твои напрягать будутъ лукъ, и чрезъ всѣ кольца стрѣла ихъ пройдетъ. Мудрая Пинелопа рекла ему: Возлюбленный странниче! когда хощеши въ дому моемъ пребывати, и разглагольствіями своими утѣшати меня, воистинну не взыдетъ дреманіе на вѣжди мои; но не можно человѣку всегда пребыти безъ сна; ибо таковый жребій всѣмъ намъ положили боги. Нынѣ убо взыду я въ чертогъ свой, и почію на одрѣ, кой всегда моими слезами орощаю, отнелѣ же возлюбленный мой Одиссей отправился въ недостойную воспоминанія Трою; и ты такожде повели себѣ уготовати постелю или на земли, или одръ принести.

Сіе рекши отходитъ она въ чертогъ свой, и съ нею купно ея ра-

рабыни, куда вшедъ плакала о возлюбленномъ своемъ супругѣ Одиссеѣ, доколѣ божественная Паллада не излила на вѣжди ея дреманїе.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТАЯ.

Ипсилонъ.

Одиссей уготовалъ себѣ постелю отъ мягкихъ кожъ, почилъ въ преднемъ чертогѣ, а Евринома возложила на него покровъ. Тамо славный мужъ лежалъ безъ сна, совѣщевая пагубу женихамъ. Но рабыни, имѣвшїя прежде съ женихами порочную любовь, изходя отъ чертога царицына, воздвигли невоздержный смѣхъ, изъявляя велїю радость. Одиссей помышлялъ, устремиться ли на нихъ, и каждой содѣлати смерть? Или оста-

тавити въ послѣднїй разъ любовь познати съ женихами? Ибо сердце его досажденїемъ раздиралося, и бїя въ перси тако единъ вѣщаетъ: Претерпи мужественное сердце! Когда ты злѣйшее нѣчто пренесло въ день оный, въ кой непобѣдимый Киклопъ поядалъ сильныхъ твоихъ сопутниковъ: но ты пребыло тогда дерзновенно, доколѣ мудрость не извела изъ пещеры. Тако рекъ въ своемъ помышленїи, и духъ его пребылъ терпѣливъ, вращаяся всюду мыслями, како простреши руки на жениховъ, числомъ многихъ

Тогда божественная Паллада, низшедъ отъ небесъ, воспрїяла на себя образъ величественныя жены; и ставъ близь главы его речетъ: Почто паки не спиши, паче всѣхъ смертныхъ злополучнѣйшїй? Се домъ твой; се видѣлъ ты жену и сына, какого всякъ бы желалъ имѣти.

Му-

Мудрый Одиссей отвѣщалъ: Великая въ богиняхъ дщи Дїева! Воистинну все сїе тако есть, какъ ты рекла: но я помышляю нынѣ, како простерти руки едину сущему противу множества жениховъ, кои всегда пребываютъ неразлучно: кромѣ сего и вящшее нѣчто предлагаетъ мнѣ разумъ мой; когда я по благоволенїю Дїя и твоею помощїю ихъ убїю; тогда камо сокроюся отъ гнѣва народа? О семъ я помышляю нынѣ.

Злополучный! божественная Паллада рекла, или не вѣдаешь, что и смертный, надѣяся на другаго смертнаго, повинуется его совѣту, и не имѣетъ толико попеченїя? Напротивъ того я нарицаюся богиня, и сохраняю тебя неотступно во всѣхъ трудахъ твоихъ. Откровенно реку тебѣ: когда и пятьдесятъ полковъ разноязычныхъ народовъ объидутъ насъ, желая убити; воистинну возможе-

ши отгнати воловъ и тучныхъ овецъ ихъ. Но наслаждайся нынѣ сномъ: зане всю нощь проводити безъ онаго болѣзнь есть: о прочемъ же не пекися.

Сіе изрекши, изливаетъ сонъ на очи его; а сама отходитъ паки на Олимпъ пресвѣтлый. Когда Одиссей успокоился; тогда жена его Пинелопа возставъ отъ сна, плакала сѣдя на своемъ ложѣ. Насытився сѣтованіемъ, приноситъ богинѣ Артемидѣ жалобу, сіе вѣщая: Чистая и добродѣтельная дщерь Діева, богиня Артемида! ввергни въ перси мои острую стрѣлу твою, и исторгни томящійся духъ отъ тѣла сего; или да восхититъ меня вихрь, и отнесетъ на невѣдомыя стези, или да повергнетъ при исходищахъ волнующагося океана! какъ Пиндареевыхъ дщерей восхитили нѣкогда вѣтры, а родителей ихъ погубили боги, послѣ коихъ онѣ однѣ въ дому оста-

осталися сиротами, но Афродита питала ихъ сыромъ, медомъ и сладкимъ виномъ, Ира послала имъ красоту паче всѣхъ женъ, и даровала разумъ, Артемида украсила величествомъ, а Паллада научила хитродѣланїю, женскимъ рукамъ приличному; когда Афродита отлучилася на Олимпъ, молити громомещущаго Дїя, коему злополучїе и благоденствїе смертныхъ всегда есть свѣдомо; тѣмъ временемъ дѣвъ оныхъ возхитили злобныя Арпїи, и предали ихъ въ работу неумолимымъ Еринниямъ: тако да погубятъ меня небесные боги, да сниду въ сѣни смертныя, и тамо узрю возлюбленнаго моего Одиссея; не хощу бо возвеселити сердце инаго хуждшаго мужа. Но всякая печаль бываетъ удобопреносима, когда человѣкъ днемъ воздыхаетъ и болѣзнуетъ, а нощи препровождаетъ во снѣ, вся благая и злая предающемъ забвенїю, когда внидетъ во

очи человѣку: мнѣ единой вредоносное безсонїе боги послали. Сїю нощь видѣла я во снѣ нѣкоего возлежаща со мною мужа, кой во всемъ подобенъ Одиссею, на брань отшедшему; тогда возрадовалося мое сердце: ибо не уповала быти сонїю, но самой истиннѣ.

Тако вѣщающей Пинелопѣ, явилася денница. Одиссей услышавъ гласъ вопїющїя царицы, помыслилъ, что познавъ о немъ жена стоитъ рыдая надъ его главою. Скоро возхитивъ постелю положилъ на сѣдалищѣ, а воловїю кожу изнесъ вонъ; потомъ воздѣвъ руки молится: Отче Дїй, и всѣ безсмертные! Когда я по вашему изволенїю пришелъ въ мое отечество, да речетъ кто отъ воспрянувшихъ здѣсь людей благое слово, и да явится нѣкое отъ всесильнаго Дїя знаменїе!

Тако молящагося царя Одиссея услышалъ отецъ боговъ и человѣ-

ловѣковъ: абіе возгремѣлъ отъ пресвѣтлаго своего жилища. Возрадовался Одиссей. По семъ услышалъ гласъ жены мелющія муку въ жерновахъ, при коихъ двѣнадесять рабыни обращалися, дѣлая пшеничную и ячменную муку, коя чувствуя изнемогшія свои силы, и остановивъ жерновный камень, тако вѣщаетъ: Отче Дій! Ты единъ управляеши богами и смертными; ибо днесь возгремѣлъ ты отъ чистаго и ни малѣйшія тучи не имѣющаго небесе, являя нѣкоему изъ смертныхъ свое чудо; исполни убо мое слово, кое предъ тобою возглаголю: да будетъ сей послѣдній день, въ кой неистовые женихи моея царицы воспріимутъ желанное пиршество; зане всѣ уже мои силы отъ труда изнемогли ихъ ради: да будетъ имъ сія последняя вечеря.

Одиссей услышавъ таковыя слова рабыни, паче возрадовался. Тѣмъ

временемЪ прочїя жены собрався вЪ домЪ, великїй огнь на огнищѢ возпалили.

ТилемахЪ же возставЪ отЪ ложа облекся во одежды; возложивЪ на рамо мечь и обувся вЪ сапоги, прїемлетЪ крѢпкое и острое копїе; по семЪ изшедЪ изЪ ложницы, и ставЪ на прагѢ тако вѢщаетЪ ко ЕвриклеѢ: Довольно ли вы странника онаго почтили пищею и ложемЪ? Или тако лежитЪ вЪ небреженїи? Ибо матерь моя хотя и разумна есть; но иннаго худшаго страннопришельца воспрїемлетЪ безразсудно со всякою милостїю: а сему избранному не хощетЪ воздати почтенїя.

ПрестарѢлая Евриклея рекла: Любезное чадо! Не обвиняй всуе матерь свою; ибо вина онЪ пилЪ колико хотѢлЪ, и ялЪ пищи колико душа желала; но когда возхотѢлЪ почити, тогда царица повелѢла уготовати ложе. Однако

онЪ

онъ какъ злополучный и многобѣдственный странникъ не спалъ на мягкой постелѣ, но лежалъ въ преддверіи на сырой воловіей кожи; и мы на него токмо покровъ возложили.

Тако рекла Евриклея. Тилемахъ пріявъ копіе изходитъ на сонмъ къ мужественнымъ Ахеянамъ. Тѣмъ временемъ Евриклея, дая повелѣніе рабынямъ, вѣщаетъ тако: Идите скоро, окропите домъ, и уготовите всякое украшеніе, положите на сѣдалищахъ разноцвѣтные ковры, отрите всѣ столы губками, очистите чаши и блюда; инныя идите ко источнику, и принесите воду; ибо мню, что скоро и зѣло рано пріидутъ сѣмо женихи; зане и для всѣхъ день сей есть праздничный. Тако рекла; и всѣ повинулися ея велѣнію. Двадесять рабынь пошли на источникъ для почерпнутія воды, прочія же всѣ трудилися внутрь дому. Между

тѣмъ собралися женихи, пришли отъ источника и рабыни; вскорѣ по семъ пришелъ и пастухъ, приведъ съ собою троихъ тучнѣйшихъ вепрей, и пустилъ ихъ во ограду пастися; узрѣвъ же Одиссея, вѣщаетъ къ нему тако: Странниче! или и до днесь презираютъ тебя въ дому семъ, и не воздаютъ почтенія какъ и прежде? Одиссей рекъ: Да воздадутъ местъ за таковое поношеніе сами боги, какое неправедные мужи творятъ мнѣ въ чуждемъ дому, не имѣя нималѣйшаго стыдѣнія.

Тако они разглагольствовали; и се пришелъ другій пастухъ Меланѳій, приведъ съ собою лучшихъ отъ всего стада козъ женихамъ на пиршество, коихъ привязалъ на дворѣ внутрь ограды; и узрѣвъ Одиссея, паки начинаетъ его поносити: Несносный странникъ! ты и до днесь еще пребываеши въ дому семъ, творя сущимъ въ немъ великія

ликія огорченія? Но вижду, что не прежде отсюду изыдеши, доколѣ не испытаеши рукъ нашихъ; ибо безъ стыда скитаешися, прося здѣсь пищи: или не обрящеши въ другомъ мѣстѣ въ Ахеи пиршествъ?

Тако рекъ. Но Одиссей ничего не отвѣщалъ, токмо покивавъ главою совѣщалъ пагубу. Наконецъ третій пастухъ идетъ Филитій, приведъ съ собою безплодную краву, и десять тучныхъ козъ. Сей увидѣвъ Одиссея, и приближився ко Евмею, вопрошаетъ: кто есть сей странникъ, недавно въ домъ нашъ пришедшей? Отъ какого народа, и отъ какихъ родителей повѣдаетъ быти свое произхожденіе? Воистинну зрю его подобна тѣломъ владычествующу царю; но боги въ великую погружаютъ бездну злополучій странствующихъ людей, когда и на царей низпосылаютъ напасти.

Рекши и приближився ко Одиссею, глаголетъ ему: Радуйся странный отче! Да возъобладаеши паки стяжанїемъ, коимъ наслаждался прежде; ибо зрю тебя низверженнаго во многїя напасти. Отче Дїй! Нѣсть вредительнѣйшаго отъ боговъ, паче тебе единаго; зане не милосердствуеши надъ людьми, отъ тебе рожденными, низвергая ихъ во всякїя злоключенїя. Не могу отъ слезъ я воздержатися, когда воспоминаю о Одиссеѣ; ибо мню, что онъ заблуждая въ чуждыхъ народахъ имѣетъ одежды раздранныя, [ежели живъ токмо еще обрѣтается.] Но когда низшелъ въ сѣни смертныя, увы любезнаго моего Одиссея, кой младаго меня сущаго еще взявъ отъ Кефалїйскаго народа, послалъ на село пасти кравъ, безъ числа нынѣ умножающихся, кои чуждыми мужами поядаются, не взирая на сына его, ниже боя-

ся

ся боговЪ безсмертныхЪ; но готовы, даже и все имѣнїе отсутствующаго царя по себѣ раздѣлити. Многажды помышлялЪ я отъити сЪ сими кравами лучше вЪ чуждую страну, нежели здѣсь пребывая видѣти напасти; и уже давно бы отЪ инаго высокомечтательнаго царя уклонился я; ежели бы не мнилЪ, что возвратится паки злополучный царь мой, кой всѣхЪ неистовыхЪ жениховЪ аки прахЪ разсыплетЪ.

Одиссей отвѣщалЪ: Вижду, что ты мужу безумному не подобишися; ибо имѣеши благїй разумЪ: сего ради кленуся тебѣ великою клятвою, да будетЪ вЪ томЪ свидѣтель самЪ отецЪ боговЪ Дїй, страннопрїемный столЪ и домЪ, вЪ коемЪ нынѣ пребываю, что тебѣ здѣсь сущу прїидетЪ Одиссей вЪ домЪ свой, и когда хощешь очами своими узрѣти поражаемыхЪ смертїю жениховЪ, вЪ

 дому

дому семъ нынѣ господствующихъ воистинну узриши.

Пастухъ рекъ ему: Странниче! О когдабы сїе слово твое исполнилося! Воистинну позналъ бы ты, како силы и руки мои ему бы послѣдовали. Тако и Евмей молилъ боговъ о возвращенїи Одиссея.

О семъ они взаимно бесѣдовали. Между тѣмъ женихи предустрояли пагубу и смерть Тилемаху. Сїе имъ соумышляющимъ, прилетѣлъ отъ лѣвыя страны орелъ, держа въ рукахъ уловленную голубицу; и тогда Амфиномъ къ прочимъ сопирщественникамъ рекъ: Други мои! Воистину совѣщанїе наше о убїйствѣ Тилемаха не исполнится; оставя убо сїе приступимъ къ пирществу. Тако рекъ Амфиномъ: и всѣмъ угодно было слово его. По семъ пришедъ въ домъ Одиссеевъ, верхнїя одеянїя положили на сѣдалища. Послѣ начали закалати козъ, овецъ,

вепрей

вепрей и тучную краву. Скоро наконецъ уготовали трапезу. Тогда Тилемахъ посадилъ Одиссея внутрь чертога онаго на помостѣ, поставивъ предъ него небольшїй столъ съ обильною пищею, и наполнивъ златую чашу виномъ, тако вѣщая: Странниче! Здѣсь нынѣ сѣди со прочими мужами, насыщаяся пищею и пїя вино, колико сердце твое возжелаетъ; досажденїя же и поношенїя жениховъ я отвращу отъ тебя своею рукою; зане домъ сей не есть общенародный, но царя Одиссея, въ коемъ я владыкою нарицаюся. Вы убо знаменитые юноши! Воздержите сердца ваши отъ поношенїя, и да ни какїй раздоръ и шумъ между вами не произыдетъ.

Сими словами Тилемаха всѣ зѣло огорчилися, кусая губы и удивляяся его дерзновенїю. По семъ Антиной вѣщаетъ ко своимъ собесѣдникамъ: Хотя и нестерпимо

мо слово Тилемахово; но понесемъ, любезные други! Удивляюся, коликимъ прещенїемъ онъ устрашаетъ, и жалѣю, что всесильный Дїй не попустилъ намъ исполнити свое желанїе; тогда воистинну смирили бы гордость сего велерѣчиваго провозвѣстника.

Тако рекъ Антиной. Но Тилемахъ не взиралъ на слова его. Тѣмъ временемъ провозвѣстники привели чрезъ градъ священную сточисленную жертву къ Аполлоновой сѣннолиственной дебри, гдѣ и прочїя Ахеяне собралися. По семъ уготовавъ пиршество, съ веселїемъ совершали праздникъ новомѣсячїя. Тогда и Одиссею положили равную часть; ибо тако повелѣлъ Тилемахъ. Но божественная Паллада не допущала жениховъ воздержатися отъ поношенїя и строптивости языка, дабы вящше подвигнути сердце Одиссея ко отмщенїю. Былъ нѣкто въ числѣ

сл҃ѣ жениховъ мужъ неистовый Ктисиппъ, родомъ изъ острова Сама. Сей надѣяся на безчисленное стяжанїе своего отца, желалъ пробрѣсти Пинелопу въ жену себѣ, и тогда съ превозношенїемъ рекъ къ прочимъ женихамъ тако: Внушите знаменитые юноши! Странникъ сей хотя и имѣетъ равную и достойную часть пищи; [ибо неправедно было бы обидѣти жребїемъ всякаго пришельца въ дому Тилемаха:] однако и я потщуся дати ему даръ угощенїя, да и самъ подастъ его, кому восхощетъ.

Сїе рекши емлетъ отъ кошницы кравїю ногу, и всею силою мещетъ на Одиссея. Но сей уклонився избѣжалъ пораженїя. Тилемахъ яростно воззрѣвъ на Ктисиппа, вѣщаетъ ему съ досажденїемъ: Ктисиппъ! Тебѣже сїе полезнѣе, что не поразилъ странника; воистинну тогда пронзилъ бы

бы я тебя копіемъ моимъ, и отецъ вмѣсто брака сотворилъ бы тебѣ погребеніе. Сего ради да блюдется всякъ отнынѣ дѣлати не пристойныя досажденія въ дому моемъ; ибо самъ я нынѣ разумѣю и знаю, какъ благія, такъ и злыя дѣла. Прежде былъ я не смысленъ, и съ терпѣніемъ доселѣ взиралъ на закланія овецъ: на истощаемое безъ пощадѣнія вино и на поядаемый хлѣбъ; ибо трудно есть удержати многихъ единому. Престаните убо отъ всѣхъ злочиній. Воистинну вожделѣннѣе бы мнѣ умрети; [ибо желаете меня убити] нежели взирати всегда на толь злодѣйскія поступки, на біемыхъ странниковъ и на рабынь насилуемыхъ.

Всѣ молчали когда вѣщалъ сіе Тилемахъ. По прошествіи нѣкоего времени Агелай, сынъ Дамасторовъ, начинаетъ тако: Други мои! Недостойно есть гнѣватися,

тися, или съ досажденїемъ отвѣщати на праведно реченныя слова. Воздержитеся убо творити обиды страннымъ и рабамъ сущимъ въ дому Одиссея. Тилемаху же и матерѣ его реку нѣкое кроткое слово, ежели угодно явится предъ ними: Доколѣ сердце ваше имѣло надежду видѣти возвращенїе въ домъ свой Одиссея, никто отъ насъ не желалъ пребывати въ домѣ семъ; но днесь, когда всѣмъ откровенно и явно есть, что его нѣсть больше въ живыхъ; сего ради рцы матери твоей, да изберетъ себѣ мужа, кого восхощетъ, и кто множайшїе сдѣлаетъ ей дары. Тогда ты съ веселїемъ будеши наслаждатися наслѣдїемъ отца своего; а она отъидетъ соблюдати домъ инаго мужа.

Любезный Агелай! рекъ Тилемахъ, кленуся Дїемъ и болѣзньми отца моего, который мертвъ ли, или живъ заблуждаетъ въ отда-

даленныхъ странахъ, кленуся, что не препятствую матери своей пріяти супружество; но паче совѣтую ей избрать себѣ мужа, какого восхощетъ сама: Я съ своей стороны дамъ ей многіе дары. Не хотящую же боюся удалити изъ дому досадительнымъ словомъ; да не сотворитъ сего Богъ.

Тако рекъ Тилемахъ: тогда божественная Паллада послала на жениховъ невоздержный смѣхъ, и помрачила разумъ ихъ; ибо они смѣялися принужденно, и аки чуждыми устами; окровавленныя поядали мяса; очи наполнены были слезами, и сердца плачь предчувствовали.

И се прорицатель Ѳеоклименъ вѣщаетъ къ нимъ: О злополучные! Откуду зло сіе на васъ низверглося! Зрю главы ваши, лице и стопы тьмою покровенныя; се слышу и рыданіе; ланиты ваши слезами орошаются; мрачныя тѣни стоятъ въ преддверіи; по всему дво-

ру заблуждаютъ мертвецы; открывается адъ во всей своей тьмѣ; солнце отъ небесъ сокрылося, и падетъ на васъ мгла смертоносная.

Тако рекши, подвигъ ихъ къ вящшему смѣху: и Евримахъ, сынъ Поливїевъ отвѣщаетъ: Други мои! Неистовствуетъ сей новопришедшей странникъ; скоро убо его вонъ изведите; зане свѣтлый день нощїю нарицаетъ.

Евримахъ! отвѣщалъ Ѳеоклименъ, не требую я отъ тебя путеводителя; имѣю бо очи, уши и ноги, и разумъ мой не заблуждаетъ: съ сими сопутниками изыду отсюду; зане проразумѣваю приближающуюся вамъ пагубу, отъ коея никто не спасется, и ниже единъ кто избѣгнетъ изъ жениховъ, въ дому Одиссеевѣ неправедная творящихъ. Сїе рекши оставляетъ домъ царевъ, и отходитъ къ Пирею, кой воспрїялъ его

съ радостїю. Женихи взирая единъ на другаго, паки начинаютъ Тилемаха раздражати, творя посмѣянїе надъ приходящими къ нему странными; и нѣкто отъ нихъ сїе рекъ: Воистинну никто толико не разумѣетъ прїимати странныхъ въ домъ къ себѣ, колико ты, приведъ нынѣ съ собою новаго и неизвѣстнаго пришельца, алчущаго пищи, и жаждущаго вина; трудовъ же не знающаго, и не имѣющаго крѣпости, но землю токмо тяготящаго. Посемъ и другїй возставъ сказалъ: Тилемахъ! когда хощеши, скоро послемъ страннопришельцевъ твоихъ на кораблѣ въ Сикилїйскую страну, гдѣ, какъ уповаю, не малое они прїобрѣтутъ себѣ стяжанїе.

Сице женихи творили поношенїе. Но Тилемахъ, не помышляя о безумїи ихъ, взиралъ токмо на отца своего, ожидая всегда повелѣнїя его къ вознесенїю рукъ на неистов-

неистовствующихъ жениховъ. Пинелопа сидя на уготованномъ ей сѣдалищѣ въ собранїи ищущихъ ее въ жену, каждое ихъ слово слышала. ----- Женихи хотя съ веселїемъ и безбоязненно поядали уготованныя на обѣдъ яствы; но вечеря для нихъ будетъ самая горестнѣйшая, каковую богиня и Одиссей имъ уготовавъ вскорѣ предложатъ.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Фи.

Царицѣ Пинелопѣ премудрая Паллада вдохнула въ умъ предложити женихамъ въ дому Одиссеевѣ лукъ и чистое желѣзо въ подвиги, яко начало убїйства. Восходитъ по лествицѣ въ горнїй свой чертогъ съ рабынями, гдѣ

 лежа-

лежали сокровища царскія, мѣдь, злато и крѣпкое желѣзо: тамо лежалъ и лукъ со многими смертоносными стрѣлами, въ даръ данными въ Лакедемонѣ Ифитомъ, сыномъ Евритовымъ, когда онъ срѣтился въ дому воинственнаго Ортилоха съ Одиссеемъ, кой тогда былъ въ Мессинѣ для полученія долгу, которымъ весь народъ Мессинскій былъ ему обязанъ; ибо сіи мужи отгнали изъ Иѳаки на корабляхъ триста овецъ съ пастухами, коихъ ради и послалъ его отецъ и прочіе старцы. А Ифитъ искалъ погибшихъ дванадесять кобылицъ, толико же ослицъ, ко всякимъ трудамъ изученныхъ. Но сіе самое вскорѣ нанесло ему смерть и пагубу; ибо Ираклій, сынъ не устрашимаго Дія, по пришествіи Ифитовомъ въ домъ его, дружелюбно воспріявъ его, и предложивъ, яко странному, пищу, убилъ послѣ, не устрашився

ни

ни гласа боговъ, ниже стола странноприѣмнаго, и коней удержалъ у себя. Онъ бывъ въ семъ путешествіи, срѣтился съ Одиссемъ, и въ знакъ дружбы далъ ему оный лукъ, коимъ прежде пользовался великій Еритъ, и по смерти оставилъ сыну своему. Напротивъ того Одиссей Ифиту далъ мечь и копіе въ знакъ будущаго дружескаго странноприимства; но коимъ не могли взаимно почтити; зане добродѣтельный Ифитъ пріялъ смерть отъ рукъ Ираклія. Лукъ оный не былъ съ Одиссеемъ на брани; но въ воспоминаніе любезнаго друга, дома былъ оставленъ. Пинелопа пріявъ лукъ и тулъ стрѣлами наполненный сѣла, и положивъ его на колѣнахъ плакала неутѣшно. По семъ по многомъ пролитіи слезъ, изходитъ оттуду къ женихамъ, неся лукъ и тулъ, яко смерть гордыхъ мужей, и конечную ихъ пагу-

тубу: рабыни несли ковчегъ, въ коемъ лежали желѣзо и мѣдь, подвиги царя Одиссея. По томъ пришедъ предъ жениховъ стала при прагѣ, имѣя на лицѣ тончайшій покровъ, гдѣ предстояли отъ обоихъ странъ ей рабыни, и тако начинаетъ:

Внушите, гордые женихи! кои поносное дому сему творите нападеніе, ядя и пія непрестанно въ ономъ, и не зря предъ собою царя моего, не могли доселѣ отъ обидъ и поношенія воздержатися: се лукъ и стрѣлы Одиссея! Кто убо напрягши его пуститъ стрѣлу чрезъ всѣ дванадесять колецъ, того нарекуся женою, и пойду съ нимъ совокупно оставя домъ сей, въ коемъ отъ младости своей обитала, имѣя всякое въ немъ обиліе; и мню, что воспомяну о немъ хотя въ сновидѣніи.

Сіе рекши повелѣла Евмею предложити лукъ и желѣзо, кой возпрі-

пріявъ со слезами, положилъ на назначенномъ мѣстѣ; и паки началъ плакати взирая на лукъ царя своего.

Антиной не преставая отъ поношенія, вѣщаетъ тако: Несмысленные селяне, ежедневно тщету помышляющіе! Что тако проливаете слезы, умножая печаль въ сердцѣ царицы вашея, которая и безъ вашего досажденія всегда сокрушается о возлюбленномъ своемъ мужѣ? Но или ядите съ молчаніемъ, или изшедъ вонъ, гдѣ хощете, проливайте слезы; лукъ же оставите здѣсь для подвига женихамъ. Мню, что не обрящется ни единъ изъ насъ, кой бы напрягъ его; ибо нѣсть здѣсь человѣкъ, каковъ былъ Одиссей; самъ я его видѣлъ; и хотя не смысленнъ былъ, но помню.

Сіе вѣщая устрашалъ прочихъ жениховъ, самъ уповая напрящи лукъ, и сквозь всѣ кольца

пустити стрѣлу, которыя остріе самъ онъ имѣлъ вкусити отъ рукъ Одиссея, коего тогда не почиталъ, и возмущалъ всѣхъ своихъ совмѣстниковъ.

По семъ Тидемахъ начинаетъ тако: Мужественные Ахейскіе юноши! Внушите что реку: Воистинну содѣлалъ меня великій Дій безумнымъ; что смѣюся и утѣшаюся по своему неразумію, когда матерь моя, оставляя домъ сей, хощетъ посягнути за другаго мужа. Востаните убо и совершите подвигъ, отъ матери моей царицы Пинелопы предложенный; зане подобныя ей жены, какъ вы сами знаете, не обрѣтется, ниже въ Пилѣ, ниже въ Аргѣ, ниже въ Микинахъ, ниже во Ипирѣ и ниже въ самой Иѳакѣ. Но къ чему мнѣ тако превозносити матерь свою? Востаните, и извиненіями своими не продолжайте времяни, да узримъ всѣхъ мужество и крѣпость.

Но

Но прежде всѣхъ я испытаю лукъ сей, и когда напрягши его пущу стрѣлу чрезъ всѣ кольца; тогда матерь моя ко иному мужу не отъидетъ.

Рекши сїе низлагаетъ отъ раменъ верхнюю одежду, и возлагаетъ на оныя мечь. По семъ вопервыхъ постанавляетъ кольца, по ископанному прямо рву; по томъ осыпаетъ оныя землею: женихи взирая на сїе зѣло удивлялися, чего прежде никогда не видѣли. Тилемахъ ставъ на помостѣ прїемлетъ лукъ, испытуетъ его твердость; трижды напрягалъ тетиву его, и трижды оную отпущалъ, не надѣяся на свои силы; въ четвертую крату воистинну напрягъ бы; когдабы Одиссей, давъ ему тайный знакъ, не удержалъ отъ сего.

Тилемахъ положивъ лукъ на помостѣ вѣщаетъ тако: Други мои! Или я совершенныхъ достигнувъ лѣтъ, будучи немощенъ и

безсиленЪ, или не уповая на младость свою, не дерзаю простерти рукЪ сопротиву мужа, обиды мнѣ творящаго. Приступите убо вы, силами крѣпчайшїе меня, испытайте твердость лука, и тако скоро совершимЪ подвигЪ свой. Сїе рекши сѣлЪ паки на своемЪ мѣстѣ.

ПосемЪ Антиной кЪ своимЪ собесѣдникомЪ глаголетЪ тако: Други мои! Возстаните всѣ поряду отЪ десныя страны, гдѣ вино подаетЪ намЪ виночерпїй.

Тако рекЪ Антиной, и предЪ всѣми угодно явилось слово его. Первой встаетЪ ЛїодЪ, сынЪ ИноповЪ, кой былЪ у нихЪ прорицателемЪ, и кой прочихЪ жениховЪ за безумныя ихЪ неистовства зѣло ненавидя сидѣлЪ отЪ всѣхЪ отдаленнѣйшїй. Сей ставЪ на помостѣ испытуетЪ лукЪ; но тщетно упорствовавЪ противЪ твердости его, и изнемогши силами, тако вѣщаетЪ: Знаменитые юноши! Зрю,

что

что силы мои невмѣщаютъ лука сего твердости: да воспріиметъ убо иный кто; ибо я уповаю, что лукъ сей многихъ и сильныхъ отъ насъ мужей лишитъ крѣпости и живота. Сего ради лучше есть умрети, нежели нарицаяся живыми, не приобрѣсти того, чего всякій день здѣсь пребывая ожидаемъ съ неизреченною радостію. Нынѣ хотя кто изъ васъ и уповаетъ въ сердцѣ своемъ пояти въ жену себѣ Пинелопу; но испытавъ лукъ, иную отъ Ахейскихъ женъ будетъ искати себѣ невѣсту.

Сіе рекши поставилъ лукъ на помостѣ, и отшелъ на свое мѣсто.

Антиной слышавъ сіе съ досажденіемъ вѣщаетъ: Ліодъ! како возмогъ ты изглаголати толь поносно? Не могу слышати сего безъ великаго огорченія, что лукъ сей, коего ты единъ не напрягъ, лишитъ многихъ отъ насъ крѣпкихъ мужей силы и живота. Вѣдай убо, что

что матерь твоя не родила тебя къ сему способнымъ; но прочїе сущїи здѣсь юноши напрягутъ его. По семъ обратився къ пастуху Меланөїю вѣщаетъ: Скоро возпали въ дому семъ огнь, и постановя сѣдалище принеси часть тука, да согрѣвшїйся лукъ помажемъ, и испытавъ твердость его совершимъ подвигъ. Меланөїй скоро исполнилъ повелѣнное. Но и тако не напрягли юноши лука сего; ибо у всѣхъ силы истощилися.

Антиной токмо и Еврима хъ бывъ паче всѣхъ крѣпчайшїе, сему не прикасалися; но скоро оба исходятъ отъ дома. За ними слѣдуетъ и Одиссей со двумя постухами; и изшедъ внѣ двора, Одиссей вѣщаетъ къ пастухамъ тако: Любезные други! Сердце совѣщеваетъ мнѣ нѣчто открыти предъ вами; скажите мнѣ, готовы ли вы быти помощниками Одиссею, когда бы его богъ внезапно поставилъ предъ вами?

ми? Или паче желаете защищати жениховъ, нежели царя своего? Пастухъ Филитїй рекъ: О когда бы отецъ боговъ совершилъ наше желанїе, и привелъ бы къ намъ Одиссея! Скоро позналъ бы ты крѣпость мою и дерзновенїе. Таковымъ образомъ и Евмей просилъ боговъ о возвращенїи въ домъ своего владыки. Одиссей познавъ истинное ихъ желанїе, паки вѣщаетъ: Се я между вами обрѣтаюсь царь вашъ Одиссей, кой по претерпѣнїи многихъ напастей въ двадесятый годъ пришелъ въ землю отечественную; и я знаю, что вы токмо едины желали моего возвращенїя; отъ прочихъ же рабовъ никто мнѣ не усердствуетъ. Сего ради повѣдаю вамъ истинну, когда богъ поможетъ мнѣ стерти рогъ жениховъ сихъ, обоимъ вамъ дамъ женъ, награжду обильнымъ стяжанїемъ, и созижду каждому особый домъ близъ моихъ чертоговъ; тогда будете

дете нарицатися мнѣ и Тилемаху ближними и братїями. Но да вящшую вѣру имете, и познаете истинну словѣ моихъ, открыю предъ вами явный знакъ; сїе рекши показалъ имъ ногу, вѣщая: Зрите, се язва оная, которую нѣкогда содѣлалъ мнѣ вепрь на горѣ Парнассѣ бывшему на ловитвѣ звѣрей съ дѣтями дѣда моего Автолика. Евмей и Филитїй познавъ истинну, объемлютъ царя, лобзаютъ главу и рамена его; равнымъ образомъ и Одиссей облобызалъ главы и руки ихъ. Плачущимъ имъ воистинну нощь бы приближилася, когда бы Одиссей не удержалъ ихъ тако вѣщая: Престаните отъ слезъ и рыданїя, да не кто узрѣвъ насъ плачущихъ возвѣститъ всѣмъ въ дому сущимъ; но приуготовився внидите въ домъ, токмо не всѣ совокупно; прежде вниду я; вы же мало помедливъ за мною слѣдуйте: сїе вамъ да будетъ тамо знаме-

мение: когда по требованію моему женихи не восхотятъ мнѣ дати лука, тогда ты, любезный Евмей, взявъ его подаждь мнѣ въ руки; по семъ скоро повели заключити двери, гдѣ обитаютъ рабыни: ежели кто услышитъ отъ рабовъ нашихъ стонъ, воздыханіе и нѣкій мятежъ, то да никто вонъ не изъидетъ, но да пребываетъ на мѣстѣ, исполняя дѣла свои. А тебѣ, другъ мой Филитій! повелѣваю твердо заключити врата дома нашего.

Рекши сіе входитъ въ сонмище жениховъ, и пришедъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ. Вскорѣ явилися Евмей и Филитій. Евримахъ же тогда держа лукъ, вращалъ его сюду и сюду, нагрѣвая теплотою огня; но никако не могъ напрящи, и тяжелыя испуская воздыханія, вѣщаетъ тако: Други мои! воистинну зѣло прискорбно есть всѣмъ намъ, не токмо брака ради, [ибо мно-

многїя суть жены Ахейскїя, какѣ во Иѳакѣ, такѣ и вѣ прочихѣ градахѣ;] но паче всего, что много не достаетѣ силѣ нашихѣ кѣ напряженїю лука, каковы были силы царя Одиссея: поношенїе и укоризна о семѣ слышати по насѣ будущимѣ.

Евримахѣ! отвѣщалѣ мужественный Антиной, не тако сїе будетѣ; и самѣ сїе разумѣеши: нынѣ вѣ народѣ есть праздникѣ великаго Бога, кто убо вѣ сей день лукѣ напрягаетѣ? Положите его, а кольцы всѣ оставите пребывати тако; ибо мню, что никто не похититѣ ихѣ. Ты же виночерпїй подаждь намѣ вина, да всякѣ вкусивѣ отѣ него по своему желанїю, оставитѣ лукѣ до иннаго времени. Меланѳїю повелите заутра привести лучшихѣ отѣ всего стада козѣ, да тучныя ихѣ бедры принесши вѣ жертву царю Аполлону, паки испы-

пытаемъ лукъ, и совершимъ подвигъ.

Сїе рекъ; и всѣмъ угодно было слово его. Провозвѣстники подали женихамъ для умовенїя рукъ воду, а рабы наполнивъ чашу виномъ, раздѣляли всѣмъ оное. Когда насытилися, колико чье сердце желало; тогда Одиссей сплетая лесть, тако рекъ предъ всѣми:

Знаменитые женихи царицы Пинелопы! внушите, что реку вамъ, паче же всѣхъ Евримаха и Антиноя молю: вы нынѣ оставили испытанїе лука въ честь праздника; повелите убо мнѣ дати лукъ оный, да купно съ вами испытаю крѣпость рукъ моихъ; и еще ли толико силъ имѣю, какъ прежде; или странствованїе и нищета изтребили оныя.

Тако рекъ; и всѣ вельми на него вознегодовали, боясь, да не напряжетъ лука, и тѣмъ содѣлаетъ всѣмъ посмѣянїе.

Антиной яростнымъ на него воззрѣвъ окомъ, речетъ: О злополучный странникъ! Нынѣ познаю я, что нѣсть въ тебѣ ни малѣйшаго разума; ибо не любиши спокойно между нами пиршествовати: скажи, чего тебѣ не достаетъ? Ты токмо слушаеши наши рѣчи и разглагольствія, чего никакій странный нищій не творитъ. Вижду, что вино тебя къ сему приводитъ; ибо оно и другихъ многихъ творитъ безумными, кто піетъ его со излишествомъ. Вино и знаменитому Кентавру Евритіону содѣлало вредъ въ дому мужественнаго Пириѳоя, къ Лапиѳамъ шедшему; поелику многимъ питіемъ помрачивъ разумъ свой, содѣлалъ тамо великое безуміе; тогда сильные ирои объяты бывъ сильнымъ гнѣвомъ, извлекли его на дворъ, и обрѣзали уши и ноздри. Таковымъ образомъ отшелъ онъ оттуду, наказанъ бывъ за невоздержность въ

питіи:

питїи: тако и ты понесеши многїй вредъ, когда лукъ сей напряжеши; и мню, что ниединъ тогда не подастъ тебѣ въ дому семъ защищенїя; но вскорѣ отошлемъ тебя на кораблѣ къ лютѣйшему царю Ехету, откуду во вѣкъ не изъидеши; яждь убо и пей здѣсь съ молчанїемъ, и съ лучшими мужами не твори распри.

Мудрая Пинелопа рекла ему: Антиной! Не праведно и не похвально есть творити обиды странникамъ, въ домъ Тилемаховъ приходящимъ. Или ты уповаеши, что странникъ сей надѣяся на свои силы, когда напряжетъ лукъ, отведетъ мя въ домъ и содѣлаетъ своею женою? Ниже ты надѣйся сего, ниже инный кто изъ васъ.

Мудрая царице Пинелопа! отвѣщалъ Евримахъ, никако мы сего не помышляемъ; но убѣгаемъ народныя молвы, дабы кто не сказалъ, что мужи безсильные и мало-

душные ищутъ пояти въ жену себѣ жену мужа крѣпкаго и бранноноснаго; ибо не могли они напрящи лука; странный же нѣкто и нищїй пришедъ безъ труда напрягъ и пустилъ стрѣлу чрезъ всѣ кольца. Тако будутъ глаголати въ народѣ, и намъ произойдетъ стыдъ и поношенїе.

Евримахъ! Пинелопа рекла, прилично ли знаменитымъ въ народѣ мужамъ поядати чуждый хлѣбъ, и разточати домъ ироя, великими дѣлами прославившагося? Но вы сами сїе творите себѣ поношенїе. Странникъ сей образомъ есть величественъ, тѣломъ зраченъ и произхожденїе имѣетъ отъ рода знаменитаго, дайте убо ему лукъ, да узримъ, [когда напряжетъ и возвеличитъ его славою Аполлонъ;] облеку въ добрыя одежды, дамъ ему сапоги, копїе и мечь, и отпущу куда сердце его желаетъ.

Ти-

Тилемахъ посемъ вѣщаетъ къ Пинелопѣ: Возлюбленная мати! Нѣсть человѣкъ ниже во Иѳакѣ, ниже во всей Илидской странѣ, кой бы не хотящаго мя могъ принудити, и хотящему возбранити. Я токмо во всѣхъ Ахеянахъ имѣю власть и право дати лукъ, кому восхощу. Ты же вшедъ въ чертогъ свой исполняй дѣла, какія приличны суть тебѣ, такожде рабынямъ повели, да со тщаніемъ творятъ имъ порученное. О лукѣ попеченіе имѣти предостави мужамъ, паче всѣхъ мнѣ, коего власть больше всѣхъ надъ домомъ симъ простирается.

Пинелопа слыша сіе, въ изумленіи отходитъ во свой чертогъ, соблюдая мудрыя слова Тилемаха; и пришедъ паки начинаетъ плакати о возлюбленномъ своемъ супругѣ, доколѣ божественная Паллада не излила на очи ея сладкаго дреманія. Тогда Евмей пріявъ лукъ

несетъ къ Одиссею. Женихи узрѣвъ сїе, воздвигли всѣ великїй мятежъ, и нѣкто отъ нихъ рекъ: Несмысленный пастухъ! Камо несеши лукъ сей? Положи его здѣсь, да не вскорѣ растерзаютъ тебя псы, тобою воскормленные.

Евмей убоявся прещенїя многихъ мужей, паки положилъ лукъ на томъ же мѣстѣ. Отъ другїя страны Тилемахъ со гнѣвомъ возопилъ къ нему: Безумный! Почто слушаеши ихъ? Скоро подаждь мнѣ лукъ, да не поразивъ тя на село изждену. О когда бы я имѣлъ толико силъ противу всѣхъ жениховъ сихъ, колико противу тебя имѣю; воистинну многихъ отсюду отпустилъ бы итти въ домы ихъ съ печалїю; ибо всѣ творятъ дѣла не праведныя.

Тако рекъ Тилемахъ: женихи посмѣявся ему, престали отъ гнѣва. Евмей паки повинуясь гласу Тилемаха, прїявъ лукъ принесъ

къ

къ Одиссею, и положилъ при его ногахъ.

Тилемахъ тайно призвавъ Евриклею, и изведъ вонъ речетъ ей: Иди спѣшно, и во всемъ домѣ заключи двери и врата твердо. Ежели кто услышитъ стонъ, или воздыханіе, или нѣкій мятежъ, то да не изходитъ отъ мѣста своего; но да исполняетъ повелѣнное.

Тако рекъ Тилемахъ; и абіе исполнено было его повелѣніе. Пастухъ Филитій, изшедъ вонъ тайно, и притекши ко оградѣ, заключилъ врата тамо, и узрѣвъ не далече лежащее сухое дебелое древо, укрѣпилъ паче симъ отверзстіе оныхъ. По семъ возвратився паки сѣлъ на своемъ мѣстѣ, со тщаніемъ взирая на Одиссея, кой тогда вращалъ сюду и сюду лукъ свой, испытуя, не повредили ли его черви во время толь долгаго отсутствія. Тогда отъ жениховъ нѣкто обратився къ ближнему рекъ: О коль

хитрЪ и искусенЪ есть стрѣлецЪ сей! Мню, что и вЪ дому его такїе же обрѣтаются луки; или хощетЪ подобный сему содѣлати? Виждь, како вращаетЪ его вЪ рукахЪ своихЪ пресмыкающїйся странникЪ. Инной сїе говорилЪ: О когда бы всегда толико ему было пользы, колико нынѣ возможетЪ лукЪ сей напрящи! Тако творили женихи посмѣянїе. Но Одиссей не взирая на ихЪ рѣчи, соглядалЪ твердость лука, и узрѣлЪ его ни чемЪ не поврежденнаго. Аки искусный пѣвецЪ на новой цѣвницѣ удобно напрягаетЪ струну; тако Одиссей безЪ всякаго затрудненїя десною рукою натягаетЪ тетиву лука, которая отпущена бывЪ отЪ крѣпкихЪ перстовЪ издала звукЪ, подобный гласу поющїя ластовицы. Во всѣхЪ женихахЪ возтрепетали сердца, и измѣнился цвѣтЪ на ихЪ лицахЪ. Великїй отецЪ боговЪ Дїй, посылая ему благое знаменїе, возгремѣлЪ

отъ превыспреннихъ странъ. Одиссей возрадовался сердцемъ, видя къ себѣ благоволенie сильнѣйшаго изъ боговъ, прiемлетъ едину стрѣлу, лежавшую при столѣ, а прочїя сокровенны были внутрь тула, возложивъ оную на тетиву, и напрягши лукъ, пущаетъ десницею. Стрѣла неся свое острiе летитъ, и мгновенно проходитъ сквозь всѣ кольца, наченши отъ перваго даже до послѣдняго.

По семъ тако рекъ къ Тилемаху: Вижль, се страннопришелецъ, пребывая въ дому твоемъ, не содѣлалъ тебѣ посмѣянїя, ниже стрѣла отъ лука пущенная совратилася на страну отъ цѣли, ниже изнемогли руки отъ многотруднаго напряженїя лука. Воистинну суть во мнѣ еще силы и крѣпость: не тако содѣлалося, какъ прежде женихи мною посмѣвалися. Но уже время нынѣ уготовати вечерю симъ знаменитымъ Ахеянамъ, доколѣ

свѣтъ есть; послѣ же насладимся пѣнїемъ, слушая гласа цѣвницы: ибо сїе есть украшенїе веселыхъ пиршествъ.

Рекши тако, и воззрѣвъ на Тилемаха помизаетъ очами; а сей познавъ хотѣнїе отца, вскорѣ приноситъ острый и тяжелый мечь, и подаетъ въ руки Одиссею, и копїе постановляетъ при сѣдалищѣ, потомъ и самъ въ бранное оружїе облекается.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Хи.

Одиссей для облегченїя совлекъ нѣкоторыя рубища отъ раменъ своихъ, и абїе возшелъ на прагъ, держа въ рукахъ лукъ и тулъ наполненный стрѣлами, кои скоро

и-

изсыпавъ предъ своими ногами, тако къ женихамъ вѣщаетъ: Храбрые юноши! Се невинный подвигъ сей совершенъ есть мною; нынѣ паки хощу избрати другїй предметъ, коего цѣли никто доселѣ не улучилъ: да пошлетъ убо Аполлонъ мнѣ славу свою. Рекши тако, направляетъ мгновенно стрѣлу на Антиноя, кой въ самое сїе время подъявъ чашу приносилъ къ устамъ пити вино отъ нея, смерть же на мысль ему не всходила; ибо кто могъ подумати, чтобы единъ дерзнулъ съ толикимъ множествомъ сражатися, и содѣлати смертоносное убїйство? Одиссей пустивъ стрѣлу поражаетъ его въ гортань; острїе пролетаетъ сквозь выю, падаетъ отъ рукъ чаша, падаетъ и самъ державшїй оную на помостѣ; ручьемъ течетъ отъ ноздрей кровь его, трепещетъ лежа на полу всѣми удами, ударяетъ ногами о землю, опровергаетъ столъ со всѣми

яства-

яствами, хлѣбъ и мяса валятся подъ ноги жениховъ, вино смѣшивается съ кровїю. Прочїе юноши узрѣвъ знаменитаго мужа падша мертва, всѣ возшумѣли, и возставъ отъ сѣдалищъ воздвигли велїй мятежъ; мещутъ взоръ по всѣмъ стѣнамъ, но нигдѣ ни щита ни копїя не обрѣтаютъ.

По семъ въ ярости возопили на Одиссея: Безумный странникъ! Тако ли пущаеши стрѣлы и на мужей уже? Се приближилася самому тебѣ лютая смерть; ибо ты умертвилъ паче всѣхъ Ахейскихъ юношей знаменитѣйшаго; сего ради и самъ повер҃женъ будеши птицамъ на снѣденїе.

Тако вѣщая уповали, что убїйство содѣлано имъ неумышленно; но того невоображали безумные, что всѣхъ неминуемая пагуба постигнуть долженствовала.

Одиссей воззрѣвъ яростнымъ окомъ, вѣщаетъ къ нимъ: О безстуд-

студные псы! Тако ли не уповали вы моего возвращенія отъ Троянскія страны въ домъ сей? Вы разточали мое имѣніе, требовали жену въ супружество отъ живаго мужа, не бояся боговъ мщенія, ниже отъ людей поношенія. Сего ради всѣмъ вамъ нынѣ конецъ живота приближился.

Женихи слышавъ сіе паче содрогнулися. Всякъ взиралъ, камо отъ лютыя смерти избѣжати. Единъ Евримахъ рекъ: Когда ты воистинну пришелъ сѣмо царь Иѳакійскій Одиссей, праведно есть слово твое о учиненныхъ нами тебѣ обидахъ; многія были наши злодѣянія и въ домѣ и на селѣ; но тотъ, кто всему былъ виновникъ, мертвъ уже лежитъ. Знаменитый юноша Антиной желалъ приобрѣсти въ жену не токмо царицу Пинелопу, но помышлялъ и царство надъ Иѳакійскимъ народомъ пріяти, содѣлавъ сыну твоему

тайное убійство. Но всесильный Дій не благоволилъ желанію его исполнитися. Се онъ предъ очами всѣхъ лежитъ поверженъ мертвъ; пощади убо насъ народъ твой. Мы тебѣ все, елико истощили отъ дому твоего, возвратимъ со тщаніемъ; каждый отъ насъ приведетъ тебѣ двадесять воловъ; дадимъ обильно сребра и злата, сколько сердце твое возжелаетъ. Престани нынѣ отъ гнѣва и милосердствуй о насъ.

Одиссей воззрѣвъ яростнымъ окомъ, отвѣщалъ: Евримахъ! Когдабы и все наслѣдіе отцевъ своихъ принесли ко мнѣ, и умножая умножили бы дары ваши, воистинну и тогда не престану отъ убійства, доколѣ всѣхъ васъ во адъ не низрину. Нынѣ вамъ два предлежатъ пути, или сражатися, или бѣгствомъ спасатися; но мню, что ни единъ отъ рукъ моихъ не избѣгнетъ.

Сїе рекЪ Одиссей; и всѣхЪ обЪялЪ ужасЪ. По томЪ ЕвримахЪ обратився кЪ прочимЪ своимЪ другамЪ тако глаголетЪ: Любезные собратїя! Вѣдаю, что мужЪ сей не вонметЪ нашему моленїю; но когда прїялЪ лукЪ и тулЪ, стрѣляти будетЪ безЪ пощадѣнїя, доколѣ не избїетЪ всѣхЪ насЪ: сразимся убо и сами, извлекайте мечи, защищайтеся отЪ стрѣлЪ вмѣсто щитовЪ столами, соберемся всѣ вкупѣ, устремимся соединенно, изженемЪ его отЪ мѣста, сокрушимЪ двери, изЪидемЪ во градЪ и вознесемЪ тамо вопль; и тако вЪ послѣднїй разЪ пуститЪ онЪ свою стрѣлу.

Тако вопїя извлекаетЪ мечь обоюду острый, со страшнымЪ шумомЪ устремляется на Одиссея. Одиссей пущаетЪ вЪ него стрѣлу, поражаетЪ его вЪ перси близь сосца, острїе стрѣлы проходитЪ вЪ сердце, падаетЪ отЪ рукЪ Еврима-

ховыхЪ

ховыхъ мечь, опровергается столъ, проливается вода отъ чаши, отъ болѣзни сердечной біетъ онъ челомъ о землю, съ шумомъ сотрясаетъ сѣдалище, ногами его попираемое, и закрываетъ очи тьма вѣчная. Посемъ Амфиномъ сопротивъ Одиссея съ мечемъ мещется; но Тилемахъ предваривъ его поражаетъ копіемъ между раменами, остріе изходитъ на другую страну персей, падаетъ мужественный ирой со стукомъ на землю и біетъ оную. Тилемахъ оставляетъ вонзенное въ трупъ копіе, боясь, да не поразитъ кто мечемъ во главу: и притекши спѣшно къ Одиссею речетъ: Отче мой! Повели, да принесу тебѣ щитъ, два копїя и шлемъ; и самъ облекшися въ броню, прикажу и двумъ пастухамъ прїяти оружіе.

Одиссей рекъ: Теки скоро, и исполни все сїе, доколѣ суть еще

стрѣлы,

стрѣлы, да не проженутъ мя отъ дверей, когда единъ останусь.

Тилемахъ повинуяся отцу, спѣшно идетъ въ хранилище, гдѣ лежало оружїе, прїемлетъ четыре щита, осмь копїй и четыре шлема. Все сїе принесши скоро ко отцу, тамо прежде самъ облекается въ мѣдяную броню; и пастухи такожде облеклися во оружїе и стали окрестъ Одиссея, кой доколѣ имѣлъ стрѣлы, дотолѣ каждою поражалъ единаго отъ нихъ мужа, и падали всѣ другъ за другомъ. Наконецъ по изметанїи стрѣлъ, полагаетъ лукъ свой при стѣнѣ, укрываетъ рамена свои щитомъ, на главу шлемъ возлагаетъ, и прїемлетъ въ руки два копїя мѣдяны. Были нѣкїя врата, коими изходити можно было на поле, сїи повелѣлъ Одиссей Евмею стрещи со всякимъ раченїемъ. Агелай тогда къ прочимъ женихамъ рекъ тако: Изъидите скоро во врата,

та, и возвѣстите въ народѣ, да соберутся сѣмо; и тако противу воли мужъ сей престанетъ отъ убійства.

Меланѳій отвѣщалъ ему: Храбрый Агелай! Никакъ не возможно сего содѣлати; зане всѣ изходы заключены крѣпко. Но лучше вамъ принесу отъ хранилища оружіе. Сіе сказавъ возходитъ по лѣствицѣ, гдѣ лежала броня ратная; и тамо взявъ дванадесять щитовъ, толико же копій и шлемовъ, принесъ все сіе къ женихамъ. Тогда возтрепетали колѣна Одиссея, узрѣвшаго облекшихся ихъ во оружіе, и копіями потрясающихъ, кой тако вѣщаетъ Тилемаху: Воистинну нѣкая отъ рабынь, или самъ Меланѳій, въ дому нашемъ воздвизаютъ на насъ брань многотрудную.

Тилемахъ рекъ: Отче мой! Я сіе содѣлалъ отъ неразумія моего, что забылъ двери чертога онаго

заключити, и оставилЪ отверзсты. Иди убо скоро, любезный Евмей! и крѣпко заключи входЪ оный; и виждь, кто сїе тако содѣваетЪ? ОтЪ рабынь ли кто? Или Меланѳїй? Доколѣ сїе тако разглагольствовали; пастухЪ Меланѳїй паки идетЪ еще принести оружїе.

Евмей познавЪ сїе кЪ Одиссею вѣщаетЪ: Бранноносный мой царю! Се пагубный Меланѳїй паки идетЪ вЪ чертогЪ оружїя ради. Рцы убо, убити ли его тамо, когда преодолѣю? Или привести кЪ тебѣ сѣмо, да отЪ твоихЪ рукЪ прїиметЪ достойное мщенїе за содѣянныя имЪ вЪ дому твоемЪ злодѣянія? Одиссей отвѣщалЪ: Я и ТилемахЪ останемся здѣсь, дабы возбранити изходЪ женихамЪ; вы же идите скоро, и связавЪ ему руки и ноги, подымите кЪ столпу, да тако долго вися претерпитЪ тягчайшїя болѣзни.

Евмей и Филитій отходятъ во хранилище, и тамо обрѣтши Меланѳія оружіе собирающаго, становятся при входѣ тайно, да изъимутъ его несущаго оное: и се злополучный, неся въ единой рукѣ древній Лаэртовъ щитъ, а въ другой шлемъ, емлется Евмеемъ и Филитіемъ, кои устремився на него и возхитивъ за власы вовлекли паки внутрь чертога, и тамо связали его, какъ повелѣлъ Одиссей. Евмей отходя съ посмѣяніемъ рекъ ему: Тако нынѣ Меланѳій на мягкомъ семъ одрѣ провождай нощь; ибо прежде отъ тебя никогда не сокрывалася заря, когда приводилъ ты тучныхъ козъ для пожренія алчнымъ женихамъ.

По семъ заключивъ твердо входъ дверей, возвращаются къ Одиссею. Тогда божественная Паллада предстала ему во образѣ Ментора. Одиссей узрѣвъ богиню возрадовался, и тако вѣщаетъ: Возлюб-

любленный Менторъ! Изжени отсюду всякое злодѣянїе, и возпомяни о другѣ твоемъ, и о всѣхъ благихъ, имъ содѣянныхъ. Тако рекъ онъ: отъ другїя же страны женихи воздвигли прещенїе, и первый Агелай со гнѣвомъ вѣщаетъ:

Менторъ! блюдися противу насъ сражатися и сихъ защищати; ибо когда убїемъ Одиссея и сына его; воистинну и ты съ ними погибнеши, а стяжанїя оставшїяся послѣ васъ предадимъ разхищенїю; ниже сыновъ, неже дщерей, ниже самую Пинелопу оставимъ пребывати во градѣ.

Тако рекшу ему, богиня Аѳинская раздраженнымъ сердцемъ вѣщаемъ ко Одиссею: Злополучный царю! Гдѣ прежднїя твои силы и крѣпость? Камо сокрылося мужество? Тако ли ты нынѣ зришися дерзновенъ, какъ когда девять лѣтъ противу Троянъ за царицу Елену сражался непрестанно? Не

ты ли сокрушилъ многихъ храбрыхъ мужей крѣпость? Не твоимъ ли совѣтомъ великій градъ Прïамовъ сотренъ? Како убо нынѣ пришедъ во свое отечество, и видя предъ очами все стяжанïе, сихъ безсильныхъ мужей устрашаешися? Но приближися ко мнѣ, и стани здѣ, да узриши, како твои ко мнѣ благодѣянiя почитаетъ Менторъ.

Тако вѣщала богиня; но совершенной побѣды еще не послала, и испытывала мужество и крѣпость Одиссея и его сына. По семъ отшедъ сѣла сопротивъ его на перекладѣ дому во образѣ ластовицы. А жениховъ возбуждали къ сраженïю, Агелай, Евриномъ, Амфимедонтъ, Димоптолемъ, Пизандръ и Поливъ; ибо сïи крѣпчайшïе были паче всѣхъ въ живыхъ оставшихся, и животъ свой защищавшихъ; прочïе же подвер-

вержены смертоносному поражению.

Агелай тако речетъ къ нимъ: Други мои! доколѣ сей мужъ будетъ тако неистовствовати? Се тщеславный Менторъ уже оставилъ его; они едины токмо осталися во дверяхъ: сего ради не всѣ совокупно бросайте копія, но потщитеся вопервыхъ поразити самаго царя. Когда послетъ намъ Дій свою славу убити его; уже не столько останется намъ попеченія о прочихъ.

Сіе ему рекшу, мещутъ всѣ на Одиссея копія свои. Но Аѳинская богиня всякое стремленіе соделала не дѣйствительнымъ: ибо иныя изъ нихъ вонзилися въ стѣну, инныя въ двери. И тако всѣ съ царемъ бывшіе спаслися отъ пораженія. Тогда Одиссей тако вѣщалъ: Други мои! потщимся и мы вергнути копія наши во множество ихъ: се уже они, къ усуб-

губленїю своихъ злодѣянїй, и насъ покушаются изтребити. И тако всѣ четверо вергаютъ на жениховъ копїя; тогда Одиссеево вонзается во Димоптолема, Тилемахово сокрушаетъ Еврїода, Евмеево поражаетъ Елата, а Филитїево низлагаетъ Пизандра. Женихи текутъ во внутренняя дому. Но побѣдители извлекши отъ поверженныхъ труповъ копїя, устремляюся паки на все ихъ множество. Женихи вторично ставъ вкупѣ, мещутъ на нихъ копїя: однако и сїе тщетно ихъ было покушенїе: едино токмо копїе Амфимедонтово стремленїемъ своимъ слегка повредило поверхность руки у Тилемаха, такожде Ктисиппово прикоснулося острїемъ мѣди десному раму Евмея, но безъ малѣйшаго уязвленїя. Потомъ Одиссей со своими мещетъ на нихъ копїя. Самъ онъ убиваетъ Еврида-манта, Тилемахъ поражаетъ Амфиме-

фимедонта, Евмей сокрушаетъ Полива, а Филитїй низвергаетъ Ктисиппа, и тако со превозношенїемъ къ нему глаголетъ: Сыне Полиѳерсовъ! нынѣ воздержися отъ строптивости языка своего и велерѣчїя; се тебѣ воздаянїе за кравїю ногу, которую ты подалъ царю моему.

Тѣмъ временемъ Одиссей низлагаетъ Агелая, Тилемахъ пронзаетъ Лїокрита посредѣ чрева, и острїе въ хребетъ излетаетъ.

Тогда божественная Паллада находяся на высотѣ вознесла щитъ свой: видя сїе всѣ женихи устрашилися, и текутъ по разнымъ мѣстамъ разсѣянны, аки разъяренныя во время жаркихъ и должайшихъ дней кравы.

Одиссей и Тилемахъ со двоими пастухами аки плотоядные орлы мещутся на малыхъ птицъ, не имѣющихъ ни силы сопротивитися, ни быстроты крилъ спасатися

ся бѣгствомъ; текутъ во слѣдъ жениховъ; всюду за ними устремляются; поражаютъ безъ разбору; страшное слышится стенанїе умерщвляемыхъ: весь помостъ наполняется теплою кровїю. Лїодъ притекши къ Одиссею объемлетъ его колѣна, и тако со смиренїемъ вѣщаетъ: Великодушный царю! вонми моему моленїю, и воспрїявъ слова мои, яви надо мною милосердїе; ибо мню, что ни едина отъ рабынь твоихъ не вознесетъ на мя никакого зла и неправеднаго дѣла. Но когда видѣлъ я прочихъ жениховъ, обиды и неистовства творящихъ; всячески тщился ихъ воздержати; но мнѣ они не повиновалися; сего ради достойное воспрїяли наказанїе; я токмо между ими былъ прорицатель, и ни какого злочинїя не содѣлалъ: когда убо за сїе равно мертваго мя повергнеши; то какое воздаянїе будетъ за дѣла благїя? Одиссей воззрѣвъ

на

на него гордымъ окомъ, рекъ: Когда ты нарицаешися прорицателемъ, воистинну и ты желалъ, дабы погибъ день моего возвращенія; самъ же хотѣлъ пояти жену, и дѣтей отъ нее раждати; сего ради не надѣйся избѣгнути горькія смерти. Рекши сіе подъемлетъ мечь убіеннаго Агелая, коимъ поражаетъ вскорѣ Лїода посредѣ выи: и тако падаетъ отъ раменъ глава его на песокъ.

Между тѣмъ Фимій пѣвецъ, кой всегда призыванъ былъ противу желанія къ женихамъ, стоялъ близь дверей со своею цѣвницею, помышляя въ себѣ, сѣсти ли изшедъ изъ дому при жертвенникѣ великаго Дїя, гдѣ Одиссей и Лаэртъ многія бедра приносили въ жертву, или притекши къ царю объяти его колѣна и просити пощады. Послѣднее избравъ за лучшее, полагаетъ цѣвницу между чашею и сѣдалищемъ, и притекши къ Одиссею

сею объемлетъ его колѣна, и вѣщаетъ со смиренїемъ: Великодушный царю! молю тя, призри на мое моленїе, и сотвори милость со мною. Самъ ты воистинну разкаешися послѣ, когда убїеши не виннаго пѣвца, кой знаменитыхъ мужей и боговъ прославляетъ своимъ пѣнїемъ; я самъ собою научился; но Богъ вдохнулъ мнѣ разумѣти все пѣнїе; сего ради молю тя, не отъими главы моея. Самъ возлюбленный сынъ твой Тилемахъ возвѣститъ тебѣ, что я не по хотѣнїю моему приходилъ въ домъ твой, но по принужденїю множайшихъ и сильнѣйшихъ мужей, по окончанїи пиршества, призыванъ бывъ для увеселенїя пѣнїемъ.

Тилемахъ по семъ вѣщаетъ къ Одиссею: Отче мой! воздержи руки твои отъ убїйства; не умерщвляй пѣвца Фимїя и сохрани животъ провозвѣстнику Медонту, кой всегда во младенчествѣ моемъ имѣлъ

о мнѣ попеченіе, ежели не убилъ его или Филитій, или Евмей, или самъ ты съ нимъ срѣтився.

Медонтъ абіе услышавъ гласъ Тилемаха, [ибо лежалъ подъ сѣдалищемъ покрытъ воловіею кожею, желая избѣгнути смерти;] возстаетъ оттуду, и притекши къ Тилемаху, объемлетъ его колѣна, тако вѣщая: Возлюбленный Тилемахъ! Се я здѣсь есмь! Молю тя, укроти гнѣвъ отца твоего, да пощадитъ животъ мой и не погубитъ яряся на прочихъ мужей, кои разточали домъ его, тебя ни во что вмѣняя.

Одиссей являя веселый видъ отвѣщалъ: Дерзай и не страшися; сынъ мой спасаетъ тя отъ смерти, и сохраняетъ животъ твой, да познаеши самъ, и возвѣстиши прочимъ, что лучше благое, нежели злое творити. Изъидите убо отсюду съ пѣвцемъ Фиміемъ, и

сѣди-

сѣдите на дворѣ до совершенїя дѣла, какое мнѣ подобаетъ.

Рекшу тако Одиссею, они обое изшедъ во дворъ, сѣли при олтарѣ Дїевѣ, и всюду обращали взоръ ожидая убїенїя. Тѣмъ временемъ Одиссей проходилъ между трупами мертвыхъ, созерцая, не сокрывается ли кто живый; но всѣхъ видитъ мертвыхъ лежащихъ и въ крови плавающихъ. Аки рыбы отъ моря ловцами на брегъ извлеченныя, освѣщены бывъ лучами солнца, лежатъ на пескѣ мертвыя; тако женихи разпростерты и неподвижны лежали на помостѣ.

По семъ Одиссей вѣщаетъ къ Тилемаху: Иди и призови питательницу Евриклею, да нѣкое реку ей слово. Тилемахъ пришедъ къ ней говоритъ: Иди скоро къ отцу моему, да нѣчто отъ него услышиши. Евриклея возставъ абїе послѣдуетъ Тилемаху, и пришедъ

шедъ обрѣтаетъ Одиссея между убіенными женихами. Аки левъ разтерзавъ тучнаго вола, и пожравъ его идетъ чрезъ поле, имѣя челюсти свои и перси окровавленныя, даже взоръ его страшенъ: тако Одиссей сидѣлъ посредѣ мертвыхъ труповъ, имѣя руки и ноги кровію обагренныя. Евриклея узрѣвъ мертвыя тѣла и текущую всюду кровь, возноситъ великое рыданіе; но Одиссей скоро возбранилъ ей сіе рекши: Любезная Евриклея! сокрый радость свою на сердцѣ, и не воздвизай гласа; ибо недостойно есть убійствомъ мужей превозноситися. Судьба и опредѣленіе боговъ злыя ихъ дѣянія очистили моею рукою; зане ниже злому, ниже благому мужу, кой пріидетъ къ нимъ, не воздавали чести: сего ради за свое буйство пріяли поносное мщеніе. Повѣдай убо и изчисли днесь предо мною женъ, кои никого отъ домашнихъ

моихъ

моихъ не почитали, и со женихами неистовствовали.

Чадо мое! Евриклея отвѣщала, повѣдаю тебѣ всю истинну: пятьдесять рабынь обрѣтается въ дому твоемъ, коихъ мы обучили прядѣнію и тканію волны, и исполняти всякую работу; но отъ нихъ двѣнадесять вступили въ безстудныя дѣла, и ниже меня, ниже самую царицу Пинелопу не почитали. Тилемахъ недавно пришелъ въ такій возрастъ, но матерь не допущала его имѣти надъ рабынями смотрѣніе. Но повели мнѣ взыти въ чертогъ, да возвѣщу о тебѣ женѣ твоей, коей нѣкій богъ послалъ крѣпкій сонъ.

Одиссей рекъ: Помедли еще возбуждати Пинелопу; но иди и приведи сѣмо рабынь, кои до нынѣ творили дѣла неподобныя.

Сіе рекшу Одиссею, Евриклея абіе отходитъ исполнити повелѣніе царя, кой тѣмъ временемъ при-

призвавъ къ себѣ Тилемаха и обоихъ пастуховъ вѣщаетъ имъ: Начните сїи трупы износити отсюду вкупѣ съ рабынями; измыйте всѣ сѣдалища и столы водою, и отрите губками. Когда очистите домъ весь, изведите рабынь на дворъ и тамо близь отдаленныя ограды разсѣките ихъ мѣчами, и исторгните отъ тѣлесъ ихъ души, да впредь никакого здѣсь неистовства не будетъ, каковое прежде съ женихами имѣли.

Тако вѣщающу Одиссею, входятъ рабыни и лїютъ горестныя слезы. Изнесли они вопервыхъ трупы убїенныхъ, положивъ ихъ подъ крыльцомъ, по семъ омыли водою сѣдалища и столы, и отерли губками: Тилемахъ со Евмеемъ и филитїемъ тщательно очищали помостъ отъ крови умерщвленныхъ, а рабыни нечистоту вонъ износили. По очищенїи всего дома изводятъ рабынь внутрь двора,

 по

поставляютъ всѣхъ во единомъ тѣсномъ мѣстѣ, откуду не возможно имъ было никако убѣжати.

Тогда пришедъ къ нимъ Тилемахъ рекъ: Не хощу чистою смертїю отъяти животъ у сихъ безстудныхъ, кои на главу мою и на главу матери моея многїя изливали поношенїя.

Рекши сїе протягаетъ корабельное ужище отъ единаго столпа къ другому, и возвысилъ оное тако, дабы невозможно было ногами земли прикоснутися; каждой возлагаетъ сило на шею, и всѣхъ въ верхъ подъемлетъ. Тогда возтрепетали злополучные ногами, но на краткое время. По семъ изводятъ на среду двора Меланөїя, коему отрѣзавъ носъ и уши повергли псамъ на снѣденїе; отсѣкли такожде руки и ноги. Наконецъ совершивъ всѣ дѣло, и умывъ руки и ноги, къ Одиссею въ чертогъ возвращаются, кой вскорѣ по-

повелѣваетъ Евриклеѣ тако: Принеси ко мнѣ сѣру и огнь, да сотворю въ дому куренïе; между тѣмъ ты иди, и призови ко мнѣ Пинелопу со всѣми рабынями. Евриклея рекла ему: Чадо мое! Все сïе скоро исполню; токмо повели мнѣ прежде принести чистыя одежды, да облечешися во оныя; ибо въ сихъ рубищахъ обращатися тебѣ не подобаетъ.

Прежде всего принеси мнѣ огнь, рекъ Одиссей. Евриклея повинуяся изволенïю цареву, вскорѣ подала ему огнь и сѣру. Одиссей возставъ сотворилъ въ всемъ дому великое куренïе. Евриклея тѣмъ временемъ идетъ повѣдати рабынямъ о возвращенïи царя своего, кои услышавъ о семъ текутъ спѣшно со свѣтильниками, и пришедъ въ чертогъ, гдѣ пребывалъ Одиссей, всѣ съ великою радостïю становятся окрестъ его, приносятъ поздравленïе, обемлютъ и

лобызаютъ главу, рамена и руки: и тако вселяется въ сердце царево сладкое желанïе ко слезамъ и воздыханïю; ибо всѣхъ тогда началъ въ умѣ своемъ познавати.

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТIЯ.

Пси.

Еврïклея входитъ въ чертогъ къ царицѣ съ возвѣщенïемъ о прибытïи мужа ея, имѣя крѣпкïя ноги и твердыя колѣна, и ставъ надъ главою ея, тако вѣщаетъ: Возстани отъ одра, возлюбленная дщи! Да узриши явно, что всякïй день жаждеши увидѣти. Се твой непобѣдимый Одиссей возвратився обрѣтается въ домѣ, онъ смертïю поразилъ гордыхъ жениховъ, кои

домъ

домѣ и все имѣнїе расточали, сына твоего ни во что вмѣняя.

Любезная питательница! отвѣщала ей Пинелопа, воистинну нынѣ безумною тебя сотворили боги, кои и зѣло мудраго могутѣ содѣлати несмысленнымѣ, и буяго премудрымѣ: тако и твой разумѣ они днесь отѣяли; прежде во всемѣ ты была смысленна; почто сими словами огорчаеши паче болѣзненное мое сердце, и возбуждаеши отѣ сладкаго сна, кой обѣемши слезящїя непрестанно очи, всѣ уды мои связалѣ крѣпко. Ибо никогда толь крѣпко я не спала, отнелѣже Одиссей отшелѣ вѣ ненавистную мнѣ и не достойную воспоминанїя Трою. Изѣиди убо отсюду, и паки возвратися кѣ дѣлу своему. Воистинну скоро сѣ великимѣ огорченїемѣ изгнала бы отсюду другую отѣ рабынь, когдабы оная, прельщая симѣ ложнымѣ извѣщенїемѣ, отѣ сна меня возбудила. Но тебѣ

вЪ семЪ старость вспомоществуетЪ.

Любезная дщи! Евриклея рекла паки ей, не прельщаю тебя; но воистинну пришелЪ Одиссей; воистинну возвратился онЪ вЪ домЪ свой. Одиссей есть оный странникЪ, коего вЪ дому твоемЪ всѣ презирали. ТилемахЪ единЪ давно зналЪ уже о семЪ, но отца своего мудростїю скрывалЪ отЪ всѣхЪ его прибытїе, ради наказанїя гордыхЪ жениховЪ твоихЪ за неистовство.

Пинелопа слышавЪ сїе возрадовалася, и соскочивЪ отЪ одра, обЪемлетЪ питательницу, и проливЪ слезы отЪ очей вѣщаетЪ: Любезная Евриклея! Возвѣсти мнѣ правду, воистинну ли мужЪ мой Одиссей пришелЪ вЪ домЪ свой? И како единЪ будучи дерзнулЪ простерти руку противу множества юношей, кои всегда совокупно вЪ домѣ семЪ пребывали?

Еври-

Евриклея отвѣщала: Не видѣла я, ниже слышала что либо; токмо слышала стенаніе умерщвленныхъ; ибо мы заключены были въ отдаленной храминѣ, и сидѣли въ великомъ страхѣ. Но когда сынъ твой, по повелѣнію отца своего, позвалъ меня, тогда обрѣла я Одиссея стоявшаго посредѣ мертвыхъ, кои всѣ, единъ близь другаго на каменномъ помостѣ лежали. Ты сама тогда возрадуешися сердцемъ, когда узриши его, аки льва, обагреннаго кровію. Нынѣ всѣ они лѣжатъ вкупѣ на дворѣ; а Одиссей великимъ огня куреніемъ очищаетъ домъ, повелѣвъ мнѣ звати тебя къ себѣ. Гряди убо со мною, да оба обрадуете сердца свои; зане довольно уже претерпѣли вы великихъ горестей; днесь же исполнилося ваше желаніе: возвратился владыка дому, обрѣлъ тебя и сына своего, и жениховъ содѣлавшихъ вамъ злая наказалъ всѣхъ смертію.

Любезная питательница, Пинелопа рекла, премедли сею радостїю превозноситися; ибо сама ты знаеши, что Одиссея въ дому сѣмъ всѣ воспрїяли бы съ радостїю, и паче всѣхъ сыну, рожденному отъ обоихъ насъ, Тилемаху явился бы онъ любезенъ. Но возвѣщенїе твое не есть праведно, какъ ты сказуешь. Воистинну нѣкто отъ боговъ, преогорчившися на дѣла и насильственныя обиды жениховъ, наказалъ ихъ смертїю; ибо никому они отъ смертныхъ не воздавали почести, ни злому, ни благому, кто ни приходилъ сѣмо; сего ради за неправду свою воспрїяли месть; Одиссей въ далекой странѣ отъ Ахейскїя земли погибши самъ отъялъ и день возвращенїя.

Евриклея паки глаголетъ: Чадо мое! Какое слово изшло днесь изъ устъ твоихъ? Ты вѣщаеши, что мужъ твой никогда не возвратится въ домъ сей: неправедно сїе,

сїе; онъ нынѣ сѣдитъ здѣсь предъ огнищемъ; сердце твое всегда есть неимовѣрно. Скажу убо тебѣ и явственное знаменїе: Когда я умывала его, тогда познала язву оную, которую нѣкогда нанесъ ему вепрь на горѣ Парнассѣ; и я въ то же время хотѣла о немъ тебѣ открыти; но онъ уста мои со гнѣвомъ заградилъ. Слѣдуй днесь замною; и когда я о Одиссеѣ повѣдала ложъ, смерти буду повинна.

Пинелопа отвѣщала: Возлюбленная Евриклея! Совѣты божїе и зѣло мудрому человѣку не удобно есть познати. Идемъ убо къ сыну, да узрю жениховъ убїенныхъ и мужа ихъ умертвившаго.

Сїе рекши низходитъ отъ чертога многими помышленїями мятущися: отдалече ли ставъ вопрошати мужа своего, или приближився главу и руки его облобызати.

Вшедъ убо во храмину, сѣла со-

сопротивъ Одиссея при сіяніи огня близь другія стѣны. Одиссей сидѣлъ при столпѣ, имѣя очи долу поникшія, и ожидая, начнетъ ли великодушная жена съ нимъ разглагольствіе, видя предъ лицемъ своего мужа.

Она долгое время сидѣла въ молчаніи; ибо душа ея была объята великимъ изумленіемъ: иногда взирала на его лице, иногда не домѣвала, видя въ гнусныя одежды облеченнаго.

Наконецъ Тилемахъ къ Пинелопѣ начинаетъ рѣчь: Возлюбленная мати! Почто толико жестокосерда? Почто тако чуждаешися отца моего? Сѣдши близь его, ниже вопросиши, или очемъ испытаеши? Воистинну ни какая жена не имѣетъ толь крѣпкаго сердца, что бы не рещи чего либо мужу своему, кой по претерпѣніи многихъ бѣдъ, въ двадесятый годъ пришелъ во свою отечественную зем-

землю; но сердце твое превозходитъ твердость камня.

Пинелопа рекла ему: Сынъ мой! душа во мнѣ изумленна пребываетъ, и немогу начати съ нимъ разглагольствїя, ниже на лице его воззрѣти. Когда же праведно онъ Одиссей, и возвратился въ домъ свой; всеконечно другъ друга познаемъ.

Тако рекла; Одиссей осклабився вѣщаетъ къ Тилемаху: Сыне! остави матерь твою да искуситъ меня, еда не лучше ли тогда меня познаетъ; днесь же, зане гнусенъ есмь, и раздранныя на мнѣ одежды видитъ, сего ради презираетъ меня, и не хощетъ прїяти за мужа своего. Но оставя сїе положимъ совѣтъ, како дѣлу нашему благїй конецъ дати; ибо когда кто и единаго убїетъ мужа, но не имѣетъ защитниковъ, бѣжитъ оставляя сродниковъ и отечественную землю. Напротивъ того

го мы избили многихъ, и знаменитѣйшихъ во Иѳакѣ. Сего ради повелѣваю совѣтоватися другъ со другомъ.

Тилемахъ рекъ ему: Ты самъ, любезный мой отче! о семъ предусматривай, зане слышалъ я, что ты премудрыми своими совѣтами превозшелъ всѣхъ земнородныхъ; мы готовы послѣдовати тебѣ, и колико силъ есть, не отрекуся отъ дерзновенія.

Одиссей отвѣщалъ: Открою тебѣ совѣтъ мой, кой зрится мнѣ полезнѣйшимъ: Вопервыхъ умыйтеся и облекитеся въ свѣтлыя одежды; тожеповелите и рабынямъ сотворити; по семъ да предшествуетъ намъ пѣвецъ со своею цѣвницею и плясаніемъ, дабы идущіе по пути, или окрестъ насъ обитающіе, услышавъ сіе помыслили, что бракъ совершается. Сіе же будетъ сея ради вины, да не прежде разъидется слава по граду

ду о убійствѣ жениховъ, доколѣ мы не изъидемъ на село наше, гдѣ и положимъ совѣтъ, какій послан̂ъ будетъ отъ великаго Дія.

Тако рекъ; и всѣ съ радостію исполнили повелѣніе царево. Вопервыхъ умывся облеклися въ свѣтлое одѣяніе; уготовалися и жены; по семъ пѣвецъ пріявъ цѣвницу, во всѣхъ возбудилъ желаланіе къ пѣнію и плясанію. Весь домъ возшумѣлъ отъ звука пляшущихъ и отъ гласа поющихъ мужей и женъ. Слышавшіе сіе внѣ дома тако разглагольствовали: Воистинну нѣкто отъ женнховъ поемлетъ въ жену себѣ царицу нашу, многими желанную: невѣрная! не похотѣла побдѣти о домѣ перваго мужа до его возвращенія.

Тако прочіе помышляли истиннаго дѣла не разумѣя. Тѣмъ временемъ домостроительница Евринома умыла Одиссея, и помазавъ

еле-

елеемъ облекла въ свѣтлыя одежды: Паллада же излила на него благодать свою, возвративъ благолѣпіе, зрѣніе содѣлавъ величественнѣе, тѣлу давъ тучность, и власы на главѣ украсивъ подобно цвѣту Іакинѳову. Аки человѣкъ, коего Ифестъ и Паллада научили совершати многохитростныя дѣла, обливаетъ сребро златомъ; тако Аѳинская богиня излила Одиссею на главу и на рамена благодать свою, кой по изшествіи отъ бани подобенъ казался безсмертнымъ, и сѣдши на прежднее мѣсто противъ жены своей, тако къ ней начинаетъ: Блаженная въ женахъ! Воистинну боги содѣлали сердце твое твердѣйшимъ паче всѣхъ женъ; ибо никакая жена толико великодушно не поступилабы при узрѣніи мужа, кой по претерпѣніи великихъ бѣдствій въ двадесятый годъ пришелъ бы въ страну отечественную. Но ты, питательница,

ница, уготовай мнѣ ложе, да поне единъ почїю; зане жена моя сердцемъ подобится твердости желѣза.

Великїй мужъ! мудрая Пинелопа рекла, ниже сама я превозношуся, ниже тебя уничижаю, ниже зѣло удивляюся, токмо знаю совершенно, какїй ты былъ отходя на кораблѣ своемъ изъ Иѳаки. Но ты Евриклея! уготовай ему одръ, и положи мягкую постелю съ покровомъ внутрь онаго чертога, кой отъ него самаго устроенъ.

Тако рекла искушая мужа. Но Одиссей раздраженъ бывъ своею супружницею тако отвѣщалъ: Любезная жена! Воистинну поразила ты сердце мое рекши сїе. Кто положилъ одръ мой на другомъ мѣстѣ? Не удобно сїе сотворити и вельми хитрому человѣку, развѣ единъ токмо Богъ, а не отъ человѣкъ кто; зане велїе знаменїе положено тамо, кое никто инный, токмо я поставилъ. Внутрь ограды

ды было сѣннолиственное масличное древо цвѣтущее и зеленое, дебелое аки столбъ. Тамо основалъ я брачный свой чертогъ, соорудивъ его отъ чистыхъ камней, устроивъ на немъ крѣпкїй покровъ и положивъ твердыя двери; всѣ вѣтьви древесныя отъ самаго кореня очищены; къ совершенному устроенїю чего употреблено мною всякое подобающее искусному древодѣлю орудїе; древо сїе таковымъ содѣлано для того, чтобы быти ему аки непоколебимому столпу; отсюду начиная, простирается одръ мой, украшенный златомъ, сребромъ и слоновою костїю, на коемъ постлана багряная воловїя кожа. Се тебѣ знаменїе! Не вѣдаю, тако ли и доднесь непоколебимо пребываетъ моя ложница? Или нѣкто отъ человѣкъ разрушилъ оную?

Тако рекъ; и Пинелопа познавъ истинно реченныя имъ признаки, абїе вострепетала сердцемъ и душею;

шею; и проливая слезы, течетъ къ мужу своему; простираетъ руки на выю его; лобзаетъ главу и лице его, и тако вѣщаетъ: Возлюбленный Одиссей! молютя, да не огорчаешися на мя; зане и во инныхъ случаяхъ паче прочихъ человѣкъ былъ ты разуменъ: но боги пославъ намъ напасть, не благоволили, да пребывая неразлучно, наслаждаемся младостiю, и достигнемъ старости. Не раздражайся убо, любезный супругъ! и не гнѣвайся, что я въ началѣ узрѣвъ тя не объяла тако; ибо сердце мое всегда страшилося, дабы кто пришедъ, не прельстилъ лестными словами: зане многiе соплетаютъ пагубныя ухищренiя. Ниже сама Аргивская Елена, дщерь Дiева, не полюбила бы иноплеменника, когда бы знала, что сыны Ахейскiе паки отведутъ ее въ домъ отечественный. Но Богъ возбудилъ въ сердцѣ ея сотворити дѣло не

подобное, отъявъ отъ сердца ея помышленіе о величайшемъ будущемъ бѣдствіи, которое и насъ постигло. Днесь когда явныя знаки повѣдалъ ты мнѣ о ложѣ нашемъ, коего никакій человѣкъ не видѣлъ, токмо ты, я и едина рабыня Акторида, кою отецъ далъ мнѣ отходившей въ домъ твой, и которая хранила двери ложницы нашея, жестокое сердце мое преклоняеши къ вѣроятію.

Тако вѣщая подвигла Одиссея ко многимъ слезамъ, кой плакалъ радуяся, что имѣетъ жену пріятную и разумную. Аки когда Посидонъ вѣтромъ и волнами корабль сокрушитъ, и многіе тогда погибнутъ въ водахъ; а спасающіе животъ свой плаваніемъ радостными очами взираютъ на приближающуюся къ нимъ землю, на кою избѣжавъ отъ смерти съ веселіемъ изходятъ, имѣя многую окрестъ

тѣла

тѣла прилипшую сланость: тако Пинелопа неутомимыми очами взирала на Одиссея, не отъемля рукъ отъ его выи. И воистинну во взаимномъ плачѣ ихъ явилася бы божественная заря, когда бы Аѳинская богиня не продолжила теченіе нощи, заключивъ златозарную денницу въ океянѣ, и коней ея свѣтъ носящихъ земнороднымъ удержавъ отъ стремленія. Тогда Одиссей вѣщаетъ къ супружницѣ своей: Пинелопа! еще не къ концу всѣ наши подвиги приведены, но и во грядущее время великій и не удобь сносимый трудъ предлежитъ, кой однако подобаетъ мнѣ совершити. Зане тако душа Тиресіева мнѣ завѣщала въ день оный, когда я низходилъ въ жилища адовы, желая испытати о возвращеніи моихъ сопутниковъ и о своемъ собственномъ. Но любезная жена! идемъ нынѣ въ ложницу нашу и насладимся сладкимъ сномъ.

Пинелопа рекла ему: Когда боги благоволили тебѣ пріити въ домъ и отечество, ложе всегда готово будетъ, когда сердце твое возжелаетъ. Но когда Богъ открылъ сердцу твоему подвигъ оный, и ты разумѣеши его; повѣдай убо и мнѣ о немъ; ибо мню, что въ предбудущее время услышу; но скоро познати есть полезнѣйше.

Одиссей отвѣщалъ: Любезная супруга! что мя къ сему принуждаеши? Повѣдаю и не сокрою отъ тебя ничего: но мню, что сердце твое не возрадуется о томъ, ниже я самъ радуюся. Внуши: прорицатель оный повелѣлъ мнѣ проходити многіе грады людскіе, имѣя въ рукѣ весло, доколѣ наконецъ не пріиду къ народамъ, кои не знаютъ моря, не ядятъ пищи съ солію, ниже знаютъ что либо о корабляхъ, веслахъ и крылахъ оныхъ. Онъ мнѣ повѣдалъ и знаменіе, кое

и тебѣ открою: когда узрю идущаго во срѣтеніе мнѣ другаго путешественника, которой узрѣвъ меня несущаго на рамѣ весло скажетъ, что ты лопату на плечѣ носишь? Тогда повелѣлъ мнѣ водрузити гребло въ землю, и принести царю Посидону священную жертву, агнца, овна и вепря; по семъ отъити въ домъ, и тамо всѣмъ богамъ сотворити сточисленное приношеніе. Смерть же мнѣ пріидетъ отъ моря слабая, которая въ глубокую старость пришедшаго меня сразитъ; окрестные народы будутъ блаженны. Вся сія, какъ онъ мнѣ предъявилъ, сбудутся непремѣнно.

Пинелопа рекла ему: Когда боги послютъ тебѣ благоденственную старость, надежду имѣеши, что избѣжиши отъ всякимъ впредь злоключеній.

Тако Одиссей и Пинелопа разглагольствовали. Тѣмъ временемъ

Евринома со Евриклеею уготовляли имъ одръ отъ мягкихъ ризъ при возженныхъ свѣщахъ. Постлавъ оный, Евриклея отходитъ въ свою храмину, а Евринома, идущимъ имъ въ чертогъ предшествовала со свѣщею, и препроводивъ ихъ паки возвратилася въ свое мѣсто. Одиссей и Пинелопа съ веселїемъ восходятъ на древнее ложе. Тилемахъ же съ пастухами окончивъ плясанїе, повелѣли престати отъ онаго и всѣмъ рабынямъ. И тако отходятъ всѣ почити. Одиссей съ супружницею насладився сномъ препровождали прочее время другъ со другомъ въ разглагольствїяхъ. Едина повѣдала, колико претерпѣла печали взирая на множество жениховъ, кои безъ пощадѣнїя закалали воловъ и овецъ, и ненасытно виномъ упивалися. Одиссей съ своей стороны возвѣстилъ все по ряду, колико нанесъ озлобленїя людямъ, и колико самъ претерпѣлъ напастей.

стей. Пинелопа со вниманїемъ слушая возхищалася душею, и ниже малѣйшїй сонъ смѣжилъ ея вѣжди, доколѣ всѣ не окончалъ. Началъ онъ вопервыхъ съ того, како усмирилъ Киконовъ, како пришелъ въ тучную землю Лотофаговъ; что содѣлалъ ему Киклопъ, и како отмстилъ ему за смерть своихъ сопутниковъ, безъ милосердїя онымъ пожранныхъ; како пришелъ къ царю Эолу, воспрїявшему его съ любовїю и дружелюбно отпустившему; но судьба не благоволила прїити во отечество, ибо жестокая буря восхитивъ далече отнесла въ море; по семъ како пришелъ въ пристанище Лестригоновъ, кои всѣ корабли и всѣхъ его сопутниковъ погубили, токмо онъ единъ на своемъ кораблѣ и бывшїе на немъ избѣжали отъ смерти; повѣдалъ такожде о лести и коварствѣ богини Кирки: како низходилъ въ жилища адовы вопроси-

ти душу Θивскаго Тиресія, гдѣ видѣлъ всѣхъ своихъ сопутниковъ и матерь породившую и воспитавшую его; како слышалъ сладкіе гласы Сиринъ; како проходилъ морскіе камни, страшную Хариву и и неумолимую Скиллу, коя никогда людей безвредно не пропускаетъ; како сопутники его убили солнцевыхъ кравъ, и како за сіе злодѣяніе громомещущій Дій пламенною молніею поразилъ корабль его, и тамо въ морѣ погибли всѣ оставшіеся его сопутники; единъ токмо онъ плаваніемъ спасся отъ смерти; наконецъ како достигъ острова Огигійскаго, и тамо многое время обиталъ у нимфы Калипсы, которая желая его имѣти своимъ мужемъ, не отпущала отъ себя, угощала со тщаніемъ, обѣщалася учинити безсмертнымъ и никогда нестарѣющимся; но никако сердца его не могла преклонити; како оттуду по претерпѣніи

мно-

многихъ напастей пришелъ къ феакіанамъ, кои его отъ всего сердца почтили, и обильно наградивъ златомъ, мѣдію и драгими одеждами, препроводили въ любезную землю отечества. Когда сіе скончалъ послѣднее повѣствованіе, сладкій сонъ, вся попеченія души прогоняющей, напалъ на его члены.

Аѳинская Паллада познавъ, что Одиссей насладился уже сладкимъ сномъ, денницу абіе воздвигла отъ океана, да несетъ свѣтъ смертнымъ. Тогда Одиссей востанвъ отъ ложа вѣщаетъ женѣ своей: Пинелопа! довольно уже мы сномъ насладилися и пренесли горестей; ты ожидая моего возврашенія, сердцемъ сокрушалася; а мнѣ Дій и прочіе боги путь къ возвращенію во отчизну препинали. Нынѣ убо ты храни стяжаніе, сущее въ дому нашемъ; овецъ же по-

жранныхъ женихами, ово самъ приобрящу въ корысть, ово Ахеане воздадутъ, доколѣ всѣ стояла не наполнятся. Я днесь отхожу на село, да узрю возлюбленнаго моего отца, кой непрестанно о мнѣ болѣзнуетъ. Внуши что реку тебѣ: се вскорѣ при возхожденіи солнца промчится слава по всему граду о убіеніи жениховъ; сего ради ты взыди въ горній чертогъ съ рабынями, сѣди тамо, ни на кого не взирай, ниже вопрошай о чемъ. Рекъ, и абіе облекшися во оружіе, повелѣлъ пріяти Тилемаху и обоимъ пастырямъ брони. Вскорѣ всѣ вооружилися; и отверзши врата изходятъ, предшествующу Одиссею. Уже тогда свѣтъ осіялъ землю; но божественная Аѳинская Паллада покрывъ ихъ мглою, вскорѣ извела внѣ града.

****

ОМИРОВОЙ ОДИССЕИ

ПѢСНЬ ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Омега.

ТѢмъ временемъ Киллинiйскiй Ермiй взывалъ души умерщвленныхъ мужей, имѣя въ рукѣ златый жезлъ, коимъ смѣжаетъ очи людей, ихъ же хощетъ; и паки коихъ хощетъ отъ сна возбуждаетъ. Симъ онъ помавая предводительствовалъ; а онѣ за нимъ слѣдовали. Аки нетопыри, излетая отъ глубины мрачныя пещеры, скрежещутъ и между собою сцѣпляются: тако души шествовали за Ермiемъ со скрежетанiемъ близь водъ океана, близь бѣлаго камня, близь солнцевымъ вратъ и сонливаго народа.

Вскорѣ приближився къ злачному полю, гдѣ обитали души

ви-

видѣнія скорбящихъ, обрѣтаютъ тамо души, Ахилла, Патрокла, Антилоха и Эанта, кой по Ахиллѣ зракомъ и всѣмъ тѣломъ превозходилъ Данаевъ. Посемъ подходитъ къ нимъ многими болѣзньми сраженная душа Агамемнона со инными многими, кои въ дому Эгисѳовѣ единакую смерть пріяли. И тогда душа Ахиллова начинаетъ тако: Сыне Атреевъ! мы тебя нарицали паче всѣхъ ироевъ любезнѣйшимъ быти молніеносному Дію, зане зѣло надъ многими и храбрыми владычествовалъ ты народами во странѣ Троянской, гдѣ Ахеане претерпѣли многія напасти. Къ тебѣ ли убо первому должна была смерть приступити, отъ коея ни кто изъ рожденныхъ спастися не можетъ? О когда бы ты при Трои вкусилъ оную; тогда воистинну бы всѣ Ахеане содѣлали тебѣ великолѣпную гробницу, и тѣмъ сыну своему въ предбудущія времена при-

приобрѣлъ бы ты великую славу! Но судьба предуставила пожренну тебѣ быти злополучною смертїю.

Душа Агамемнонова рекла на сїе: Храбрый Ахиллъ, благополучный сынъ Пелеевъ; ты окончалъ животъ свой при облежанїи Трои, и лежалъ на пескѣ распростертый, забывъ коней правленїе; многїе тогда Трояне и избранные сыны Данайскїе окрестъ тебя повержены лежали, убиты бывъ на сильной рати: мы же весь день сражалися; и воистинну не престали бы отъ брани, когда бы громодержецъ Дїй не прекратилъ оныя страшною бурею. Тогда изнесли мы тебя отъ мѣста сраженїя къ кораблямъ, и положивъ на одрѣ омыли благолѣпное тѣло твое теплою водою и вонями помазали. Всѣ тогда проливали слезы власы свои остригши. Матерь извѣстився о твоемъ убїенїи, грядетъ отъ моря

моря съ прочими богинями, велій вопль испуская по морю. Тогда трепетъ объялъ всѣхъ Ахеянъ; и воистинну устремившися хотѣли тещи на корабли, еслибы нѣкій премудрый въ совѣтахъ и во многихъ древностяхъ искусившейся старецъ не удержалъ ихъ тако вѣщая: Стойте Аргивяне, и не ужасайтеся сыны Данайскіе! Се матерь съ прочими богинями шествуетъ во срѣтеніе мертвому своему сыну.

Тако рекъ, и всѣ страхъ отринули. Тогда окрестъ тебя ставъ дщери морскаго старца, болѣзненно рыдали, по семъ облекли въ нетлѣнныя одежды; девять Мусъ, едина за другою сладкимъ гласомъ пѣли плачевныя пѣсни, и тѣмъ всѣхъ Аргивянъ возбудили къ плачу, такъ что ни единаго не обрѣлъ бы ты не испускающаго слезы. Седьмьнадесять дней и нощей

нощей плакали по тебѣ безсмертные боги и земнородные; въ осьмый же надесять предали тѣло твое огню, многихъ заклавъ тучныхъ овецъ и черныхъ кравъ. Предали тебя огню въ одѣяніи знаменитомъ, умащенна многими вонями и медомъ. Въ то время знатное количество ироевъ Ахейскихъ, конниковъ и пѣшцевъ окрестъ горящаго костра стоявъ въ оружіи творили подвиги, отъ чего произшелъ зѣльный шумъ. По сожженіи костей твоихъ, собрали мы воутріе бѣлый пепелъ оныхъ во двоеное вино съ мастію, для коихъ матерь твоя дала златый ковчегъ, даръ Діониса, твореніе же знаменитаго Ифеста. Тамо, бранный Ахиллъ! лежитъ твой пепелъ купно съ костьми Патрокла сына Менитіева: но кости Антилоха, коего ты паче всѣхъ ратаевъ по Патроклѣ почиталъ, особь положены. На томъ мѣстѣ, гдѣ

произ-

произходило твоего тѣла сожженїе, сооружена высокая и великолѣпная гробница всѣмъ священнымъ Аргивскимъ воинствомъ, дабы всѣ плавающїе по морю, кои нынѣ суть, и кои впредь будутъ, отдалече могли оную видѣти. Матерь по совершенїи моленїя богамъ предложила подвиги, и за оные множайшїя награжденїя избраннѣйшимъ отъ Ахеянъ. Многажды бывалъ я при погребенїи знаменитыхъ мужей и царей, и видѣлъ, како препоясуются юноши къ подвигамъ, и какїя творятъ имъ воздаянїя; но ничто въ сравненїи оныхъ награжденїй, каковыя представлены по тебѣ богинею Ѳетидою; зане вельми богамъ ты былъ любезенъ. Тако и по смерти превознесенно есть твое имя, и всегда и во всѣхъ языцѣхъ велїя о тебѣ гремѣти будетъ слава. Мнѣ же коя польза, что сражался? Зане громомещущїй Дїй

при

при возвращенїи моемъ совѣщалъ мнѣ поносную смерть отъ рукъ Эгисѳа и пагубныя жены.

Тако они разглагольствовали. И се грядетъ къ нимъ Аргоубїйца Ермїй, ведя съ собою души жениховъ, Одиссеемъ убїенныхъ. Агамемнонова тѣнь познавъ Амфимедонта, сына Меланѳїева, вѣщаетъ къ нему: Амфимедонтъ! что пострадавъ пришли вы въ сїю сѣнь смертную, при томъ всѣ избранны и равнолѣтны есте? Воистинну никто бы, избирая въ цѣломъ градѣ, не избралъ лучшихъ мужей. Посидонъ ли жизнь у васъ отъялъ во время плаванїя, воздвигнувъ зѣльные вѣтры и страшныя волны? Или не праведные мужи, поражая стада воловъ и овецъ, отъяли и вашъ животъ? Или брань творя за градъ и за женъ вашихъ? Отвѣщай мнѣ вопрошающему тебя; ибо я нѣкогда угощенъ былъ тобою. Помнишили, когда я съ му-

жественнымЪ МенелаемЪ обиталЪ вЪ дому вашемЪ, пришедЪ увѢщевати Одиссея, дабы купно сЪ нами отправился на Троянскую брань, по преклоненіи коего цылый мѢсяцЪ мы плавали по морю?

АмфимедонтЪ рекЪ ему: Помню все сіе тобою реченное, и повѢдаю тебѢ истинну, какая намЪ смерть приключилася: всѢ мы желали получити вЪ жену себѢ супружницу царя Одиссея Пинелопу, коя ниже отрицалася брака, ниже совершала оный, предустроя намЪ смерть и лютую пагубу; напослѢдокЪ соплела слѢдующее ухищреніе: постановивЪ она станЪ начала ткати великое и тонкое платно, тако намЪ рекши: Младые мои женихи! когда побѢдоносный Одиссей умерЪ, потерпите ускоряти бракомЪ, доколѢ не совершу одежду на погребеніе престарѢлому Лаэрту; ежели враждеб-

дебная смерть пресѣчетъ дни живота его, дабы нѣкая отъ Ахеянокъ не поругалася мнѣ, узрѣвъ безъ одѣянія лежаща того, кто многимъ въ жизни обладалъ стяжаніемъ.

Таковымъ ея словамъ сердца наши повинулися. Но она сотканное днемъ паки разрѣшала нощію при горящихъ свѣтильникахъ. Тако лесть сія сокровенна пребывала три года. Наставшу четвертому лѣту, нѣкая отъ рабынь возвѣстила намъ о ея коварствѣ; и мы обрѣтши ее разрѣшающую тканіе, принудили вскорѣ посемъ противъ воли окончати, кое измывъ послѣ показала намъ устроенное, солнечному сіянію или лунѣ подобное. Тѣмъ временемъ не свѣдомо откуду и какій духъ поставилъ на село Одиссея, гдѣ пастухъ обиталъ; туда пришелъ и сынъ его Тилемахъ, возвратився изъ

пила на кораблѣ. И тако положивъ совѣтъ о убійствѣ нашемъ, пришли во градъ; Тилемахъ первѣе, а Одиссей послѣ приведенъ бывъ пастухомъ во образѣ нищаго старца на посохъ восклоняющагося, и въ толь гнусныя рубища облеченнаго, что ни единъ отъ насъ не могъ познати внезапнаго его пришествія; но всѣ мы творили надъ нимъ поруганія, ово словами, ово удареніями: однако онъ всѣ досажденія долго сносилъ терпѣливно. Наконецъ, когда возбудилъ въ немъ премудрый Дій Эгіохъ дерзновеніе; тогда онъ съ Тилемахомъ избравъ крѣпкую броню положили въ чертогѣ, у коего двери заключили твердо: послѣ повелѣлъ женѣ коварно предложити для подвига лукъ и желѣзо намъ злополучнымъ; но къ напряженію онаго всѣ наши силы были слабы. Когда пришелъ оный лукъ въ руки Одиссея; тогда всѣ мы жестокими претили

тили словами ему не касатися: единЪ токмо ТилемахЪ повелѢлЪ ему дати. Одиссей пріявЪ лукЪ, напрягЪ его безЪ труда, и пустилЪ желѢзо чрезЪ всѢ кольца; посемЪ возставЪ на помостЪ, извергЪ отЪ тула всѢ стрѢлы; и яростно воззрѢвЪ на насЪ мещетЪ едину вЪ насЪ, и поражаетЪ оною царя Антиноя, послѢди и всѢ смерть пріемлемЪ, и падаемЪ во множествѢ. Но воистинну нѢкто отЪ боговЪ вЪ то время поборалЪ имЪ; зане и прочіе единомышленники послѢдуя Одиссееву и Тилемахову мужеству, убивали насЪ дерзновенно: отЪ умерщвленія насЪ изходило всюду страшное стенаніе, по всему помосту кровь протекала. Тако, царю АгамемнонЪ! мы погибли. ТѢла же и доднесь еще не погребенны лежатЪ вЪ домѢ ОдиссеевѢ; ибо никто о семЪ еще отЪ друговЪ нашихЪ не свѢдомЪ, кои бы раны омывЪ отЪ

крови, и возложивъ тѣла на одры, насъ оплакали; зане таково есть воздаянїе умершимъ.

Агамемнонова тѣнь рекла: Благополучный сынъ Лаэртовъ, премудрый Одиссей! Итако ты стяжалъ жену съ великою добродѣтелїю. Какъ благи были помышленїя дщери Икарїевой, и какъ незабвенно было ей имя мужа Одиссея! Сего ради хвала о добродѣтели ея никогда не умолкнетъ; но боги содѣлаютъ земнороднымъ красную пѣснь въ честь мудрыя Пинелопы. Напротивъ того дщерь Тиндарова, совѣщевая пагубныя дѣла, убила дѣвственнаго своего мужа; память убо ея между людьми пребудетъ ненавистна и безславна для всѣхъ младыхъ женъ, хотя инная отъ нихъ будетъ и добродѣтельна.

Тако души разглагольствовали въ селенїяхъ адовыхъ. Одиссей и прочїе съ нимъ отъ града изшедшїе,

шїе, скоро достигли села, кое нѣкогда самъ Лаэртъ прїобрѣлъ своими трудами. Тамо былъ домъ со многими инными виталищами, гдѣ обитали потребные слуги, со угожденїемъ ему работавшїе; тамо пребывала и престарѣлая Сикилїйская жена, коя тщательное имѣла попеченїе о Лаэртѣ. Тогда Одиссей пастухамъ и сыну рекъ: Вы нынѣ идите въ домъ, и тамо лучшую отъ свиней заклавъ уготовите трапезу; а я пойду искусити отца моего, еда познаетъ мя толикое время отсутствовавшаго.

Сїе рекши, военную броню вручаетъ слугамъ, кои вскорѣ въ домъ пришли. Одиссей приближився къ вертограду, и вошедъ въ оный, не обрѣтаетъ Долїя, ни сыновъ его, ниже прочихъ рабовъ; но всѣ отлучилися для собранїя хврастїя для огражденїя онаго:

единаго токмо видитъ отца, древо очищающаго, кой облеченъ былъ въ раздранное рубище, лыста его обвязаны были ветхою воловїею кожею, дабы избѣжати уязвленїй, на рукахъ имѣлъ рукавицы къ защищенїю отъ тернїя, на главѣ былъ покровъ отъ козьей кожи, въ означенїе старости. Одиссей узрѣвъ отца, старостїю изможденнаго и печалїю сокрушеннаго, сталъ подъ высокою грушею и пролилъ слезы; послѣ думалъ, притечь ли ко отцу, и облобызавъ его все повѣдати, како пришелъ во отчизну, или прежде вопросити его и испытати. Тако помышляя приближается къ Лаэрту, кой въ то время окопывалъ корень, и ставъ предъ нимъ вѣщаетъ: О старче! воистинну великое имѣеши знанїе и раченїе управляти вертоградомъ симъ: се ниже малѣйшее древо, ниже смоковница, ниже лоза виноградная, ниже масличина, ниже

же груша, ниже бразды зрятся безъ призрѣнія. Но скажу тебѣ нѣчто, ты же не раздражися о семъ: почто самъ о себѣ не радиши, и въ глубокой старости находяся видишися не доброзраченъ, ниже одѣянъ, какъ подобаетъ? Ибо владыка сего стяжанія не можетъ тебя обличити за нерадѣніе. Но образъ твой и величественный видъ являютъ быти тебя не рабскаго состоянія; зане подобенъ еси царю, кой умываяся и насыщаяся пищею почиваетъ великолѣпно; ибо сіе есть обыкновеніе престарѣлыхъ. Но повѣждь мнѣ истинну, чій ты рабъ, и чій садъ назираеши? Повѣдай и сіе, истинно ли я обрѣтаюся во Иѳакѣ, какъ сказалъ мнѣ нѣкто срѣтившейся со мною, не довольно разуменъ? Ибо не смѣлъ онъ ниже отвѣщати, ниже слушати словъ моихъ, какъ я его вопрошалъ о другѣ моемъ, еще ли въ живыхъ онъ обрѣтается,

или уже мертвѣ и въ сеий смертней обрѣтается. О немъ и тебѣ я повѣдаю, ты же внуши: Нѣкогда я во отечествѣ моемъ воспріялъ въ дому страннаго мужа къ намъ пришедшаго, [ибо до него ни единаго у себя не видѣлъ я пришельца;] кой повѣдалъ мнѣ, что родомъ изъ Иѳаки, сынъ Лаэрта сына Аркисіева. Я угостилъ его дружелюбно въ присутствіи многихъ, и далъ ему страннопріемные дары, какія приличны, а имянно: седьмь талантовъ чистаго злата, сребряную чашу, дванадесять ковровъ, тридесять шесть разныхъ одеждъ и четырехъ благообразныхъ женъ, коихъ самъ онъ возхотѣлъ избрати, и кои знали пристойныя ихъ полу рукодѣлія.

Престарѣлый Лаэртъ проливая слезы отвѣщалъ: Странниче! воистинну та есть самая сія земля, о коей вопрошаеши; но мужи не

не праведные и насильственники обладаютъ ею. Данные же дары тобою суть тщетны; ибо когда бы ты обрѣлъ того живаго во градѣ семъ, воистинну со многимъ воздаянїемъ и съ дружескимъ угощенїемъ отпустилъ бы тебя. Но скажи мнѣ истинну, коликїй годъ идетъ, какъ ты угощалъ твоего друга, а моего злополучнаго сына, коего далече отъ отечества, или въ морѣ рыбы пожрали, или на земли звѣрямъ и птицамъ бысть въ разтерзанїе, и коего ниже отецъ и матерь, покрывъ тѣло его, оплакали, ниже мудрая жена Пинелопа, положивъ на одръ, и смѣживъ очи возлюбленнаго супруга, слезами оросила? Ибо сїе есть воздаянїе мертвымъ. Но повѣдай мнѣ: отъ какихъ народовъ пришелецъ еси? Кой градъ твой и кто родители? Гдѣ сталъ корабль, привезшей тебя сюда? Или купечествовати въ чуждемъараблѣ прибылъ сѣмо, и сопут-

ники

ники твои, препроводивъ тебя, паки ялися плаванiю?

Мудрый Одиссей рекъ ему: Повѣдаю тебѣ истинну; отечество мое есть градъ Аливантъ, и обитаю тамо во знаменитомъ домѣ, сынъ есмь Афиданта царя, сына Полипимонова, а имя мнѣ Епиритъ. Принесенъ я въ страну сiю по внезапному случаю, заблуждая отъ Сиканiи; корабль мой стоитъ близъ нѣкоего села далече отъ града; пятый годъ течетъ какъ я видѣлъ Одиссея, изъ моего отечества отшедшаго. Злополучный! воистинну идущу ему въ путь видны были отъ десныя страны благопредвѣщательныя птицы; я радуяся о семъ предзнаменованiи отпустилъ его такожде веселящагося. Ибо сердца наши уповали еще насладитися взаимнымъ угощенiемъ и дружескими дарами.

Тако рекъ; и се болѣзненный

мракъ

мракъ покрылъ Лаэрта, кой взявъ обѣими руками песокъ, съ тяжкимъ воздыханїемъ посыпалъ онымъ сѣдую главу свою. Тогда поколебался Одиссей сердцемъ и смутился воздыханїемъ, зря отца своего снѣдаема печалїю; потомъ мещется къ нему на выю, и тако вѣщаетъ: О возлюбленный отче! я самый тотъ есмь, о коемъ ты испытуеши, и кой въ двадесятый годъ пришелъ въ отечественную землю; престани убо отъ плача; зане подобаетъ мнѣ нѣчто рещи тебѣ и дѣломъ ускоряти: я убилъ въ дому нашемъ всѣхъ жениховъ, за зловредныя дѣла имъ отмщевая.

Лаэртъ отвѣщалъ ему: Когда ты сынъ мой возвратившейся въ домъ, скажи мнѣ нѣкое явное знаменїе, да увѣрюся.

Одиссей рекъ: Отче мой! се виждь язву оную, которую нѣкогда

гда содѣлалъ мнѣ вепрь на Парнассѣ, когда ты и почтенная матерь, посылали меня ко Автолику отцу ея, дабы пріяти отъ него обѣтованные дары. Се такожде повѣдаю тебѣ и о древахъ, тобою мнѣ данныхъ, когда я во отрочествѣ слѣдовалъ за тобою въ вертоградѣ семъ; ихъ ты мнѣ нарекъ и исчислилъ по единому; далъ ты мнѣ тринадесять грушъ, десять яблонь, четыредесять смоковницъ, обѣщаяся впредь дать пятьдесятъ плодоносныхъ браздъ, гдѣ всякаго рода во свое время раждаются ягоды.

Тако рекъ. Тогда престарѣлый Лаэртъ содрогнулся сердцемъ и возтрепеталъ колѣнами, познавъ явныя знаменія, Одиссеемъ реченныя; мещетъ изнемогшія руки на возлюбленнаго своего сына, а Одиссей пріемлетъ отца почти бездыханна во свои обьятія.

Ла-

Лаэртъ собравъ духъ, вѣщаетъ тако: Отче Дїй! воистинну еще вы, безсмертные боги, обитаете на Олимпѣ, когда безстудныхъ мужей наказали за свои злочинїя. Токмо днесь смущаюся сердцемъ, да не како всѣ Ахеяне притекутъ сѣмо, или пошлютъ о семъ возвѣстити въ Кефаллинскїе грады.

Мудрый Одиссей отвѣщалъ: Возлюбленный отче! дерзай и не пекися о семъ; но паче идемъ въ домъ лежащїй близъ вертограда; ибо я предпослалъ туда Тилемаха и пастуховъ, дабы уготовали скоро намъ ястїе.

По семъ отходятъ въ домъ, гдѣ обрѣтаютъ Тилемаха и пастуховъ сѣкущихъ мяса, и красное вино растворяющихъ. Тѣмъ временемъ великодушнаго Лаэрта омыли водою, и помазавъ елеемъ, облекли въ чистое одѣянїе: Паллада

да же Аѳинская представъ содѣлала образъ его величественнѣйшимъ. Одиссей узрѣвъ отца изшедшаго отъ бани, аки нѣкоего отъ боговъ, удивился, и тако къ нему речетъ: Отче мой! воистинну нѣкто отъ боговъ содѣлалъ лице твое благолѣпнѣйшимъ и усугубилъ величество.

Лаэртъ рекъ: Отче Дїй, Паллада и Аполлонъ! О когда бы я былъ таковъ, какъ плѣнилъ укрѣпленный градъ Нирикъ, обладая Кефаллинскими брегами, воистинну вскорѣ неистовыхъ жениховъ отъ дому нашего изгналъ бы, или сокрушилъ бы ихъ колѣна; воистинну тогда бы ты возрадовался душею.

Тако они разглагольствовали. По уготовленїи ястьвъ сѣли всѣ по чину, и едва токмо приступили къ яденїю, какъ входитъ престарѣлый Долїй со своими сына-

нами, отъ дѣлъ утружденные, кои узрѣвъ царя своего и познавъ явно, стали во дверяхъ изумлены. Одиссей воззвавъ къ нимъ кроткимъ гласомъ речетъ: Престаните удивлятися, приступите къ вечери; ибо давно уже желаемъ ясти, токмо васъ ожидали. Старецъ простерши руки течетъ къ нему, а Одиссей прiявъ его лобзаетъ въ ланиту. Долiй съ радостными возопилъ слезами: Возлюбленный царю! уже мы и помышляти престали о твоемъ возвращенiи; но безсмертные привели тебя къ намъ по желанiю сердецъ нашихъ; живи убо, и во вѣки радуйся; да подадутъ тебѣ боги всякое благоденствiе! Но возвѣсти мнѣ, уже ли знаетъ мудрая Пинелопа о твоемъ пришествiи? Или пошлемъ сказати ей о тебѣ?

Старче! Одиссей отвѣщалъ, не пекися о семъ, Пинелопа уже

свѣдома. Сїе рекши паки возсѣлъ. Равнымъ образомъ и сыны Долїя привѣтствовали царя, цѣловавъ его руки. Посемъ сѣли всѣ по ряду близъ своего отца. Тако всѣ вкупѣ вечеряли. Между тѣмъ по всему граду скоро изшла молва о избїенїи и смерти жениховъ. И се текутъ отвсюду со многимъ воздыханїемъ и шумомъ въ домъ Одиссеевъ, износятъ мертвыхъ и погребаютъ; бывшихъ изъ другихъ градовъ вдаютъ рыбарямъ для препровожденїя каждаго въ домъ свой. Посемъ съ сокрушенными сердцами сбираются на сонмъ, гдѣ первый Евпиѳей возсталъ; ибо не удобь сносимая печаль объяла сердце его о смерти сына Антиноя, коего первѣе убилъ Одиссей, и проливая слезы, тако начинаетъ: Други мои! воистинну велїе преступленїе сотворилъ мужъ сей Ахеянамъ; первое отходя на брань взялъ многихъ и храбрыхъ мужей,

по-

погубилъ ихъ тамо всѣхъ съ кораблями своими; нынѣ же возвратився единъ, предалъ смерти избранныхъ Кефаллинскихъ юношей. Предваримъ убо, да не утечетъ или въ Пилъ, или въ Елиду, гдѣ владычествуютъ Епеяне; идемъ, или послѣ непрестанно будемъ снѣдатися печалїю; зане будетъ намъ поношенїе и отъ потомственныхъ народовъ, когда за смерть сыновъ своихъ и братїй не сотворимъ отмщенїя; самая жизнь мнѣ будетъ ненавистна, и лучше желаю быти въ числѣ мертвыхъ, нежели сїе оставити. Воздвигнемся убо, да не ускорятъ они бѣгствомъ.

Скончавъ сїе проливалъ слезы, и сожалѣнїе объяло всѣхъ Ахеянъ. Медонтъ же и пѣвецъ бывшїе въ дому Одиссея, и представъ въ собранїе, тако Медонтъ посредѣ всѣхъ вѣщаетъ: Внемлите Иѳакїяне! мудрый Одиссей учинилъ дѣло

сїе не безъ изволенїя боговъ; ибо я самъ видѣлъ нѣкоего отъ безсмертныхъ при немъ стоящаго, во всемъ подобнаго Ментору; оный богъ иногда являлся предъ Одиссеемъ, побуждая его къ дерзновенїю; то устремлялся иногда къ женихамъ, ихъ возжигая; и тако всѣ они пали мертвы.

Таковая ему глаголющу, на всѣхъ нападаетъ страхъ. Посемъ престарѣлый ирой Алиѳерсъ, сынъ Масторовъ, тако начинаетъ: Любезные Иѳакїяне! внемлите и моимъ глаголамъ: убїйство сїе произошло отъ вашего небреженїя; ибо вы не повиновалися ниже мнѣ, ниже Ментору, дабы воздержати сыновъ своихъ отъ безумїя, кои творили неправедныя обиды и всякїя злочинїя, разточая стяжанїе, и не чтя жену мужа отъ всѣхъ Ахеянъ избраннаго, коего не уповали возвращенїя. Да будетъ убо

тако: повинитеся увѣщаніямъ моимъ; оставите начинаемый вами мятежъ, да не како пріиметъ кто-либо лютую смерть и по нехотѣнію.

Тако рекъ, и абіе большая часть крамольниковъ устремляются въ домы съ великимъ шумомъ, и не пріявъ совѣта Алиѳерсова, облекаются во оружіе, повинуются совѣтамъ Евпиѳея, собираются предъ градомъ, и вскорѣ текутъ въ путь. Прочіе же всѣ во градѣ осталися. Евпиѳей, бывъ предводителемъ, уповалъ отмстить за смерть сына своего; но судьба не благоволила и ему здраву въ домъ возвратитися; ибо куда стремился, пріялъ смерть тамо. Тѣмъ временемъ Аѳинская Паллада представъ предъ отц богов, сына Кронова, сицевѣщаетъ: Отче Дій, владыко господствующихъ! повѣждь мнѣ, како

ко совѣщеваетъ твое сердце? Воздвигнеши ли брань и убійство между симъ народомъ? Или послеши обоимъ странамъ согласіе?

Погоняяй облаки сынъ Кроновъ отвѣщалъ ей: Дщи моя! почто мя о семъ вопрошаеши? Не ты ли сама предположила совѣтъ, дабы Одиссей пришедъ въ домъ, жениховъ наказалъ? Твори убо, како хощеши; я же тебѣ реку, како подобаетъ: когда Одиссей жениховъ наказалъ, да царствуетъ навсегда, положивъ вѣрные завѣты; а мы въ сердца людей о смерти сыновъ и братій вложимъ забвеніе; и тако всѣ пребудутъ во взаимномъ согласіи; богатство и любовь на нихъ обильно да изліется.

Тако рекъ отецъ боговъ. Паллада же съ радостію низходитъ отъ высоты Олимпа. Одиссей съ

домо-

домочадцы своими насытився пищею тако вѣщаетъ: Да изыдетъ кто отъ васъ и узритъ, не текутъ ли къ намъ мятежники. Сынъ Долїевъ изшедъ и ставъ во вратахъ, зритъ множество грядущихъ, вопїетъ тако къ Одиссею: Скоро вооружайтеся, се приближилися. По семъ возставъ, каждый возлагаетъ броню; Одиссей съ двоими пастухами, Тилемахъ и шесть сыновъ Долїевыхъ вооружилися; приняли такожде оружїе Лаэртъ и Долїй, украшенные сѣдинами и престарѣлые ратники. Потомъ отверзши врата изходятъ всѣ на поле, предшествующу Одиссею. И се скоро предстала къ нимъ Паллада дщерь Дїева во образѣ Ментора. Одиссей узрѣвъ богиню возрадовался, и тако къ Тилемаху вѣщаетъ: Любезный сынъ! нынѣ яви твое дерзновенїе приступивъ ко брани, гдѣ познаются храбрые мужи; не сотвори поношенїя роду пред-

предковъ своихъ, кои по всей земли прославилися мужествомъ и крѣпостїю.

Возлюбленный отче! Тилемахъ рекъ ему, узриши, когда желаеши, что не содѣлаю посрамленїя роду твоему, какъ ты вѣщаеши. Лаэртъ слыша сїе возрадовался, и тако глаголетъ: Милостивые боги! какїй сей день? Воистинну зѣло веселюся. Се внукъ и сынъ творятъ прѣнїе о храбрости.

Аѳинская Паллада представъ Лаэрту рекла: Сыне Аркисїевъ! сотворивъ моленїе отцу боговъ Дїю и Палладѣ его дщери, скоро вознеси копїе твое и вергни оное. Тако вѣщая вдохнула крѣпость. Лаэртъ принесши мольбу мещетъ копїе и поражаетъ Евпиѳея въ чело, коего не защитилъ даже твердый шлемъ; но острїе копїя проходитъ сквозь кость; противникъ падаетъ со звукомъ отъ брони

воз-

возгремѣвшей. Одиссей и сынъ его мещутся на прочихъ крамольниковъ, мечами и копїями поражая. Тогда воистинну всѣ бы погибли, и ни единъ бы въ домъ не возвратился; когда бы Паллада не воздержала всѣхъ, велїимъ возопивъ гласомъ: Престаните отъ брани, и скоро разъидитесея безъ пролитїя крови.

Тако вѣщающей богинѣ, объемлетъ всѣхъ ужасъ; и отъ гласа ея всѣ повергнувъ оружїе на землю, текутъ ко граду животъ свой спасая. Одиссей же страшно возопивъ мещется во слѣдъ бѣгущихъ, аки орелъ высокопарящїй; но всесильный Дїй мещетъ предъ лицемъ дщери своея Паллады палящую молнїю, коя абїе ко Одиссею тако вѣщаетъ: Сынъ Лаэртовъ! воздержися, и прекрати запаленїе брани, да не преогорчится на тя громомещущїй отецъ боговъ Дїй.

Тако глаголющей богинѣ, Одиссей повинулся радуяся сердцемъ. Премудрая же Паллада посредѣ обѣихъ странъ представъ во образѣ Ментора, мирные завѣты положила на вѣки.

КОНЕЦЪ

ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.